

ВЕСТНИК

НИЖНЕВАРТОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Журнал издается с 2008 года

Свидетельство о регистрации № ФС77-26062 от 25 октября 2006 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ЯЗЫКА

<i>Ю.В.Безбородова</i> Характеристика антропонимии прихода-расходных книг (на материале прихода-расходных книг XVIII—XIX вв.).....	3
<i>Е.В.Гета</i> Обзор некоторых единиц теонимической лексики в контексте русских и польских сакральных текстов	9
<i>Л.В.Новикова, О.А.Бондарь</i> Коммуникативные постулаты прагмалингвистики через призму категории «недосказанность (understatement)»	13
<i>Н.Н.Парфёнова</i> Структурно-словообразовательный аспект исторической антропонимии в русской языковой картине мира.....	19
<i>Н.М.Перельгут, Е.Б.Сухоцкая</i> О структуре понятия «политический дискурс»	35
<i>Н.А.Пластинина</i> Феномен хронотопа как метод филологического анализа текста	42
<i>Р.В.Федорова</i> Способы языковой репрезентации проспективной ситуации близости вступления в действие	47

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Т.Ф.Грищенко</i> Изображение русского национального характера в контексте христианского мироощущения (по повестям В.Г.Распутина «Последний срок» и «Прощание с Матёрой»)	55
<i>О.М.Кульшишева</i> Революционеры духа (А.Блок и В.Маяковский)	64
<i>Н.А.Тулякова</i> Мотив женско-мужской травести в литературной легенде XIX века	71
<i>В.В.Шитова</i> Образ «русского Фауста» в романе «Герой нашего времени» М.Ю.Лермонтова	78

ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

<i>Е.В.Мелехина</i> Мотивационный потенциал текста в обучении чтению на иностранном языке.....	82
---	----

РЕЦЕНЗИИ

<i>М.А.Степанова</i> Мильруд Р.П. Символы культуры.....	87
--	----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Н.М.Перельгут</i> Дискурс как социальная деятельность: приоритеты и перспективы	90
---	----

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Горлов С.И., доктор физико-математических наук, профессор (Нижевартовск)

Заместители главного редактора:

Карпов А.К., кандидат филологических наук, профессор (Нижевартовск)

Коричко А.В., кандидат педагогических наук, доцент (Нижевартовск)

Ответственный редактор

Рянская Э.М., доктор филологических наук, доцент (Нижевартовск)

Секретарь

Новикова Л.В., кандидат филологических наук, доцент (Нижевартовск)

Члены редакционной коллегии:

Абрамов А.В., доктор педагогических наук, профессор (Нижевартовск)

Азизов Х.Ф., доктор физико-математических наук, профессор (Нижевартовск)

Алексеева Л.В., доктор исторических наук, профессор (Нижевартовск)

Бурханов Р.А., доктор философских наук, профессор (Нижевартовск)

Гончарова Е.В., доктор педагогических наук, профессор (Нижевартовск)

Дайхин Т.Л., доктор филологических наук, доцент (Нижевартовск)

Ерохин В.Н., доктор исторических наук, доцент (Нижевартовск)

Ибрагимова Л.А., доктор педагогических наук, профессор (Нижевартовск)

Игнатьев М.Б., доктор технических наук, профессор (Санкт-Петербург)

Косьянов П.М., доктор физико-математических наук, профессор (Нижевартовск)

Кузнецова Л.Г., доктор педагогических наук, доцент (Нижевартовск)

Култышева О.М., доктор филологических наук, доцент (Нижевартовск)

Михайлова О.Ю., доктор психологических наук, профессор (Нижевартовск)

Наумов Н.Д., доктор философских наук, доцент (Нижевартовск)

Полищук В.И., доктор философских наук, профессор (Ишим)

Польнская И.Н., доктор педагогических наук, доцент (Нижевартовск)

Сапожникова Н.В., доктор философских наук, доцент (Нижевартовск)

Скульмовская Л.Г., доктор социологических наук, профессор (Нижевартовск)

Соколов С.Н., доктор географических наук, доцент (Нижевартовск)

Солодкин Я.Г., доктор исторических наук, профессор (Нижевартовск)

Степанова В.В., доктор исторических наук, профессор (Нижевартовск)

Филатова О.Е., доктор биологических наук, профессор (Сургут)

Цысь В.В., доктор исторических наук, доцент (Нижевартовск)

Литературный редактор Фридман Т.А.

Технический редактор Борзов Е.С.

Художник обложки Павлова Л.П.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия

Свидетельство о регистрации № ФС77-26062 от 25 октября 2006 г.

Учредитель: ГОУ ВПО «Нижевартовский государственный гуманитарный университет»

Адрес редакции: 628600, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, г. Нижневартовск, ул. Ленина, 56.

Изд. лиц. ЛР № 020742. Подписано в печать 01.06.2013

Формат 60×84 1/8. Бумага для множительных аппаратов

Гарнитура Times. Усл. печ. листов 12

Тираж 1000 экз. Заказ 1441

Отпечатано в Издательстве Нижевартовского государственного гуманитарного университета

628615, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, г. Нижневартовск, ул. Дзержинского, 11

Тел./факс: (3466) 43-75-73, E-mail: izdatelstvo@nggu.ru

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ЯЗЫКА

УДК 81'373.232 Семейное имя. Фамилия

Ю.В.Безбородова
Нижевартовск, Россия

Y.V.Bezborodova
Nizhnevartvsk, Russia

ХАРАКТЕРИСТИКА АНТРОПОНИМИИ ПРИХОДО-РАСХОДНЫХ КНИГ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРИХОДО-РАСХОДНЫХ КНИГ XVIII—XIX вв.)

CHARACTERIZING ANTHROPONYMY FROM ACCOUNT BOOKS (EVIDENCE FROM XVII—XIX CENTURIES ACCOUNT BOOKS)

Аннотация. В статье рассказывается о семантике фамильных имен Тобольской губернии XVIII—XIX вв. Автор группирует рассматриваемые примеры в зависимости от значения мотивирующей основы. Анализ фамилий проводится с привлечением обширного словарного материала. В результате проведенного исследования выделяется большой пласт фамилий, образованных от различных форм календарных имен. Однако по количеству им не уступают фамилии, образованные от названия рода занятий человека и наименований, определяющих внешний вид и характер.

Ключевые слова: антропоним; классификация фамилий; мотивирующая основа; семантика.

Сведения об авторе: Безбородова Юлия Владимировна, кандидат филологических наук, доцент.

Место работы: Нижевартовский государственный гуманитарный университет.

Контактная информация: 628600, г. Нижевартовск, ул. Мира 3 Б, Нижевартовский государственный гуманитарный университет
E-mail: ybezborodova@yandex.ru

Abstract. The article considers semantics of family names which were common in Tobolsk province in XVIII and XIX centuries. The analysis of the surnames involved vast lexicographic material. The conducted analysis shows that a considerable amount of family names originated from calendar names. The same applies to family names which reflected the occupation, physical appearance and personality features.

Key words: anthroponym; classification of family names; motive; semantics.

About the author: Yulia Vladimirovna Bezborodova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor.

Place of Employment: Nizhnevartovsk State University of Humanities.

Одним из ведущих разделов ономастики является антропонимика, занимающаяся изучением происхождения, развития, становления и лингво-психологической структурой имен собственных. К числу антропонимов относят следующие языковые факты:

1. Собственное личное имя — индивидуализирующее слово, присваиваемое человеку при рождении, под которым он потом известен в обществе. До начала XX в. в литературе широко применялся термин «полуимя» — так называлась деминутивная форма от полного имени, образованная при помощи различных суффиксов субъективной оценки. В отношении древнерусских языческих имен употребляются термины «мирские», «традиционные», «древневосточнославянские», «русские», «народные», «прозвищные», «некалендарные», «неканонические».

2. Отчество, патроним, «патронимическое имя» — название человека, образованное от имени отца именуемого. До начала XX в. употреблялся термин «полуотчество» — именование, совпадающее по своей морфологической структуре с фамилиями на *-ов*, *-ев*, *-ин*. В XVII—XIX вв. полуотчества обычно сопровождаются словами «сын», «дочь», «дети».

3. Фамильное имя — общее семейное наследственное наименование, «семейное наименование лица», «наследственное наименование».

4. Псевдоним — вымышленное по разным причинам имя, фамилия или сочетание того и другого.

5. Прозвище — неофициальное, обычно нежелательное, присваиваемое отдельным лицам в связи с их какими-либо отличительными особенностями. В памятниках XVII в. термин «прозвище» включает в себя несколько значений: 1. Это официальное собственное имя личное. 2. Второе бытовое имя. 3. Семейное прозвание. 4. Кличка [9. С. 36—38].

Понятия «собственное личное имя», «отчество», «фамилия», «прозвище» исторически взаимообусловлены, поэтому к их изучению необходим исторический подход. В процессе своего становления они постоянно изменялись, наполнялись новым содержанием. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что дифференциация понятий «личное имя» и «прозвище», «отчество», «фамилия» имеет собственную историю развития, их соотношенность и взаимосвязь в разные исторические эпохи неодинакова. Так, нельзя говорить о современном значении понятия «прозвище» применительно к XVII—XVIII вв., нельзя отождествлять понятие «фамилия» с понятием «семейное прозвание», «родовое прозвание», несмотря на сходство их морфологических структур. Семейное прозвание XVII—XVIII вв. — это наименование человека (группы людей) по имени главы семьи. Такие имена могли быть наследственными с последующей их заменой. Вопрос о превращении тех и других в фамилии решается исключительно индивидуально в каждом конкретном случае [9. С. 38].

Антропонимия прихода-расходных книг Свято-Троицкого мужского монастыря, судя по нашим наблюдениям, специально не исследовалась. Как и общерусская формула именования лица, она вбирает в себя личное, патронимическое и наследственное проименования, которые, будучи специфическими номинативными знаками, служат средством индивидуализации человека.

В нашей работе главное внимание уделено фамилиям, их структуре и семантике. «*Фамилия* — наследственное семейное именование» [5. С. 3]. Становление в России фамилий, совершенно нового типа именования лица, факт вполне закономерный, который свидетельствовал о водворении гражданственности. В России в XVIII в. сложились производственные отношения, которые привели к созданию крупного централизованного государства. Новая ситуация требовала перехода к более удобной форме именования, чем личные имена. Фамилии, особенно в сочетании с личным именем и отчеством, и были как раз тем конкретизирующим именованием лица, которое позволяло выделять каждую личность в обществе [3. С. 158—159]. В антропонимике установились три принципа классификации антропонимических единиц:

- тематический (на основе знаковой сущности) — здесь на основе онимов выделяются антропонимы. Тут возможна внутритематическая классификация путем членения антропонимов на личные, патронимические (матронимические), фамильные имена, семейные прозвания, прозвища, псевдонимы;
- семасиологический принцип — это объединение антропонимов на базе семантической группировки прозвищ, фамилий, псевдонимов;
- структурно-грамматический — морфолого-словообразовательная систематизация антропонимов аффиксального образования [9. С. 305].

С.И.Зинин, рассматривая процесс образования фамилий, отмечает, что он характеризуется прежде всего постепенным уменьшением количества словообразовательных суффиксов, а также выработкой типизированных регулярных моделей именования. К XVIII в. происходит окончательное формирование моделей русских фамилий. Обычно выделяются следующие основные и продуктивные фамилеобразующие суффиксы: *-ов (-ев), -ин, -ской (-ский), -ой, -ово (-аго), -ых, -ич* [3. С. 94].

Русские фамилии представляют большой «клад» для историка языка. В отличие от нарицательной лексики, где активный запас слов находится в постоянном движении и обновлении, фамильная лексика более стабильна и сохраняет много тех признаков и свойств, которые не могут быть сохранены апеллятивами [3. С. 159]. В связи с этим проблема классификации фамилий интересовала многих лингвистов. Однако всегда в качестве отдельной

группы выделились фамилии, образованные от календарных имен, то есть тех, которые были зафиксированы в так называемых «святцах». Но большую часть русских фамилий составляют отпрозвищные, в которых представлен богатейший лексический пласт, отражающий способность человека закреплять в именах собственных те или иные особенности внешности человека, особенности его психологического склада и характера. Обращение к исследованию прозвищ позволяет вскрыть уникальные возможности антропонимической номинации [6. С. 107].

В современном языке связь между содержанием характеристики лица и значением нарицательной основы фамилии этого лица в большинстве случаев утрачена. Классифицировать современные фамилии по значению их нарицательной основы можно только формально. Только в поэтической антропонимии, где фамилия героям присваивается автором согласно сюжету и идейному содержанию произведения, наблюдается много случаев использования значения нарицательной основы фамилии как дополнительного средства характеристики героев.

В большинстве случаев трудно установить такую связь между характеристикой лица и значением производящей фамильной основы, так как в результате варьирования основы могут изменяться до неузнаваемости. Туркизмы и другие иноязычные слова, известные в современном языке, также могли являться основой для образования фамильных прозваний. Нужно быть осторожным в толковании значения фамильной основы, так как прозвища, от которых они были образованы, могли восходить не к прямому значению слов, а к переносным, в большинстве случаев не засвидетельствованным словарями русского языка [3. С. 199—200].

По семантике мотивирующей основы рассматриваемые фамилии можно сгруппировать следующим образом:

1. *Фамилии, образованные от календарных имен.*

Вероятно, данная группа фамилий возникла в результате влияния трехчленного именования лица, такие фамилии появились у тех, кто или не имел индивидуальных прозвищ, или же имел довольно обидные прозвища, которые при удобном случае отбрасывались. В XVII в. фамильные прозвания, образованные от личных имен, имеют следующие отличительные признаки: а) обычно они образуются от полной светской формы личного имени; б) только от вариантов распространенных в то время имен возможно образование фамильного прозвания; в) фонетические варианты фамильных прозваний были довольно распространенными в то время [3. С. 202—203]: Тихонов, Володимеров [ГАТО. Ф. И-85. Оп. 1. Д. 252. Л. 4]; Иванов [ГАТО. Ф. И-85. Оп. 1. Д. 254. Л. 11 об.]; Парфенов [ГАТО. Ф. И-85. Оп. 1. Д. 255. Л. 8], Федоров [ГАТО. Ф. И-85. Оп. 1. Д. 263. Л. 6], Романова [ГАТО. Ф. И-85. Оп. 1. Д. 252. Л. 4 об.], Яковлев [ГАТО. Ф. И-85. Оп. 1. Д. 255. Л. 2].

2. *Фамилии, образованные от уменьшительных форм календарных имен.*

Стремление уйти от повторения одних и тех же созвучных фамилий проявилось в том, что стали образовываться фамилии от многочисленных неофициальных вариантов личных имен с различными суффиксами субъективной оценки. Как отмечает С.И. Зинин, фамилии такого рода активно стали возникать в XIX—XX вв., тогда как для XVII—XVIII вв. это было редким явлением [3. С. 205]. Фамилии Ермаков: Куплено тавдинской волости у крестьянина Федора Ермакова две меры овса... [ГАТО. Ф. И-85. Оп. 1. Д. 272. Л. 13 об.], Иванишов: Куплено у Тюменского ямщика Димитрия Иванишова душикь... [ГАТО. Ф. И-85. Оп. 1. Д. 272. Л. 10], Илюшин: Куплено у Тюменского купца Льва Илюшина... [ГАТО. Ф. И-85. Оп. 1. Д. 256. Л. 3] образованы от уменьшительных форм календарных имен: *Ермаков* от *Ермак* < *Ермолай*; *Иванишов* < *Иван*; *Илюшин* < *Илюша* < *Илья*.

3. *Отapelлятивные фамилии, обозначающие род занятий именуемого лица.* Фамильные прозвания, образованные от названий профессий, имеют некоторые стилистические признаки. Во-первых, такие фамильные прозвания характеризуются универсальностью,

т.е. могли возникнуть в любом месте и в любое время вне родственных или других связей между одинаково именуемыми. Во-вторых, к таким фамилиям нужно отнести только те, у которых в основе обязательно сохраняется суффикс лица, указывающий на профессию. Этот второй признак тем более важен для классификации, так как в популярных очерках часто к «профессиональным фамилиям» относят антропонимы, обозначающие бытовые предметы [3. С. 210]. В наших материалах отпрофессиональные фамилии довольно распространены.

Так, фамилия Архимандритов скорее всего образована от названия высшего звания священника-монаха — *архимандрит*, которое являлось почетным титулом настоятелей мужских монастырей [6. С. 23]: Куплено у купца Степана Архимандритова атласу... [ГАТО. Ф. И-85. Оп. 1. Д. 254. Л. 4]. Фамилия Иконников, возможно, ведет свое происхождение от апеллятива *иконник*. Так обозначали человека, изготавливающего иконы: Принято отъ прикащика Ивана Иконникова... [ГАТО. Ф. И-85. Оп. 1. Д. 272. Л. 4].

Фамильное прозвание Молотилов возникло, по-видимому, от слова *молотило*, которое обозначало орудие, применяющееся при молотье [7. Т. 19. С. 252], тогда как в пермских говорах так называли молотильщика [2. Т. 2. С. 342]: Заплачено Туринскому мещанину Василию Молотилу... [ГАТО. Ф. И-85. Оп. 1. Д. 272. Л. 2 об.].

Возможно, апеллятив *серебреник* («мастер по чеканке серебра» [4. С. 204]) лег в основу фамилии Серебренников: Федору Серебренникову диакону... [ГАТО. Ф. И-85. Оп. 1. Д. 255. Л. 2 об.].

4. *Оттопонимические фамилии.* Появление фамильных прозваний, образованных от географических мест, связано с некоторыми особенностями именования лица в XVII—XVIII вв. Не только в дофамильный период, но и позже, обычно все лица, прибывающие из другого места в пункт записи или переписи, записывались с обязательным указанием местности, откуда прибыл именуемый [3. С. 212].

По-видимому, с названием областного центра Арзамасской области *Арзамас* связано появление фамилии Арзамасов. По мнению Паасонена, город называется на мордвинском мертвом языке *Еацатас* от *еаца* «эрзя» — мордвин [8. Т. 1. С. 86]: Вдовому диакону Андрею Арзамасову... [ГАТО. Ф. И-85. Оп. 1. Д. 254. Л. 2 об.].

Носителем фамилии Заборовской был московский дворянин. Происхождение связано с наименованием имения (д. Заборовская), образованным по модели: префикс за- + основа топонима (оз. Боровое, р. Боровая, д. Боровая или с. Боровое) + суффикс -ск-. С.Б.Веселовский полагает, что данная фамилия произошла от названия с. Заборовье в Тверском уезде [4. С. 101]: Выдано Андрею Заборовскому... [ГАТО. Ф. И-85. Оп. 1. Д. 252. Л. 5].

5. *Отэтнонимические фамилии.* Л.М.Щетинин писал, что в прямой связи с оттопонимическими фамилиями находятся антропонимы, в которых хранится этническое описание основателя семьи [11. С. 55].

Так, этноним *зырянин*, возможно, послужил мотивирующей основой фамильного прозвания Зырянов. Слово, вероятно, заимствовано из языков манси *saran* — «зырянин, коми-зырянский», ханты *saran* — «зырянский» [8. Т. 2. С. 109—110]: Заплачено... гребцамъ покосовъ крестьянкамъ Дарье Павловой и Наталье Зыряновой... [ГАТО. Ф. И-85. Оп. 1. Д. 272. Л. 12].

Происхождение фамилии Хохлов имеет два объяснения: *хохол* — «украинец, малорос» или *хохол* — «чуб, челка» [12. С. 126]: Куплено у тюменского мещанина Алексея Хохлова... [ГАТО. Ф. И-85. Оп. 1. Д. 272. Л. 4 об.].

6. *Бытовые имена и прозвища, характеризующие внешний вид человека.* Одной из самых многочисленных групп фамильных прозваний следует назвать образования фамилий от прозвищ, подчеркивающих какие-нибудь особенности внешнего вида, физические данные, чаще всего недостатки. Этот способ характерен и для образования современных прозвищ. Чаще всего лицу присваивалось прозвище насмешливого характера. Часто фамилии

образовывались от прозвищ, подчеркивающих недостатки лица, сразу бросавшиеся в глаза [3. С. 207].

Фамилия Брылин связана с апеллятивом *брыла* — губа, отвисшая нижняя губа у собак [8. Т. 1. С. 222]. В говорах Урала и Зауралья брыла — «губа у крупного скота; толстая отвисшая губа у человека» [4. С. 45]. Прозвище, образованное от данного слова, возможно, давалось человеку с большой нижней губой: За два ведра дехтю выдано Дмитрию Брылину... [ГАТО. Ф. И-85. Оп. 1. Д. 252. Л. 6 об.].

Скрюченного человека называли *корюка* («что-либо кривое, скрюченное») [8. Т. 2. С. 344]. Этот апеллятив лег в основу фамилии Корюков: Куплено разнымъ временемъ у крестьянина Василия Корюкова... [ГАТО. Ф. И-85. Оп. 1. Д. 272. Л. 15 об.].

Круглому, полному человеку давали прозвище *Кочень* за сходство с кочаном капусты. Отсюда известна фамилия Кочнев [10. С. 108]: Оные деньги за Филипа Кочнева... [ГАТО. Ф. И-85. Оп. 1. Д. 252. Л. 6].

Основой фамилии Мальков послужило прозвище *Малко*, которое образовано от апеллятива «малый» при помощи суффикса *-к (о)*. Мотивирующей основой послужили значения апеллятива «малый»: «небольшой по величине, объему», «слабый», «малолетний, низший по рангу» [7. Т. 9. С. 21—22; 4. С. 142—143]: Куплено у Тобольскаго купца Ивана Малькова... [ГАТО. Ф. И-85. Оп. 1. Д. 272. Л. 3].

7. *Бытовые имена и прозвища, раскрывающие особенности характера и поведения человека, свойства его психического склада.*

Это многочисленная группа прозваний, образованная от прозвищ, указывающих на особенности характера, привычки, душевные свойства. Возможно, что прозвища присваивались в иронических целях и выражали не действительный признак, а его противоположность [3. С. 207].

Мотивирующей основой фамилии Бирюков послужило значение апеллятива бирюк «волк, нелюдим» [8. Т. 1. С. 168]. Прозвище Бирюк присваивалось нелюдимым, одиноким людям: Выдано Архипу Бирюкову... [ГАТО. Ф. И-85. Оп. 1. Д. 252. Л. 2 об.].

Фамилия Батуриин образована от прозвища *Батура*, которое давалось упрямым, несговорчивым людям [10. С. 30]: Выдано Ивану Батурину... [ГАТО. Ф. И-85. Оп. 1. Д. 263. Л. 3].

В основе фамилии Голотов, по-видимому, значение апеллятива *голота* — «чернь, беднота» [8. Т. 1. С. 431]: Куплено ... у верхотурскаго крестьянина Семена Голотова... [ГАТО. Ф. И-85. Оп. 1. Д. 263. Л. 5 об.].

От прозвища *Деряба*, скорее всего, произошла фамилия Дерябин. Так во Владимирской губернии называли плаксу, реву, а в Рязанской — драчуна, забияку. На Среднем Урале так до сих пор называют беспокойного ребенка [10. С. 67]. Семантика апеллятива в говорах характеризует человека по отрицательным свойствам. Ср.: *деряба* — «кто чешется, царапается, дерет ногтями», «крикун, рева, плакса», «козлодер, сиплый певчий», «вздорный, сварливый человек», «драчун, забияка» [2. Т. 1. С. 432]; вят. «горлопан, склочник» [8. Т. 1. С. 505]; прозвище было известно в княжеской семье (Андрей Иванович Деряба Шуйский) [4. С. 85]: Выдано диакону Ивану Дерябину... [ГАТО. Ф. И-85. Оп. 1. Д. 254. Л. 8 об.].

Шемякинский — *Шемяка* как прозвище было зафиксировано во многих княжеских родах: Шаховских, XV в., Гагариных, XVII в., Пронских, XVI в. О.Н.Трубачев отмечает: «Интерес, представленный для нас этим именем и фамилией, значительно повышается тем обстоятельством, что они сосредоточены в не дошедшей до нас прямой функции. Апеллятив весьма древнего вида **ши-мяка* (ср. *ши-ворот*) < **ьи-ткка*, собств., «тот, кто мнет шею», «забияка», ср. образование «коже-мяка» [4. С. 255]: Приложено комиссионершею Шемякинской... [ГАТО. Ф. И-85. Оп. 1. Д. 272. Л. 2 об.].

Шешуков — эта фамилия и однородные *Шешин, Шешкин, Шешунов, Шишаев, Шишиганов, Шешуев и др.* связаны с нехристианскими личными именами *Шеша, Шешка, Шешук, Шешун, Шишага, Шишай и др.*, возможно, были даны с профилактической целью

уберечь ребенка от действия злых сил, от сглаза. В разных говорах слова *шешка*, *шиши*, *шишико*, *шишига* означали «бес, черт», «нечистая сила». В древнерусском языке слово «шиш» означало «разбойник, грабитель»; подобные значения отмечены и в отдельных говорах — «бродяга, лихой человек, разбойник»: Куплено Ялуторовской округи Боболевской волости у крестьянина Василия Шешукова... [ГАТО. Ф. И-85. Оп. 1. Д. 272. Л. 8 об.].

Однако фамилии могут восходить к прозвищам, связанным с диалектными глаголами *шишиать*, *шишитъ*, *шишикать*, *шишилять* — «копаться, мешкать; неловко что-то делать».

Наконец, нельзя исключить и возможную связь исходных прозвищ от нарицательного *шишика* — «волдырь, нарост» (ср. современные выражения «шишка на ровном месте», «важная шишка»). Возможно, слово было прозвищем важного или важничающего человека, либо человека высокого роста, либо полного [1. С. 567—568]. С другой стороны, прозвище *Шешук* может быть мотивировано апеллятивом *шешок* — «хорь, хоряк». Так могли прозвать человека, похожего на хорька [4. С. 256].

Таким образом, в системе антропонимии прихода-расходных книг Тюменского Троицкого монастыря конца XVIII — начала XIX вв. не отмечаются некалендарные личные имена, что указывает на становление современной традиции именования лиц. Среди мотивирующих основ, от которых образованы фамилии жителей Тюмени конца XVIII — начала XIX вв. преобладают семейные прозвания, образованные от календарных личных имен, что подтверждает утверждение С.И.Зинина: «Следует заметить, что носителей таких фамилий в XVII—XVIII вв. было мало. Резкий скачок наблюдается в конце XVIII — начале XIX века, когда, во-первых, часто крестьян записывали только по имени отца, а во-вторых, писцы использовали приказ правительства, позволяющий менять обидные прозвища на благопристойные. При такой замене чаще всего отчество отца становилось формой фамилии у переименованного» [3. С. 203].

ЛИТЕРАТУРА

1. Ганжина И.М. Словарь современных русских фамилий. М., 2001.
2. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. М., 1997. Т. I—IV.
3. Зинин С.И. Введение в русскую антропонию. Ташкент, 1972.
4. Парфенова Н.Н. Словарь русских фамилий конца XVI—XVIII вв. (по архивным источникам Зауралья). Сургут, 2000.
5. Парфенова Н.Н. Русские фамилии конца XVI—XVIII вв. (по архивным источникам Зауралья). Сургут, 2001.
6. Складарская Г.Н. Словарь православной церковной культуры. СПб., 2000.
7. Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1975—2004. Т. 1—24.
8. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Под ред. Б.А.Ларина. М., 1986—1987. Т. I—IV.
9. Фролов Н.К. Антропонимия Приворонезья XVII в.: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1971.
10. Унбегаун Б.О. Русские фамилии. М., 1989.
11. Щетинин Л.М. Русские имена (Очерки по донской антропонимии). Ростов н/Д., 1975.

**ОБЗОР НЕКОТОРЫХ ЕДИНИЦ
ТЕОНИМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ
В КОНТЕКСТЕ РУССКИХ И ПОЛЬСКИХ
САКРАЛЬНЫХ ТЕКСТОВ**

**REVIEW OF SEVERAL
THEONYMIC VOCABULARY UNITS
EXEMPLIFIED BY THE RUSSIAN AND
POLISH RELIGIOUS TEXTS**

Аннотация. В статье представлен обзор единиц теонимической лексики, вычлененных из русских и польских молитв. Автор рассматривает этимологию данных теонимов, их контекстуальное окружение. Анализируется степень частотности употребления выявленных единиц.

Ключевые слова: теонимика; теоним; значения теонимов; этимология; контекстуальное окружение.

Сведения об авторе: Гета Евгения Владимировна, аспирант кафедры филологии.

Место учебы: Югорский государственный университет.

Контактная информация: 628012, Ханты-Мансийск, ул. Чехова, д. 16.
E-mail: evg-geta@yandex.ru

Abstract. The article presents the review of theonymic vocabulary units taken from the Russian and Polish religious texts. The author considers theonyms' etymology, context of their usage. The usage frequency of these units is also analyzed.

Key words: theonymy; theonym; meanings of theonyms; etymology; context.

About the author: Eugenia Vladimirovna Geta, post-graduate student.

Place of study: Yugra State University.

Сакральный (от лат. sacer, sacri — священный, святой, магический, таинственный) — священный, относящийся к религиозному культу и ритуалу (обряду) [5. С. 17].

Сакральное содержание лексических единиц исследует целый ряд смежных гуманитарных дисциплин, таких как лингворелигиоведение, лингвокультурология, теолингвистика. В данном исследовании мы будем опираться на положения последней заявленной науки — теолингвистики.

В русском языкознании термин «теолингвистика» начинает употребляться учеными и исследователями в начале XXI в. Причем, как отмечает В.А.Степаненко, «...появление теолингвистики назрело в тот момент, когда объектом лингвистических изысканий в современной лингвистике стали такие универсальные/религиозные слова/понятия/концепты/категории... как “Бог”, “Дух”, “Душа”, “Совесть”, “Жизнь”, “Смерть” и т.п.» [8].

Основоположник теолингвистики в отечественном языкознании, известный лингвист и наш современник А.К.Гадомский в своей работе «О лакунах в системе лингвистической науки: проблема взаимодействия языка и религии» приводит следующее определение: «Теолингвистика (греч. theos — Бог и лат. lingua — язык) — это наука, возникшая на стыке языка и религии и исследующая проявления религии, которые закрепились и отразились в языке [2. С. 165]. Также Александром Казимировичем определен и предмет исследования данной науки: «...проявления религии, которые закрепились и отразились в языке, а также язык как форма религии, как способ отражения, сохранения и передачи религиозного содержания» [2. С. 67].

Такие религиозные слова (лексические единицы) объединяются в теонимику — область лексикологии, исследующую лексические значения собственных и нарицательных именованных божеств, духов в плане их системной организации, функционирования, эволюции, этимологии, а также в их связях с другими разрядами собственной и нарицательной лексики. По мнению М.И.Мальсаговой, теонимика — это своеобразный сектор лексического пространства. У нее есть свой особый предмет изучения, он определяется не только по тематическим признакам (теонимы как особая тематическая группа), но и по структурно-семантическим признакам, выделяющим данный раздел из лексики в целом. Таким образом, предметом изучения теонимики является теонимическая лексика.

Такие известные лингвисты как Н.Б.Мечковская, И.В.Бугаева, А.Ю.Мусорин, К.А.Тимофеев представляют в своих работах различные исследования в области как религиозного языка в целом, так и теонимической лексики в частности.

В данной работе мы сделаем обзор некоторых теонимов, вычлененных из молитв русского и польского языка.

В качестве материала для исследования нами были взяты молитвы «Отче наш», «Песнь Пресвятой Богородице», «Трисвятое» и «Символ веры» на русском и польском языках. Из них были вычленены теонимы: *Отче наш*, *Бог*, *Господь*, *Вседержитель*, *Отец* и их польские аналоги: *Ojcie nasz*, *Pan*, *Boże*, *Bóg*, *Wszchemogącego*, *Ojciec*.

Нами учтено определение теонима, данное А.Ф.Журавлевым и Ж.Ж.Варбот в Справочнике по этимологии и исторической лексикологии: «Теоним (греч. Θεός — бог, ονομα — имя) — собственное имя божества (Перун, Артемида, Вишну, Энлиль)». По мнению И.В.Бугаевой, в православной традиции в эту группу можно также включить наименования Святой Троицы, лиц Святой Троицы, Спасителя, небесных бесплотных сил (ангелы, Архангелы, Серафимы, херувимы и т.п.), а также Богородицы [1. С. 2].

Приступая к исследованию, мы можем предположить, что в указанных молитвах чаще используются теонимы Бог (польский аналог *Pan*, *Bóg*) и Господь (польск. *Boże*).

Выделим в текстах прямые и не прямые номинации имен Божьих. Прямая номинация *Бог* — *Pan*, в контексте: «Верую в единого Бога отца»; «*Zdrowaś, Maryjo, łaski pełna, Pan z Tobą*». Непрямая: *Господь* — *Boże, Bóg (Pan)*, в контексте: «И во единого Господа Иисуса Христа»; «*Siedzi po prawicy Boga*». *Отец* — *Ojciec* в контексте: «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу»; «*Chwała Ojcu i Synowi, i Duchowi Świętemu*». *Отче наш* — *Ojcie nasz* в контексте: «Отче наш, Иже еси на небесех!»; «*Ojcie nasz, ktorys jest w Niebie*». *Вседержитель* — *Wszchemogącego* в контексте: «Верую в единого Бога отца, Вседержителя»; «*Wierzę w Boga, Ojca wszchemogącego*».

Рассмотрим этимологию теонимов прямой номинации.

Русское слово «Бог» (<*bogъ) имеет общеславянское происхождение и родственно иранскому *бага* и санскритскому *bhagas* — «податель благ». С другой стороны, оно тесно связано с достаточно древней производной лексикой, обнаруживающей исходное значение «богатство» **bogatъ*, **ubogъ*, а через неё с индоевропейской лексикой, обозначающей *доля*, *делить*, *получать долю*, *наделять*.

В слове *Бог* древний корень стал обозначать полноту бытия, лег в основу наименования Существа, обладающего всем, содержащим в себе всё (Вседержитель).

Согласно данным, представленным в этимологическом словаре славянских языков, существует теория, по которой слово *pan* восходит к праславянскому **gъranъ*, происходящему от скифского **gurān(a)* (ср. с древнеиранским **gaurana-*, означающим «оберегающий, пасущий скот, коровий пастух, волопас»). В соответствии с данной теорией, слово вошло в праславянский язык в эпоху скифских походов около V в. до н.э., что подтверждается наличием в старочешском языке слова *pan* в форме *hpan*.

Pan — форма вежливого обращения, применяемая в некоторых славянских языках: польском, чешском, словацком, украинском, белорусском.

Теоним *Господь* указывает на Бога, как на верховного правителя мира, верховного господина всех живущих в нем людей. По степени частотности употребления данный теоним занимает главенствующее место среди других не прямых номинаций, кроме того, входит в состав таких сочетаний как: *Господь Бог*, *Господа Иисуса Христа*, *Господь с Тобою*; однако в заявленных для нашего исследования польских текстах не найдено сочетания *Господь Бог*, используется либо *Pan*, либо *Boże, Bóg*. Что касается лексемы *Господа Иисуса Христа*, отметим, что в польском аналоге нам представляется целый синонимический ряд: *Jezusa Chrystusa, Syna Jego jedynego, Pana naszego*. Выражение *Господь с Тобою* — *Pan z Tobą*

находим в тексте молитвы «Песнь Пресвятой Богородице», польский вариант «*Zdrowaś, Maryjo*».

Теоним *Господь* происходит от старославянского *gospodь* (по основе на -i, но род., дат. п. ед. ч. господа, госпдоу наряду с господа). Ср.: укр. *góspodь*, болг. *góspod*, сербохорв. *gošpod*, словенск. *gospod*, др.-чешск. *hospod*. Наряду с этим *господи́н*, укр. *господи́н*, ст.-слав. *госпдинь* (кúрюс), болг. *господи́н*, сербохорв. *господи́н*, *госпон*, словенск. *gospodíñ*, *gospon*, чешск. *hospodín*, др.-польск. *gospodzin* (возм., из чешск.). Старославянское *Господь* в функциональном отношении ничем не отличалось от греческого Кúрюс, латинского Dominus, английского Lord, польского Pan, обозначая в равной степени как земного владыку, так и Владыку Небесного. Но будет справедливым заметить, что в дохристианские времена слово *Господь* не входило в круг теонимической лексики. А.Ю.Мусорин отмечает: «...теонимом оно становится лишь после того, как было употреблено для перевода греческого Курюс, которое, в свою очередь, получило теонимическое значение под влиянием древнееврейского *Адонай*».

Теоним *Отец* (*Ojciec*) употребляется в молитвах в сочетании *Отцу и Сыну и Святому Духу, Ojcu i Synowi, i Duchowi Świątemu; Бога Отца (Boga, Ojca)*. Бог Отец (лат. Deus Pater) — в христианстве первая ипостась Святой Троицы (Бог Отец, Бог Сын, Бог Святой Дух). Догмат о Боге Отце закреплён в Никео-Цареградском Символе веры, используемом в богослужении православной, католической, древневосточных Церквей, а также большинства протестантских Церквей. Также выделено выражение *со Отцем и Сыном*, но в польском тексте его найдено не было.

«Церковнославянский и русский теоним *Вседержитель* является калькой с греческого Пантокрáтор (пáντα — всё, kráteto — иметь власть, править, царствовать)» [6. С. 224]. Данный теоним употребляется в молитве «Символ веры» в предложении: «*Верую в единого Бога отца, Вседержителя, Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым*». Очевидно, здесь представлен синонимический ряд лексем: Бог отец, Вседержитель, Творец небу и земли; сравним с польским вариантом: *Wierzę w Boga, Ojca wszechmogącego, Stworzyciela nieba i ziemi*.

Теонимическое сочетание *Отче наш* (*Ojciec nasz*) используется для прямого обращения к Богу, так как лексема *Отче* стоит в звательной форме или вокативе. *Отче* — это звательный падеж слова *отец* в древнерусском языке.

Таким образом, отметим, что теоним *Pan* используется в текстах польских молитв не только как номинация *Бог*, но и в качестве наименования *Господь*. Использование теонима *Bóg* встречается в двух выражениях: *Wierzę w Boga* (*Верую в Бога*) и *po prawicy Boga* (*по правую руку от Бога*).

Проанализировав использование теонимов *Pan* (в значении *Господь* и *Бог*) и *Бог* как прямых номинаций в текстах польских и русских молитв, заключим, что данные единицы теонимической лексики употребляются чаще других имен Божиих, как и было заявлено в начале исследования.

В заключение нашей работы отметим, что в результате обзора лексических единиц теонимического характера были выявлены значения заявленных теонимов, проанализирована этимология и отмечено контекстуальное окружение данных единиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бугаева И.В. К вопросу о структуре сакрального ономастикона. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/42536.php>
2. Гадамский А.К. О лакунах в системе лингвистической науки: проблема взаимодействия языка и религии // Культура народов Причерноморья. 2004. № 49. Т. 1.

3. Краткий понятийно-терминологический справочник по этимологии и исторической лексикологии / Варбот Ж.Ж., Журавлев А.Ф. Российская академия наук, Институт русского языка им. В.В.Виноградова РАН, Этимология и история слов русского языка. 1998. URL: <http://etymolog.ruslang.ru>
4. Мальсагова М.И. Теонимическая лексика как система (на материале художественных текстов). Назрань, 2011.
5. Мечковская Н.Б. Язык и религия. Лекции по филологии и истории религий. М., 1998.
6. Мусорин А.Ю. Общие проблемы изучения теонимической лексики языков христианского мира. Российские немцы. Новосибирск, 2008.
7. Мусорин А.Ю. Теонимическая лексика русского языка. Родной язык, родное слово. Новосибирск, 2004.
8. Степаненко В.А. Теолингвистика в современном религиозном дискурсе. URL: <http://md.islu.ru/node/181>
9. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. 2-е изд., стереотип. М., 1986. Т. 2.
10. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. М., 1974—2009.

*Л.В.Новикова
О.А.Бондарь
Нижевартовск, Россия*

*L.V.Novikova
O.A.Bondar'
Nizhnevartovsk, Russia*

**КОММУНИКАТИВНЫЕ ПОСТУЛАТЫ
ПРАГМАЛИНГВИСТИКИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ
КАТЕГОРИИ «НЕДОСКАЗАННОСТЬ
(UNDERSTATEMENT)»**

**COMMUNICATION
POSTULATES OF PRAGMALINGUISTICS
SEEN THROUGH THE CATEGORY OF
«UNDERSTATEMENT»**

Аннотация. В статье рассматривается лингвокультурный феномен «недосказанность (understatement)» с точки зрения основных коммуникативных принципов современной прагмалингвистики.

Ключевые слова: недосказанность; прагмалингвистика; стратегии вежливости; эвфемизм; принципы межличностной риторики; максимы.

Сведения об авторах: Новикова Лариса Валерьевна¹, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и перевода; Бондарь Ольга Александровна², магистрант кафедры лингвистики и перевода.

Место работы: Нижевартовский государственный гуманитарный университет.

Контактная информация: 628609, г. Нижевартовск, ул. Мира, д. 3 Б; тел. 8(3466) 273577. E-mail: ¹larissa0211@yandex.ru, ²bondar.ol@bk.ru

Abstract. The article dwells upon the lingvocultural phenomenon of “understatement” from the perspective of main communication principles.

Key words: understatement; pragmalinguistics; strategies of courtesy; euphemism; principles of interpersonal rhetoric; maxims.

About the authors: Larisa Valerievna Novikova¹, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor at the Department of Linguistics and Translation; Olga Alexandrovna Bondar², Master degree student at the Department of Linguistics and Translation.

Place of employment: Nizhnevartovsk State University of Humanities.

628609, g. Nizhnevartovsk, ul. Mira, d. 3 B; tel. 8(3466) 273577.

Этнокультурная специфика подходов к речевому акту, в том числе, косвенному, в полной мере находит отражение в реализации категории *недосказанность/understatement* в разных лингвокультурах. То, что в одной лингвокультуре считается коммуникативной нормой, в другой воспринимается как нарушение постулатов общения. Данные расхождения представляют особый интерес с точки зрения прагмалингвистики и неоднократно становились объектом лингвистических исследований. Категория *недосказанность/understatement* может рассматриваться в плоскости психолингвистики и культурологии, отчасти структурной лингвистики, однако, именно прагмалингвистический подход позволяет не только дать наиболее емкое описание данного феномена, но и предоставить инструментарий, к примеру, для лингвистической экспертизы в отношении текстовой реализации описываемого явления.

Прагматической задачей категории *недосказанность/understatement* является *стремление* к смягчению прямолинейности и категоричности, характерное для британской лингвокультуры, значимыми ценностями которой являются сдержанность и самоконтроль. Открытое проявление чувств свидетельствует о незрелости и невоспитанности человека, неприемлемым считается открытое выражение как негативных, так и позитивных эмоций. К примеру, высказывание известного бизнесмена (здесь и далее приводятся реплики литературных персонажей из книг «The Best Laid Plans» С.Шелдона и «How to be an Alien» Дж.Микеша) “*I got a bit of luck*” (*Мне немножко повезло*), вуалирует тот факт, что огромный финансовый успех компании обусловлен тяжелым многолетним трудом. Фраза “*I don't think it is a good idea*” (*Я не думаю, что это хорошая идея*) в ответ на катастрофически неудачное предложение, также скрывает истинное крайне отрицательное отношение говорящего к происходящему.

Эта особенность отмечается в русскоязычных пособиях по психологии делового общения, в которых такие традиционные черты английского делового стиля, как «сдержанность,

склонность к недосказанности, щепетильность» (О.В.Солонкина), готовность выслушать собеседника, не будучи с ним согласным, противопоставляются русским конвенциональным нормам, согласно которым «молчание — знак согласия». Господствующий в Англии коммуникативный принцип «Соблюдай формальности» русскими собеседниками может диагностироваться как проявление маскируемого неискреннего поведения. То, что для англоговорящего адресанта представляет собой формализующую речевой акт норму, русскоязычным адресатом воспринимается как «психологические маскирующие средства».

Настрой на выявление в процессе делового общения признаков фальши, характерный для русской этнокультуры, демонстрирует следующая цитата из пособия по психодиагностике в сфере социально-культурного сервиса — «люди, в поведении которых заметны признаки психологического манипулирования, требуют самого пристального внимания: необходимо фиксировать не только их “психологические маневры”, но и применение приемов суггестивного воздействия (внушения)» [6. С. 69].

При этом к «психологическим маскирующим средствам» относят и традиционный для британского этносоциума принцип вежливости (по Дж. Личу): «Один из приемов завоевания симпатии состоит в том, чтобы постоянно говорить с партнером о нем самом, его проблемах, интересах, чаяниях... Они хотят дать понять, что выделяют партнера среди окружающих, отдают ему предпочтение» [6. С. 69]. Такой конфликт этнокультурных установок, нарушающий коммуникативный постулат о единстве кода адресанта и адресата (по Е.В.Падучевой), может препятствовать успешности речевого акта и вести к коммуникативной неудаче, что обуславливает актуальность изучения категории *недосказанность/understatement* в разных этнокультурах.

Исследованием данного специфичного для англоязычной культуры феномена занимались К.Фокс, У.Болл, А.А.Джигоева, В.Г.Иванова, Т.В.Ларина, С.С.Тахтарова и другие. В данной работе предпринимается попытка систематизировать представления о существующих связях понятия *недосказанность/understatement* с выделяемыми в рамках лингвопрагматики коммуникативными постулатами и подходами к их исследованию.

С точки зрения структурной лингвистики данный феномен, как правило, рассматривался лишь на лексическом уровне в рамках понятия *эвфемизм*. В свою очередь, проблемой эвфемизма занимались Г.Пауль, А.Мейе, А.М.Кацев, Л.П.Крысин и другие. По определению А.М.Кацева, эвфемизм — «это замена любого нежелательного в данной ситуации слова или выражения при помощи нейтрально или положительно коннотированного обозначения с целью избежать конфликта в общении и/или скрыть неприятные явления действительности» [3. С. 5]. Нельзя не заметить, что в дефиниции эвфемизма существенную роль играет прагматический компонент (коммуникативная ситуация, цель трансформации).

Однако экстралингвистический характер позволяет категории *недосказанность/understatement* проявляться на всех уровнях языка. Следующий пример демонстрирует проявление категории «недосказанность (understatement)» на морфемном уровне: “*Julia was in an automobile accident last night. Her face is...disfigured*” («Вчера ночью Джулия попала в автотокатастрофу. Её лицо...изуродовано»). Говоря о страшной аварии и изуродованном лице, адресант употребляет лексему *disfigured*, где *dis* — отрицательная приставка, а *figure* — форма, образ. Совокупность морфем в лексеме *disfigured* — «потерявший, утративший свою форму» с близкой к нейтральной коннотацией в полной мере отражает митигативные (смягчающие) интенции адресанта, в то время как семантика корневого элемента в русском эквиваленте *урод* сопровождается гипертрофированной отрицательной коннотацией.

На лексическом уровне *недосказанность/understatement* может реализовываться не только посредством эвфемизации, но и с помощью слов-минимизаторов *quite, a little, rather, a bit*, посредством которых говорящий приуменьшает важность каких-либо событий и явлений и снижает категоричность своих высказываний. Например: “*I do a bit of sport*” («Я **немного** занимаюсь спортом») говорит человек, проводящий на тренировках

по несколько часов в день. Или же: “*It is rather cold in Antarctica*” («*В Антарктике довольно-таки холодно*») [9. С. 67].

Использование конструкций, отражающих ряд морфологических категорий (сослагательное наклонение, пассивный залог), а также структур вопросительного предложения, двойного отрицания и отрицания, направленного на говорящего, являются языковыми средствами выражения категории *недосказанность/understatement* на синтаксическом уровне. Например, фразой с использованием пассивной конструкции “*I’m sorry but smoking may not be allowed here*” («*Простите, но курение здесь не разрешено*») говорящий мягко намекает, что курение строго запрещено и просто непозволительно.

Системно-структурный подход не дает в отношении рассматриваемого явления целостной картины, что обусловлено психолингвистическими и культурологическими доминантами данного понятия.

Прагматическая составляющая последнего нашла отражение в термине *митигация*, обозначающем процесс и результат смягчения [7. С. 5]. По мнению С.С.Тахтаровой, совокупность митигативных стратегий образует модус общения — коммуникативное смягчение, что в свою очередь способствует поддержанию гармоничной коммуникации и является субкатегорией вежливости. Стоит отметить, что набор митигативных стратегий варьируется в зависимости от типа дискурса, этнокультурологических и индивидуальных характеристик. Использование адресантом митигативных стратегий обусловлено реализацией различных имплицитных интенций — сохранение лица, снижение категоричности оценок, давления на адресата и другие.

В то же время, понятие *митигации* видится нам более узким в сравнении с рассматриваемой категорией, т.к. его функциональное поле исключает выражение ироничных интенций автора, что является одной из задач категории *недосказанность/understatement* наряду с сохранением коммуникативного баланса и смягчением высказываний, таящих в себе угрозу адресату. В рамках данной статьи этот аспект будет рассмотрен несколько позже.

Согласно А.А.Джиоевой и В.Г.Ивановой, категория *недосказанность/understatement* как способ смягчения высказывания подразумевает «количественное переосмысление истинных свойств объекта оценки» [2. С. 12]. Данная категория несет в себе скрытый, имплицитный смысл. Участники речевого общения используют средства выражения категории *недосказанность/understatement* для непрямого высказывания своей точки зрения. При этом адресату (слушающему, коммуниканту, получателю) необходимо самостоятельно восстанавливать, восполнять и интерпретировать скрытый смысл высказывания адресанта (говорящего, коммуникатора, отправителя).

На развитие прагматической парадигмы, занимающейся изучением явных и скрытых целей высказываний адресанта, а также воздействующей силы адресанта на адресата существенное влияние оказывают работы Д.Остина и Дж.Р.Сёрля, которые рассматривают *иллокутивную силу* в качестве базового критерия высказывания, а также П.Грайса, разработавшего *принцип кооперации*, и Р.Лакоффа, сформулировавшего *правила прагматической компетенции*.

Одним из представителей комплементаристского подхода в прагматике (выделяемого наряду с прагмасемантикой) является Дж. Лич, по мнению которого семантика изучает значение высказывания, а прагматика — значение высказывания в связи с ситуацией. Согласно позиции Дж. Лича, коммуникация состоит в решении проблем: для говорящего (адресанта) — каким образом донести цель своего высказывания, для слушающего (адресата) — как понять то, что пытается донести говорящий. Эта концепция приводит к обращению к риторическому аспекту в прагматике: говорящий пытается достигнуть своей цели, используя принципы «хорошего коммуникативного поведения» (*good communicative behavior*) [11. С. 5].

Дж. Лич различает текстуальную и межличностную риторику. Каждый из разделов представляет собой иерархическую систему принципов и максим. В рамках текстуальной риторики рассматриваются такие принципы как *принцип экономии*, *принцип экспрессивности* и другие. Однако природа феномена *недосказанность/understatement* заставляет его исследователей обращаться к принципам и максимам межличностной риторики.

Предложенный П.Грайсом в качестве средства, регулирующего содержание высказывания, *принцип кооперации* был позднее рассмотрен Дж. Личем в рамках межличностной риторики наряду с *принципами вежливости, иронии, подшучивания, интереса и принципом Поллианны*.

Рассмотрим общие аспекты, объединяющие эти понятия. Так, согласно П.Грайсу, *принцип кооперации* включает в себя четыре максимы: максима количества (необходимо передавать точный объем информации, не больше и не меньше), максима качества (информация должна быть правдивой), максима отношения (нельзя отклоняться от темы) и максима способа (необходимо избегать двусмысленности и недосказанности) [10. С. 47].

Данные максимы формируют правила общения и конструктивного диалога и регулируют содержание высказывания, которое должно соотноситься с поставленной иллюкативной целью и характером дискурса.

Очевидно, что категория *недосказанность/understatement* противоречит двум из четырех максим *принципа кооперации*, предложенного П.Грайсом, а точнее *максиме способа*, которая исключает двусмысленность и неясность в сообщении, и *максиме качества*, так как высказывание, содержащее в себе элемент недосказанности, нельзя назвать в полной мере правдивым. Именно неясность и нежелание прямо высказывать свои мысли и чувства проявляет указанную выше категорию в сдержанной реакции критика на абсолютно бездарную картину: «*It is rather unusual*» («Довольно-таки странная картина»), что искажает истинный смысл, который, согласно *максиме качества*, должен быть вербализован как «Ужасная мазня!» или «Какая бездарность!».

Такое противоречие проявляет идеальный, абстрактный характер описываемого П.Грайсом акта коммуникации, не отражающий эстетические, социальные и моральные аспекты, что отмечается исследователями. На регулярный характер нарушений максим (постулатов) в процессе реального, а не идеализированного речевого акта указывает А.Ю.Маслова, выделяя среди прочих причин стремление говорящего к косвенному выражению смысла (в том числе из соображений вежливости), особый характер общения, а также наличие коммуникативных манипуляций. К слову об этнокультурных различиях в трактовке случаев нарушения коммуникативных постулатов — А.Ю.Маслова рассматривает нарушение максимы качества как недостаточность либо избыточность искренности. В первом случае «неискренность и недостаточная искренность свидетельствуют об отрицательном отношении адресанта к адресату», во втором — «избыточная искренность может претендовать на интимизацию общения и раскрывать стремление адресанта сообщения войти в круг людей, близких адресату, не имея на это объективных оснований» [5. С. 104]. Как видим, и в том, и в другом варианте интенции интерпретируются негативно.

В то же время категория *недосказанность/understatement* как феномен британской лингвокультуры находит свое воплощение в ряде максим *принципа вежливости*, предложенного Дж. Личем в качестве регулирующего процесс общения компонента. В последнем выделяются *максима такта* (следует минимизировать затраты слушающего и увеличить его выгоду), *максима великодушия* (необходимо минимизировать выгоду говорящего), *максима одобрения* (стоит уменьшить порицание слушающего и увеличить его похвалу), *максима скромности* (необходимо меньше хвалить и больше порицать говорящего), *максима согласия* (следует уменьшить разногласия между говорящим и слушающим), *максима симпатии* (необходимо минимизировать антипатию и увеличить симпатию между говорящим и слушающим) [11. С. 132].

Продемонстрируем связь отдельных максим с анализируемой категорией. Так, максимы одобрения, согласия и симпатии отражаются в следующей ситуации: обсуждая пути дальнейшего сотрудничества двух компаний и не желая соглашаться с политикой своих партнеров, представитель одной из сторон, стремясь сохранить дружеские и деловые отношения, произносит «*Something isn't quite right*» («*Кое-что не совсем так*»). Вуалируя тем самым истинное положение дел, он признает, что в целом предложение его устраивает за исключением отдельных недостатков. Таким образом выражается терпимость к чужим ошибкам и стремление сохранить гармоничную атмосферу сотрудничества и дальнейшего взаимодействия.

Максима великодушия (необходимость минимизировать выгоду говорящего) также сопряжена с категорией *недосказанность/understatement*: так, человек, испытывающий ужасную мигрень, заявляет «*I have a bit of a headache*» («*У меня немного побаливает голова*»), занижая степень выраженности своей проблемы, чтобы не привлекать к себе внимание и не обременять других людей.

Выделяемые Дж.Личем в рамках *принципа вежливости* максимы соотносимы со стратегиями сближения и дистанцирования, предложенными П.Браун и С.Левинсоном, и позволяющими структурировать основные цели вежливой коммуникации [8. С. 120].

К основным стратегиям сближения относят следующие — «проявляйте симпатию и уважение», «дарите подарки слушающему», «ищите согласия», «будьте оптимистом» и другие. Среди стратегий дистанцирования можно выделить такие, как «выражайтесь косвенно», «будьте уклончивы», «предоставляйте слушающему выбор», «будьте пессимистом» и т.д. Стоит отметить, что стратегии позитивной вежливости чаще выражаются в экспрессивных речевых актах (приветствие, прощание, благодарность и извинение), в отличие от стратегий негативной вежливости, которые связаны с побудительными речевыми актами, такими как просьба, совет, предложение и приглашение. Побудительные акты, в свою очередь, таят в себе так называемую «угрозу лицу», и с целью минимизации данной угрозы адресант пытается снизить степень своего воздействия на адресата, что проявляется в использовании уклончивых выражений, приуменьшений и недосказанности (цит. по Т.В.Лариной).

Возвращаясь к коммуникативным принципам, предложенным Дж. Личем, следует упомянуть *принцип иронии*, который сам автор называет «дружелюбным видом оскорбления» [11. С. 144]. *Принципу иронии*, противоречащему *принципу вежливости* (исключая случай самоиронии), противопоставляется *принцип добродушной шутки* (в терминологии В.И.Карасика), в основе которого, в отличие от первого, лежит использование явной, нарочито грубой шутки.

Категория *недосказанность/understatement* является частым, но не обязательным компонентом иронического высказывания. Так, в разговоре с новым владельцем компании, который, по сути, является дилетантом в области управления, опытный руководитель подмечает: «*I know a little about running a company*» («*Я немного разбираюсь в том, как управлять компанией*»). Таким образом говорящий намекает на неопытность и самонадеянность нового руководителя. С другой стороны, в ироническом высказывании «*He followed her and received a tale of exceeding woe*» («*Он последовал за ней и тут ему поведали печальную повесть о невероятных страданиях*») отсутствует рассматриваемый элемент, скорее наоборот — автор преувеличивает не столь серьезную проблему героини.

Наиболее ярко описываемое психолингвистическое явление проявляется во вводимом Дж. Личем *принципе Поллианны*, суть которого состоит в предпочтении коммуникантов передавать и получать положительную, нежели отрицательную информацию. То есть при невозможности избежать передачи кому-либо неприятной информации говорящий пытается завуалировать ее и смягчить, что находит отражение в использовании эвфемизмов и слов-минимизаторов.

Таким образом, категория *недосказанность/understatement* является формой реализации *принципа Поллианны*. В приводимом ниже примере мужчина советует своему приятелю обратить внимание на влюбленную в него девушку и, воспользовавшись ситуацией, соблазнить ее: «*Perhaps you could take her away somewhere, where you can have a quite chat*» («*Может ты отвезешь ее в какое-нибудь уютное гнездышко и поговоришь с глазу на глаз*»). При этом говорящий не называет вещи своими именами, а использует положительно маркированное словосочетание *quite a chat* (*немножко поболтать*), избегая табуированной лексики и неловкой ситуации.

Подводя итог всему вышесказанному, отметим разнообразие интенций, реализуемых в рамках рассматриваемого феномена, позволяющего избежать прямого высказывания желаний говорящего, передать их в косвенной форме, выразить неуверенность в возможности осуществления названного действия, дистанцировать как слушающего, так и самого говорящего, а также нейтрализовать эмоции, внести непринужденность в общение, контролировать степень эмоционального воздействия на собеседника (в том числе посредством иронии), смягчить категоричность или несогласие.

Такая функциональная неоднородность делает невозможным рассмотрение данной категории в рамках лишь одной из классификаций коммуникативных постулатов в прагмалингвистике: находя отражение в речи, категория противоречит некоторым максимам *принципа кооперации* с одной стороны, и согласуется с максимам *принципа вежливости* с другой, выражая иронические намерения (*принцип иронии*), вносит в высказывание негативный компонент, но в то же время служит сокрытию негативной информации, реализуя *принцип Поллианны*.

Кроме того следует отметить, что при всей специфичности данного явления для англоязычной лингвокультуры оно отражает ряд универсальных для разных этносоциумов понятий (вежливость, ирония). При этом степень проявления категории *недосказанность/understatement* в последних зависит от типа культур и ценностей, заложенных в языковых картинах, а также от индивидуальных особенностей адресанта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Джигоева А.А. Английский менталитет сквозь призму ключевых слов: *understatement* // Вестник Московского ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. № 3.
2. Джигоева А.А., Иванова В.Г. *Understatement* как отражение англо-саксонского менталитета // Английский язык на гуманитарных факультетах. Теория и практика: Сб. науч. и метод. тр. Вып. 3. М., 2009.
3. Кацев А.М. Языковые табу и эвфемия. Л., 1988.
4. Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации. Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М., 2009.
5. Маслова А.Ю. Введение в прагмалингвистику: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М., 2007.
6. Солонкина О.В., Рамендик Д.М. Психодиагностика в социально-культурном сервисе и туризме: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. 2 изд., стереотип. М., 2007.
7. Тахтарова С.С. Категория коммуникативного смягчения (когнитивно-дискурсивный и этнокультурный аспекты): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2010.
8. Brown P., Levinson S.D. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge, 1987.
9. Fox K. *Watching the English: The Hidden Rules of English Behaviour*. Hodder, 2004.
10. Grice P. *Logic and Conversation* // P. Cole, J. Morgan (eds.) *Syntax and Semantics*. V. 3: *Speech Acts*. N.Y., 1975.
11. Leech G.N. *Principles of pragmatics*. L.; N.Y., 1983.

СТРУКТУРНО-
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ
ИСТОРИЧЕСКОЙ АНТРОПОНИМИИ
В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРАSTRUCTURAL AND WORD-FORMATIVE
ASPECT OF HISTORICAL
ANTHROPONY IN THE RUSSIAN
LINGUISTIC VIEW OF THE WORLD

Аннотация. В статье дается анализ антропонимии Зауралья на основе архивных материалов XVI—XVIII вв. в структурно-словообразовательном аспекте.

Ключевые слова: языковая картина мира; концепт; антропоним; аффикс субъективной оценки; словообразовательная модель; структура форманта.

Сведения об авторе: Парфёнова Нина Никифоровна, доктор филологических наук, профессор кафедры филологического образования и журналистики.

Место работы: Сургутский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 628400, г. Сургут, ул. 59 лет ВЛКСМ, д. 10/2; тел. (3462)223187.

E-mail: ru_language@surgpu.ru

Abstract. The present paper presents the analysis of the Transurals anthroponymy in terms of structural and word-formative aspect — evidence from XVI—XVIII century archives.

Key words: linguistic view of the world; concept; anthroponym; affixes expressing subjective evaluation; world-building pattern; structure of a formant.

About the author: Nina Nikiforovna Parfyonova, Doctor of Philological Sciences, Professor at the Department of Philology and Journalism.

Place of employment: Surgut State Pedagogical University.

В современном языкознании актуализируется проблема «человек в языке». Исследование картины мира на основе анализа лингвокультурных концептов представлено в работах ученых: Ю.Д.Апресьяна [2], Н.Д.Арутюновой [3], А.Вежбицкой [4], В.И.Карасика [8].

Антропонимия как составная часть лексической системы языка обусловлена культурой этноса, особенностями национального характера. В семантике имен отражается степень, в которой принято проявлять чувства в человеческих отношениях. Свидетельством тому является богатейший арсенал суффиксов субъективной оценки в русской антропонимии. Исследуя процессы словообразования XV—XVII вв., Ю.С.Азарх отмечает экспрессивность суффиксов, присоединяемых к антропонимам [1]. Суффиксальное оформление служило средством идентификации личности. От одного и того же имени возникали многочисленные формы. Ср.: *Гавриил > Гаврилко, Гаврило, Гаврюша, Гавша, Ганка; Илья > Илейка, Илюшка; Иннокентий > Инечка, Инюта; Иван > Ива, Ивака, Иванко, Иванча, Ивач, Иваиш, Ивашко, Ваня, Ванюта, Ванюша; Конон > Конанко, Конице, Конко, Коняшка; Самуил > Самойло, Самко, Самошка, Самуилко, Самушка; Сергей > Сергушка, Сергейко, Серьга, Серёжа, Серёжка; Яков > Яковейко, Якуш, Якушко.* Структурно-словообразовательный аспект исследования исторической антропонимии дает ценный материал для характеристики особенностей русского характера.

Источниковой базой послужили архивные материалы конца XVI—XVIII вв. по Зауралью из фондов центральных и местных архивов. Исследовались деловые тексты (грамоты, дозорные и переписные книги, ревизские сказки, вкладные монастырские книги, таможенные материалы), в которых широко представлены суффиксальные образования антропонимов. В отличие от полных имен исследуемые антропонимы осознавались как социально сниженные. Объект исследования составили личные имена и прозвища, а также патронимы и фамилии, закрепившие их словообразовательные формы.

Выделяем следующие словообразовательные модели по характеру структуры форманта и финали основы, к которой он присоединялся:

- *Основа имени на согласный + формант (согл. + гласн.):*

-к(а) в канонических именах: *Васька, Гришка, Елеска, Калинка, Лучка, Родька, Федька, Фомка.* Ср.: *Елеска* Кокшаров (1676 г., Верх., РГАДА. Ф. 214. Кн. 605. Л. 3); *«Лучка*

Евсѣв(ь)евъ» (1676 г., Верх., РГАДА. Ф. 214. Кн. 605. Л. 3); «Род(ь)ка <...> с Патрекѣи-комъ» (1662 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Кн. 434. Л. 104);

-к(а) в неканонических именах и прозвищах: Вагулка, Воеводка, Замятка, Корелка, Корчемка, Леготка, Падерка, Шемяшка. Ср.: Ивашко *Воеводкин* (1624 г., Верх., РГАДА. Ф. 214. Кн. 5. Л. 230 об.);

-к(о) в канонических именах: Вавилко, Гарасимко, Гордейко, Давыдко, Евсейко, Игнатко, Киприяно, Конанко, Конко, Марко, Мартьяно, Микулайко, Михалко, Мокейко, Омельяно, Ондронко, Патрекейко, Самко, Сидорко, Тарко, Федорко, Фирско. Ср.: *Вавилко* (1685 г., Тюм., РГАДА. Ф. 214. Кн. 968. Л. 177); «д(е)р(е)в(ня) *Гарасимкова* д(вор) *Гарасимко* Мартемьянов» (1624 г., Верх., РГАДА. Ф. 214. Кн. 5. Л. 205 об.); «у Ивашка с(ы)нъ *Гордейко*» (1685 г., Тюм., РГАДА. Ф. 214. Кн. 968. Л. 161 об.); «*Игнатко* <...> *Евсѣвѣико* <...> *Марко*» (1636 г., РГАДА. Ф. 214. Ст. 55. Л. 11); «у него Трохимка с(ы)нъ *Киприяно*» (1662 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Кн. 434. Л. 136 об.); *Конанко* (1685 г., Тюм., РГАДА. Ф. 214. Кн. 968. Л. 162); «жител(ь) Иван *Конковъ*» (1719 г., ФГАКО. Ф. 224. Кн. 46. Л. 23); «*Мартьяно* Галактионов» (1679 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Кн. 232. Л. 4); «*Микулайко* <...> *Омел(ь)яно*» (1679 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Кн. 232. Л. 12); *Михалко* (1636 г., РГАДА. Ф. 214. Ст. 55. Л. 4); «*Мокѣйко* Микитин с(ы)нъ» (1685 г., Тюм., РГАДА. Ф. 214. Кн. 968. Л. 149); «Род(ь)ка <...> с *Патрекѣи-комъ*» (1662 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Кн. 434. Л. 104); «Петръ Исаков с(ы)нъ *Тарковъ*» (1719 г., Тюм., ГАТО. Ф. И 47. Кн. 2034. Л. 20); *Федорко* Васильев, *Ондронко* Зырянов, посадские люди (Тюм., ГАТО. Ф. И 47. Д. 68. Л. 1); «*Фирско* Потапов с(ы)нъ» (1685 г., Тюм., РГАДА. Ф. 214. Кн. 968. Л. 179);

-к(о) в неканонических именах и прозвищах: Алтынко, Белко, Бурко, Веселко, Вялко, Глазко, Головка, Горелко, Гостько, Девятко, Десятко, Жданко, Завьялко, Зайко, Зорко, Зятько, Корешко, Лыско, Любимко, Малко, Медведко, Морозко, Насонко, Нехорошко, Ознобо, Плешко, Прибытко, Пятко, Рушко, Рыжко, Рычко, Рябко, Стрижко, Сырко, Тырко, Уродко, Уско, Хрушко, Черепашко, Шарко, Шелудко, Шумко. Ср.: «пеших казаков сотникъ Ѳедор Остафьев с(ы)нъ *Алтынковъ*» (1719 г., Тюм., ГАТО. Ф. И 47. Кн. 2034. Л. 20 об.); «во дворе драгун Леонтей *Белко*» (1710 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Кн. 1526. Л. 203 об.); «*Оска Бурков*» (1691 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Кн. 988. Л. 422); Василий *Вялков* (1707 г., Тюм., ГАТО. Ф. И 47. Кн. 3652. Л. 13); «Ивашко *Глазковъ*» (1654 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Кн. 326. Л. 119 об.); «Василей Васильевъ *Головковъ*» (1763 г., Тюм., ГАТО. Ф. И 47. Кн. 2055. Л. 95 об.); «*Жданко* <...> *Девятко*» (1680 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Кн. 261. Л. 198); *Десятко* Басов, подьячий (1607 г., Верх., ОР РГБ. Ф. 256. К. 47. Д. 85. Л. 2); «*Зав(ь)ялко* Сергеевъ» (1685 г., Тюм., РГАДА. Ф. 214. Кн. 968. Л. 163); *Любимко* Костылев (1668 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Ст. 100. Л. 566); «*Медвѣдко*» (1636 г., РГАДА. Ф. 214. Ст. 55. Л. 14); *Насонко* (1685 г., Тюм., РГАДА. Ф. 214. Кн. 968. Л. 176 об.); «*Нехорошко* Иванов Веселой» (1639 г., РГАДА. Ф. 214. Кн. 108. Л. 235 об.); «в(о) д(воре) по приправочнымъ книгамъ написанъ Иевко Паршенов сынъ *Ознобковъ*» (1700 г., Тюм., РГАДА. Ф. 214. Кн. 1276. Л. 182 об.); «Михайло Дмитриевъ с(ы)нъ *Плешко*» (1597 г., Верх., ОР РГБ. Ф. 256. К. 47. Д. 1. Л. 2 об.); «*Пятко* Иванов с(ы)нъ» (1685 г., Тюм., РГАДА. Ф. 214. Кн. 968. Л. 166);

-л(о): Бадрызло, Грызло, Нюхло, Розгаило. Ср.: «посацкой ч(е)л(о)в(е)къ Ѳед(ь)ка *Нюхловъ*» (1628 г., Тюм., РГАДА. Ф. 214. Кн. 1173. Л. 212 об.);

-н(я): Стряхня. Ср.: «во дворѣ Яким Ѳилипов сынъ *Стряхня*» (1710 г., Тюм., ГАТО. Ф. И 85. Кн. 153. Л. 44);

-ш(а): *Алекша*, *Гавша* (от Гаврило), *Кириша* (от Кирилл), *Конша* (от Конон), *Макариша*, *Панша*, *Парша*, *Филипша*. Ср.: «деревни Паченки <...> Григорей Иосифовъ *Алекшинъ*» (1894 г., Тюм., ГАТО. Ф. И 255. Л. 81 об.); «во дворѣ Аѳонасей Ларионов с(ы)нъ *Киришнихъ*» (1719 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Кн. 1605. Л. 67 об.); «Вас(ь)ка Кузминъ с(ы)нъ *Коншинъ*» (1685 г., Тюм., РГАДА. Ф. 214. Кн. 968. Л. 193); «д(е)р(е)вня *Паншина* на реке

Тоболе а в ней живут оброчные кр(е)стьяне <...> Левка Анан(ь)инь с(ы)нь *Панишинь*» (1680 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Кн. 261. Л. 167 об.-169 об.); «повар Еремка *Паршин*» (1662 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Кн. 434. Л. 134); «во дворѣ бѣломѣсной казак *Олиптиша*» (1710 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Кн. 1526. Л. 364). Реже этот суффикс встречается в неканонических именах. Ср.: Семен *Томшин* (1739 г., ФГАКО. Ф. 224. Кн. 220. Л. 15); *Томшин* < *Томша* < *томить*. Ср.: *Томило*. Антропонимы с суффиксом *-ш(а)* после согласного основы были известны в русском языке XI—XV вв. [14. С. 109—113]. А.А.Зализняк фиксирует в грамотах древнего Новгорода XI—XV вв. имена этого типа: *Братыша*, *Ваякша*, *Даньша*, *Обокиша*, *Олекша*, *Орьша*, *Прокша*, *Пуцьша*, *Ратьша*, *Ремша*, *Тверьша* [7. С. 694]. В XVI—XVII вв. подобные имена отмечены в памятниках разной территориальной принадлежности. Ср.: *Обакша*, холоп, портной, 1539—1576 гг. Новгород [5. С. 223]; «*Акинша* Мокаров с(ы)нь» [10. С. 76]; *Перша* [1. С. 39]. Отмечены фамилии, закрепившие суффикс. Ср.: *Бабаршин* Порфирий, старец Троицкого монастыря, 1570 г. [5. С. 18].

- *Основа имени на гласный + формант (согл. + гласн.):*

-к(а): Ивака. Ср.: «Ивашко Гиргорьев с(ы)нь *Ивакин*» (1623 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Кн. 6. Л. 240);

-л(о): Бахвало, Ботало, Брызгало, Бухало, Выковало, Громышало, Доставало, Завьяло, Заорало, Клепало, Коптело, Корюкало, Кыркало, Лягало, Неело, Обогрело, Обыкало, Опивало, Опускало, Ошивало, Перевало, Пикало, Подгибало, Подшивало, Поило, Рахвало (от *раховать* «обсуждать» [6. Т. IV. С. 86]), Росковало, Стукало, Черкало. Ср.: «Софрон *Брызгалов*» (1765 г., Тюм., ГАТО. Ф. И 47. Кн. 4020. Л. 7); «Микифор Семеновъ *Кыркаловъ*» (1707 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Кн. 1480. Л. 72 об.); «в Гилевой (деревне) Евсей Федоров сын *Обогрѣлов*» (1719 г., Тюм., ГАТО. Ф. И. 47. Кн. 1566. Л. 8 об.); «Пышминской слободы крестьянин Леонтей *Обыкаловъ*» (1733 г., ФГАКО. Ф. 224. Кн. 65. Л. 128); Дмитрий *Опивалов*, конный казак (1704 г., Тюм., РГАДА. Ф. 214. Кн. 1403. Л. 608); «крѣстьянин Евгений Иванов с(ы)нь *Опускалов*» (1739 г., ФГАКО. Ф. 224. Кн. 65. Л. 154 об.); Ивашко *Рахвалов* (1626 г., Тар., РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Кн. 6. Л. 12); «Матрена Емел(ь)янова дочь *Стукалова*» (1719 г., Тюм., ГАТО. Ф. И 47. Л. 226). Прозвища на *-л(о)* в старорусский период были продуктивны, поскольку к XVI—XVII вв. сформировался подтип наименований лиц мужского пола на *-ло*. В деловой письменности подобные образования отсутствуют, что обусловлено их экспрессивностью и принадлежностью к разговорной речи [1. С. 128]. Функционирование антропонимов на *-л(о)* отражает соотнесенность с севернорусскими говорами, поскольку для акающих говоров был характерен формант *-л(а)*. Для Зауралья типичными были фамилии на *-лов* (*Бухалов*), в то время как для акающих говоров — на *-лин* (*Бухалин*);

-х(а): Алѣха, Терѣха, Мелеха, Ромаха. Ср.: «во дворе Кирило Парамонов сын *Мелехиных*» (1719 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Кн. 1605. Л. 81 об.); Козьма Иванов сын *Мелехиных* (1728 г., ФГАКО. Ф. 224. Кн. 65. Л. 76); «д(е)р(е)в(ня) *Ромахина* д(вор) пашенной крестьянин *Ромаха* Петровъ» (1624 г., Верх., РГАДА. Ф. 214. Кн. 5. Л. 229 об.);

-ш(а) в канонических именах: Гриша, Мартыша, Ореша. Ср.: «тобол(ь)ской казакъ *Гриша* Ясырь» (1600 г., ОР РГБ. Ф. 256. К. 47. Д. 10. Л. 1); «во дворѣ кр(е)стьянин Степан Мартынов с(ы)нь *Мартышиных*» (1719 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Кн. 1605. Л. 121); «Митка *Орѣшин*» (1600 г., Верх., ОР РГБ. Ф. 256. К. 47. Д. 23. Л. 1);

-ш(а) в неканонических именах и прозвищах: Девяша, Мохнаша. Ср.: «Гарасим Марковъ *Девяшинъ*» (1707 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Кн. 1480. Л. 67); *Мохнашин* (1748 г., Верх., РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Кн. 583. Л. 81 об.).

- *Основа имени на согласный + формант (гласн. + согл.):*

-ай(-яй) в неканонических именах и прозвищах: Беляй, Коротай, Кутай, Тепляй, Тетяй, Турунтай (от *тарантить* — «тараторить»), Цветай, Черняй, Ширяй. Ср.: «дворъ <...> конного казака Овдокима Антонова сына прозвище *Турунтая*» (1710 г., Тоб., РГАДА.

Ф. 214. Кн. 1317. Л. 518); «во дворѣ Матвѣй Логинов сын *Ширяев*» (1719 г., Тюм., ГАТО. Ф. И 47. Кн. 2034. Л. 465 об.);

-ак(-як) в канонических именах: Киряк, Патрак, Симак. Ср.: «кр(е)стьянин Сава Савел(ь)евъ с(ы)нъ *Киряковых*» (1688 г., ФГАКО. Ф. 224. Кн. 2. Л. 112 об.);

-ак(-як) в неканонических именах и прозвищах: Беляк, Бармак, Бревняк, Булгак, Булдак, Вешняк, Голяк, Живак, Жилак, Жиряк, Коптяк, Крутак, Мехряк, Парняк, Росляк, Русак, Тепляк, Третьяк, Худяк, Чистяк, Чупрак (от *чупра* (вят.) — «замарашка» [б. Т. IV. С. 615]), Шестак, Шурак, Щербак. Ср.: Ивашко *Бармаков* (1668 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Ст. 100. Л. 201); Гиргорей *Бревняков* (1760 г., Тюм., ГАТО. Ф. И 47. Кн. 4666. Л. 4); «Ондрон <...> *Вешняков*» (1707 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Кн. 1480. Л. 70 об.); Василий *Живаков* (1674 г., Тюм., ГАТО. Ф. И 47. Ст. 3); «крестьянин Павел *Коптяков*» (ФГАКО. Ф. 224. Кн. 65. Л. 135 об.); «крестьянин Ефимъ Макаров *Крутаковых*» (ФГАКО. Ф. 224. Кн. 65. Л. 142 об.); «Куземка Ильинъ *Тепляков*» (1668 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Ст. 100. Л. 248); *Третьяк* (1598 г., ОР РГБ. Ф. 256. К. 47. Д. 4. Л. 1); «Тобол(ь)ского города дворянинъ Петръ Петров сынъ *Худяков*» (ФГАКО. Ф. 224. Кн. 65. Л. 133); «Микитка *Чистяк*» (1668 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Ст. 100. Л. 122); Федор *Чупраков*, туринский крестьянин (1702 г., РГАДА. Ф. 214. Кн. 1331. Л. 363); *Шураков* (Тюм., ГАТО. Ф. И 47. Кн. 2275. Л. 3); «*Щербаковы* д(е)р(е)вни пашенному крестьянину Исаку *Щербаку* за работу <...> дано» (1706 г., ФГАКО. Ф. 224. Кн. 20. Л. 6). Прозвища на *-ак(-як)* мотивированы апеллятивами, образованными от прилагательных. Подобные образования с суффиксом *-ак* в личных именах были известны в древнерусском языке [1. С. 107]. В исследуемых материалах представлены имена, мотивированные существительными: *Бревняк* < *бревно*; *Шурак* < *шурин*;

-ан: Братан, Брюхан, Голован, Горлан, Друган, Лихан, Лобан, Молчан, Найдан, Оглуздан (от *оглузд* — «глупый, бестолковый» [б. Т. II. С. 643]), Плехан, Пузан, Рубан, Русан, Сухан, Шибан, Щелкан. Ср.: Ивашко *Братан* (1668 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Ст. 100. Л. 212); «Юрка Васил(ь)евъ *Голован*» (1635 г., РГАДА. Ф. 214. Ст. 55. Л. 27); «во дворѣ казачей с(ы)нъ Иван Иванов *Горланов*» (1717 г., Тюм., ГАТО. Ф. И 47. Кн. 2555. Л. 46); «деревни Лихановской <...> Иванъ Петров с(ы)нъ *Лиханов*» (1722 г., Верх., РГАДА. Ф. 1111. Кн. 583. Л. 70); «во дворе бобыл(ь) Семен *Оглуздан*» (1710 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Кн. 1526. Л. 196); «Тобол(ь)ского города пѣшие казаки пятидесятникъ *Сухан* Ермолин» (1651 г., РГАДА. Ф. 214. Ст. 400. Л. 66). Антропонимы с суффиксом *-ан* мотивированы существительными (*Брюхан*, *Горлан*, *Лобан*, *Пузан*), прилагательными (*Друган*, *Лихан*, *Плехан*, *Сухан*), глаголами (*Молчан*, *Шибан*, *Щелкан*);

-арь: Губарь, Зубарь, Костарь, Носарь. Ср.: «д(е)р(е)в(ня) *Зубарева* <...> д(вор) Гришка *Зубарев*» (1624 г., Тюм., РГАДА. Ф. 214. Кн. 5. Л. 535). Прозвища с суффиксом *-арь* образовывались от субстантивной основы со значением увеличительности;

-ас: Дурас. Ср.: «Тобол(ь)ской с(ы)нъ боярской Иван *Дурасов*» (1723 г., Тюм., ГАТО. Ф. И 47. Кн. 1739. Л. 2);

-ач: Глазач, Горбач, Дергач, Кормач, Лихач, Лопач (от *лопачь* — «есть много, жадно», олонекое «орать», вятское «бить без пощады» [б. Т. II 267]), Мухач, Седач, Усач, Чухач. Ср.: Ивашко *Дергачов* (1683 г., Верх., РГАДА. Ф. 214. Кн. 746. Л. 100); Нестер *Лопачов* (1710 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Кн. 1526. Л. 35); *Мухачев* (1806 г., Тюм., ГАТО. Ф. И 177. Д. 11а. Л. 3); «послух Ондрѣи *Чюхачев*» (1675 г., Тюм., ГАТО. Ф. И 47. Д. 5. Л. 2). При помощи суффикса *-ач* в русском языке XI—XVII вв. образовывались существительные от глаголов и существительных, означающих лиц по профессиональной деятельности (*врач*, *трубач*). В народно-разговорном языке образования на *-ач* приобретают дополнительный оттенок усилительности, увеличительности, если они образуются от конкретных существительных, от которых возможно производство прилагательных с суффиксом *-ат*: *богач*, *брюхач* [1. С. 83]. В XV—XVI вв. употребительны отапеллятивные прозвища на *-ач*. Ср. их фиксацию в «Ономастиконе» С.Б.Веселовского: *Балбач* (С. 23), *Дергач* (С. 94),

Жигач (С. 114), Пыхач (С. 264), Тухач (С. 327), Щербач (С. 377). В исследуемых материалах XVII—XVIII вв. прозвища с формантом *-ач* мотивированы *существительными* (Глазач, Горбач, Усач) и *прилагательными* (Лихач, Седач, Щербач);

-аш(-яш) в канонических именах: Иняш. Ср.: «деревни Иняшевой Сенка Ивановъ Иняшевъ» (1689 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Кн. 918. Л. 122);

-аш(-яш) в неканонических именах и прозвищах: Булаш, Бурнаш, Гневаш, Корташ, Худяш. Ср.: Степан Худяшев (1726 г., Тюм., ГАТО. Ф. И 181. Д. 45. Л. 1);

-ей в канонических именах: Зотей. Ср.: «Парthenко Алексѣевъ сынъ Зотѣевыхъ» (1700 г., Тюм., РГАДА. Ф. 214. Кн. 1173. Л. 205 об.);

-ей в неканонических именах и прозвищах: Буткей, Недобрей, Плещей, Поздей, Пыткей, Чукрей, Чухей (от *чухать* — «распознавать вкусом или обонянием» [6. Т. IV. С. 616]). Ср.: «Гаврило Буткѣевъ» (1696 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Ст. 970. Л. 87); Пашко Поздеев, пристав (1675 г., Тюм., ГАТО. Ф. И 47. Д. 5); «Иванъ Пыткеевъ» (1760 г., Тюм., ГАТО. Ф. И 47. Кн. 4666. Л. 4); «Ивашко Семенов Чюхѣй» (1662 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Кн. 434. Л. 107 об.);

-ень: Федень. Ср.: «во дворе кр(е)с(ть)янин Малафей Ѳедѣневъ» (1710 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Кн. 1526. Л. 214);

-ерь: Дедерь. Ср.: Федор Дедерев, сын боярский (1636 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Кн. 74. Л. 153);

-ец в канонических именах: Иванец, Филиппец. Ср.: «под(ь)ячей Филипецъ Митрофановъ» (1598 г., ОР РГБ. Ф. 256. К. 47. Д. 4. Л. 10 об.);

-ец в неканонических именах и прозвищах: Кривец, Малец, Хромец. Ср.: Алексей Кривцов (1750 г., Тюм., ГАТО. Ф. И 47. Кн. 3149. Л. 1); Першек Михайлов Мальцов (1681 г., ФГАКО. Ф. 224. Кн. 2. Л. 44); «Сергушка Иванов Хромѣцъ» (1624 г., Тур., РГАДА. Ф. 214. Кн. 5. Л. 605);

-ик в канонических именах: Александрик, Гаврик, Евсик, Карпик, Клеопик, Михайлик, Павлик, Самойлик. Ср.: «Александрикъ Насѣкинъ» (1664 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Кн. 326. Л. 58); «дворъ <...> Андрѣи Григорьевъ сынъ прозвище Клеопиковъ» (1710 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Кн. 1317. Л. 585); «Павлик Тимошиевъ» (1635 г., РГАДА. Ф. 214. Ст. 55. Л. 27);

-ик в неканонических именах и прозвищах: Безносик, Белик, Бирик, Бобрин, Борзин, Зюзик, Клепик, Комарик, Крутик, Новик, Пестрик, Плечик, Путик, Редрик (от *редрый* — «рыжий»), Сизик, Стамик, Старчик, Толстик, Тупик, Фуртик, Черник, Четверик. Ср.: «Василей Потапов Безносиковъ» (1899 г., Тюм., ГАТО. Ф. И 254. Л. 94 об.); «д(вор) <...> Ивашка Бобринка» (1624 г., Тур., РГАДА. Ф. 214. Кн. 5. Л. 555 об.); «во дворѣ Афанасей Андрѣевъ с(ы)нъ Борзиновъ» (1719 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Кн. 1605. Л. 71 об.); «во дворѣ казачей с(ы)нъ Иван Карпов с(ы)нъ Комариновъ» (1717 г., Тюм., ГАТО. Ф. И 47. Кн. 2555. Л. 46); «Затеченской деревни Максимъ Филипов с(ы)нъ Крутиковъ» (1736 г., ФГАКО. Ф. 224. Кн. 185. Л. 9); «Мар(ь) Павла Плечикова» (1719 г., Тюм., ГАТО. Ф. И 47. Кн. 2034. Л. 193); «сибирянин тобол(ь)ской с(ы)нъ боярской Леонтей Редриковъ» (1696 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Ст. 970. Л. 62); «во дворе Спиридонъ Матвѣевъ сын Сизиковъ» (1719 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Кн. 1605. Л. 82); Афанасий Старчиков (1717 г., Тюм., ГАТО. Ф. И 47. Кн. 4258. Л. 1); «во дворе Данило Ѳедулов с(ы)нъ Толстиковъ» (1719 г., Тюм., ГАТО. Ф. И 47. Кн. 2034. Л. 506); «Петръ Тупиковъ», казачий сын (1704 г., Тюм., РГАДА. Ф. 214. Кн. 1403. Л. 18). Суффикс *-ик* генетически восходит к праславянской эпохе (А.Белич, К.Бругман, В.Вондрак). Антропонимические квалитативы до конца XIV в. русскому языку не были известны [13. С. 101]. В старорусский период отадъективные образования с суффиксом *-ик* в нарицательной лексике были мало продуктивны [1. С. 109]. Исследуемые материалы свидетельствуют о продуктивности прозвищ на *-ик*;

-ош: Игош. Ср.: «Максим Васильев с(ы)нъ Игошевъ» (1764 г., ОР РГБ. Ф. 218. Кн. 549. Л. 85 об.);

-уй: Батуй (от *батовать* (сиб.) — «управлять батом, долбленным челном» [6. Т. I. С. 54]), Бугуй, Дуруй, Пахалуй (от *пахала* — «крестьянин» [6. Т. III. С. 25]), Подуруй, Рос-торгуй. Ср.: «Аятцкой слободы <...> Обросим Сидоров Батуев» (1697 г., Верх., РГАДА. Ф. 1111. Оп. 2. Ст. 502. Л. 25); «Трошко Пахалуев» (1656 г., Верх., РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Ст. 52. Л. 8);

-ук(-юк) в канонических именах: Андрук, Митюк, Мишук, Паршук. Ср.: «дьячек Ма-карей Андруков» (1723 г., ФГАКО. Ф. 224. Кн. 65. Л. 26 об.); «Леонтей Алексѣевъ с(ы)нъ Митюков» (1727 г., Тюм., ГАТО. Ф. И 47. Кн. 1572. Л. 10); «Тимофѣй Давыдов сын Мишу-ков» (1704 г., Тюм., ГАТО. Ф. И 47. Кн. 520. Л. 2); «Кузка Паршуков» (1691 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Кн. 988. Л. 421 об.);

-ук(-юк) в неканонических именах и прозвищах: Лешук, Милюк, Орлюк, Тестюк, Шешук. Ср.: «дворь <...> Стевана Алексѣева с(ы)на Орлюкова» (1710 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Кн. 1317. Л. 279 об.); «Якушко Тихоновъ сын Тестюков» (1700 г., Тюм., РГАДА. Ф. 214. Кн. 1173. Л. 181);

-ун: Борзун, Гаркун, Глазун, Горбун, Долгун, Колун, Ляпун, Мигун, Пискун, Плясун, Се-дун, Трясун, Хвастун, Чихун, Чупрун, Шаркун, Щелкун. Ср.: «Пантилко Глазуновъ» (1676 г., Верх., РГАДА. Ф. 214. Кн. 605. Л. 6); «Пашко Ѳедоровъ сынъ Мигунов» (1700 г., Тюм., РГАДА. Ф. 214. Кн. 1173. Л. 192); «Лучка Трясунов» (РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Ст. 3. Л. 165); «Борис да Григорей Щелкуновы <...> Иван Борзунов» (1704 г., Тюм., ГАТО. Ф. И 47. Кн. 520. Л. 16 об.). При помощи суффикса *-ун* в древнерусском языке производятся наимено-вания лиц от глаголов (*ведун*, *бегун*). В старорусский период происходит расширение словопроизводственной базы дериватов с суффиксом *-ун* [1. С. 84]. В «Ономастиконе» С.Б.Веселовского приведены многочисленные прозвища и фамилии от них. В исследуе-мых материалах XVII—XVIII вв. представлены прозвища, мотивированные *существи-тельными* (Глазун, Горбун, Чупрун); *прилагательными* (Борзун, Долгун); *глаголами* (Ляпун, Мигун, Пискун, Плясун, Хвастун, Чихун, Щелкун);

-уш(-юш): Вахруш, Мартюш, Меркуш, Митрюш, Митюш, Патруш. Ср.: «дворовые люди русской породы Петръ Алексѣев сын Вахрушев» (1719 г., ГАТО. Ф. И 47. Кн. 2034а. Л. 42 об.); «Катайского острогу Марина Силина дочь Мартюшевых» (ФГАКО. Ф. 224. Кн. 65. Л. 29); Ивашко Митрюшев (1668 г., ГАТО. Ф. И 47. Кн. 781. Л. 1 об.); «Ивашко Дмитриевъ Ми-тюшев» (1671 г., ГАТО. Ф. И 47. Кн. 711. Л. 14 об.); «Петръ Елѳимовъ сынъ прозвище Патрушевъ» (1710 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Кн. 1317. Л. 447 об.);

-ыш: Бубеньш, Бугрыш, Гладыш, Гольш, Дробыш, Катыш, Кобыш, Култыш, Малыш, Твердыш, Упадыш, Черныш. Ср.: «Тимофѣи Григор(ь)евъ Бубеньшевъ» (1707 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Кн. 1480. Л. 67); Ивашко Бугрыш (Верх., РГАДА. Ф. 214. Кн. 10. Л. 109); Иван Гладышев (1774 г., Тюм., ГАТО. Ф. И 47. Кн. 4704. Л. 2); «ямщикъ Иван <...> Твер-дышев» (1717 г., Тюм., ГАТО. Ф. И 47. Кн. 518. Л. 109). Прозвища на *-ыш* производны от *существительных*: Бугрыш < бугор; *прилагательных*: Гольш < голой, Малыш < малой, Черныш < черной, Добрыш < доброй; *глаголов*: Упадыш < упадать, Дробыш < дробить, Катыш < катать. Отапеллятивные прозвища с этим суффиксом и фамильные прозвания от них встречаются в русской антропонимии раньше нарицательных имен, со второй полови-ны XV в., что обусловлено принадлежностью апеллятивов к экспрессивным образованиям народно-разговорного языка [1. С. 106]. Прозвища на *-ыш* представлены в севернорусских памятниках письменности. Ср.: *Круглыш* Малашка, 1495 г., Новгород [5. С. 166]; *Малыш*, *Малышевы*, XV—XVII в., Новгород [5. С. 192].

- *Основа имени на согласный + формант (гласн. + согл. + гласн.):*

-ав(а)(-яв(а)): Гужава (от *гуж* — «петля, укрепленная в хомуте» (взялся за *гуж*, не го-вори, что не дож) [6. Т. I. С. 406]), Золотава, Любава (мужское имя), Малява, Чернава,

Чужава. Ср.: «во дворѣ <...> Игнат Сергѣевъ с(ы)нѣ *Гужавин*» (1719 г., Тюм., ГАТО. Ф. И 47. Кн. 2034. Л. 331 об.); «Куземка Михайлов *Золотавин*» (1691 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Кн. 988. Л. 504); Ларька *Малявин*, тобольский стрелец (1697 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Кн. 860. Л. 101 об.); «Савелей Еремѣевъ с(ы)нѣ *Чужавин*» (1700 г., Тюм., ГАТО. Ф. И 85. Кн. 153. Л. 81);

-аг(а)(-яг(а)) в канонических именах: Матяга (от Матвей), Митяга, Мишага (от Михаил), Мосяга. Ср.: «Игнашка Артемьевъ сынѣ *Матягинъ*» (1700 г., Тюм., РГАДА. Ф. 214. Кн. 1173. Л. 142); «Гришка *Мишагин* Середней» (1668 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Ст. 100. Л. 213); «под(ъ)яческой сын Андрѣй *Мишагинъ*» (1678 г., Верх., РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Ст. 13. Л. 65);

-аг(а)(-яг(а)) в неканонических именах и прозвищах: Бедняга, Верещага, Дурняга, Кокляга, Летяга, Лубяга, Смирняга. Ср.: «д(е)р(е)вня *Смирнягинская* <...> в(о) д(воре) стрелець Ивашко Михайловъ с(ы)нѣ *Смирнягин*» (1680 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Кн. 261. Л. 103); «пелымской пешей казакъ Иванъ *Смирнягинъ*» (1704 г., Тюм., РГАДА. Ф. 214. Кн. 1403. Л. 429);

-ак(а)(-як(а)) в канонических именах: Федяка;

-ак(а)(-як(а)) в неканонических именах и прозвищах: Балака, Клевака, Кобыляка, Кровьяка, Кузляка, Кусака, Ломака, Любяка, Ревяка, Шеляка, Шишеляка. Ср.: Иван *Кобылякин* (1704 г., Тар., РГАДА. Ф. 214. Кн. 1403. Л. 611); «Вас(ъ)ка *Кузляка*» (1626 г., РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Кн. 6. Л. 9 об.); «Илейка *Кусакин*» (1635 г., РГАДА. Ф. 214. Ст. 55. Л. 28); «Вас(ъ)ка Дмитриев *Ревякин*» (1690 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Кн. 918. Л. 226 об.);

-ан(я): Дураня, Духаня. Ср.: *Дуранин* (Верх., РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Кн. 582. Л. 10); «Ортюшка *Дураня*» (1671 г., Верх., ОР РГБ. Ф. 218. Кн. 547. Л. 38); «Семейка *Духанин*» (1626 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Кн. 6. Л. 219 об.);

-ах(а)(-ях(а)) в канонических именах: Конаха, Патраха, Селяха, Симаха. Ср.: «дворѣ <...> оружейного мастера Васил(ъ)я *Конахина* Пушкаря» (1710 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Кн. 1317. Л. 506); Митька *Патрахин*, посадский человек (1690 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Кн. 918. Л. 12); «Мишка *Селяхинъ*» (1689 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Кн. 918. Л. 106 об.); «двор посацкого ч(е)л(о)в(е)ка Архипа Матвѣева с(ы)на *Симахина*» (1719 г., Тюм., ГАТО. Ф. И 47. Кн. 2034а. Л. 387 об.);

-ах(а)(-ях(а)) в неканонических именах и прозвищах: Потеряха;

-аи(а)(-яи(а)) в канонических именах: Горяша, Митяша, Федяша. Ср.: Михайло *Горяшин* (1710 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Кн. 1526. Л. 38); «Анна Сергѣева дочь *Митяшина*» (1719 г., Тюм., ГАТО. Ф. И 47. Кн. 2034. Л. 276); *Федяшин* (ФГАКО. Ф. 224. Кн. 65. Л. 107 об.);

-аи(а)(-яи(а)) в неканонических именах и прозвищах: Походяша. «Петръ Михайлов сынѣ *Походяшин*» (Верх., РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Кн. 582. Л. 13 об.); «верхотурской посадской человекъ Иванъ *Походяшин*» (ФГАКО. Ф. 214. Кн. 65. Л. 133);

-ен(а)(-ен(я)): Бабеня, Батеня, Бебеня, Бобреня, Брусена (Брусеня) (от *брусена* — «брусника» или от *брусить* — «нести чепуху» [б. Т. I. С. 131]), Меньшеня, Ушеня. Ср.: «Дѣйко Григор(ъ)евъ с(ы)нѣ *Бебеня*» (1679 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Кн. 232. Л. 16 об.); «Ивашко *Бобреня*» (1676 г., Верх., РГАДА. Ф. 214. Кн. 605. Л. 3 об.); «двор <...> Васил(ъ)я Никифорова с(ы)на *Брусенина*» (1710 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Кн. 1317. Л. 359 об.); «Афонасей *Меншенин*» (1715 г., Тюм., ГАТО. Ф. И 47. Кн. 526. Л. 2 об.); «конной казакъ Андрѣй *Ушенин*» (1710 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Кн. 1317. Л. 516 об.);

-ет(а): Малета, Хлепета. Ср.: Аверкей Иванов *Малетин* (1676 г., ФГАКО. Ф. 224. Кн. 2. Л. 11); «Емел(ъ)янъ Максимов с(ы)нѣ *Хлепетин*» (1719 г., Тюм., ГАТО. Ф. И 47. Кн. 2034. Л. 214);

-ил(о) в канонических именах: Данило, Гаврило, Кирило, Корнило, Михаило. Ср.: «*Гаврило* Потапов <...> *Кирило* Анакиев Потанин» (1707 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Кн. 1480. Л. 65);

«послужимец *Данило*» (1657 г., ФГАКО. Ф. 224. Л. 16); «Андрей Михайловъ сын *Корниловъ*» (1704 г., Тюм., ГАТО. Ф. И 47. Кн. 520. Л. 2 об.). В южнорусских текстах наблюдаем финаль *-а*. Ср.: *Данила* [9. С. 96]; *Гаврила* [10. С. 77]; *Кирила* [9. С. 25]. Дериваты на *-ил(о)* от христианских имен возникли не без поддержки антропонимов Данил/Данило, Михаил/Михайло, у которых при вычленении сокращенной основы имени собственного (Даня, Миха) выделился суффикс *-ил* [1. С. 128]. К аналогичному выводу приходит А.А.Зализняк: «Имена *Данил-*, *Гаврил-* полностью уподобились славянским именам с суффиксом *-ил* <...>, мы уже не отделяем их от суффиксальных» [7. С. 189];

-ил(о) в неканонических именах и прозвищах: *Будило*, *Ворошило*, *Гудило*, *Забило*, *Колотило*, *Комшило*, *Мазило*, *Молотило*, *Семило*, *Томило*, *Трусило*, *Холодило*, *Шумило*. Ср.: «Ондронъ Ивановъ *Мазиловъ*» (1707 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Кн. 1480. Л. 70 об.); «д(вор) стрел(ь)ца Ивашка *Молотилова*» (1624 г., Тюм., РГАДА. Ф. 214. Кн. 5. Л. 547); «Лазар(ь) Карпов сынъ *Семиловъ*» (1719 г., Тюм., ГАТО. Ф. И 47. Кн. 2034. Л. 68 об.); «жил де во дворѣ у *Томила* Шерстова» (1662 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Кн. 434. Л. 107); «во дворѣ Андрѣй Калининъ с(ы)нъ *Трусиловъ*» (1719 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Кн. 1605. Л. 73); «Олешка Григор(ь)ивъ *Холодило*» (1664 г., Верх., РГАДА. Ф. 214. Кн. 326. Л. 73 об.); «в(о) д(воре) Гордюшка Петров с(ы)нъ *Шумиловъ*» (1685 г., Тюм., РГАДА. Ф. 214. Кн. 968. Л. 242);

-их(а): *Бабалиха*, *Жериха*, *Иваниха*, *Ознобиха*, *Трошиха*. Ср.: «Сенка Леонтъевъ Деминых *Бабалиха* онъ же» (1689 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Кн. 918. Л. 111); «Юрье Жерин <...> от(е)ць его Максимъ *Жерихинъ*» (1710 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Кн. 1526. Л. 9); «Ярко Игнат(ь)евъ сын *Ознобихинъ*» (1691 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Кн. 988. Л. 412). Отмечаем распространенность фамилий на *-ихин*. Ср.: *Барихин* (1676 г., Верх., РГАДА. Ф. 214. Кн. 605. Л. 17); *Житнихин* (1685 г., Тюм., РГАДА. Ф. 214. Кн. 968. Л. 128 об.); *Ляпихин* (1690 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Ст. 100. Л. 197 об.); «во дворѣ Ѳедор Родионов сын *Мал(ь)чихинъ*» (1719 г., Тюм., ГАТО. Ф. И 47. Кн. 2034. Л. 468); *Морозихин* (1690 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Кн. 919. Л. 6); *Опалихин* (1719 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Кн. 1605. Л. 75); *Павлихин* (1680 г., Верх., РГАДА. Ф. 214. Кн. 697. Л. 29 об.); *Розвалихин* (1624 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Кн. 1207. Л. 118 об.); «Гришка Дмитриевъ *Селихинъ*» (1664 г., Верх., РГАДА. Ф. 214. Кн. 326. Л. 71); *Селихин* < *Селиха*; «деревни Луговые <...> Ондрюшка Савинъ *Теплоушихинъ*» (1689 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Кн. 918. Л. 109); *Трусихин* (1681 г., Тоб., РГАДА. Ст. 705. Л. 277); «Семейка *Шутихинъ*» (1664 г., Верх., РГАДА. Ф. 214. Кн. 326. Л. 82 об.). Мотивирующая основа указывает на распространение в Зауралье андронимов (прозваний женщин по имени, прозвищу или фамилии мужа). Ср.: «вдова Пелагия Ѳилипова *Мартиха*» (1721 г., ФГАКО. Ф. 224. Кн. 65. Л. 4 об.); «вдова Мартем(ь)яна Макарова дочь Петушиха» (1721 г., ФГАКО. Ф. 224. Кн. 65. Л. 141 об.); «д(е)р(е)в(ня) вдовы Огроθενки Русинихи» (1624 г., Верх., РГАДА. Ф. 214. Кн. 5. Л. 203); «деревни Щипачевы вдова крестьянская жена Марфа Кондратьева *Щипачиха*» (1721 г., ФГАКО. Ф. 224. Кн. 65. Л. 164 об.). Функционирование андронимов на *-их(а)* и фамилий от них указывает на территориальные истоки — севернорусские и среднерусские говоры. Ср.: «В тех говорах, где продуктивны наименования лиц на *-их(а)* — среднерусские и севернорусские говоры Центра и говоры на территории позднего заселения, — распространены также прозвания женщин по личному имени, прозвищу или фамилии мужа» [1. С. 121]. Прозвища на *-их(а)* у мужчин зафиксированы в XV—XVII вв. Ср. в «Ономастиконе» С.Б.Веселовского: *Басиха* Степан Сергеев, 1490 г. (С. 26), *Закусиха* Третьяк, 1612 г. (С. 119), *Заломиха* (С. 119), *Звониха* Степанович Лазарев, 1475 г. (С. 121), *Кутиха* Андрей Семенович Заболоцкий, XV в. (С. 174), *Лушиха* князь Василий Иванович Хованский, 1487 г. (С. 187), *Мошиха* Артемий, 1539 г. (С. 207). Мужские прозвища на *-их(а)* отмечены в памятниках XVI в.;

-иц(а): *Дурница*, *Землица*, *Козица*, *Телица*, *Тупица*. Ср.: «Ѳед(ь)ка *Дурницынъ*» (1626 г., Тар., РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Кн. 6. Л. 13 об.); Михайло *Козицын*, крестьянин (1705 г., Верх.,

РГАДА. Ф. 214. Кн. 794. Л. 2 об.); Мишка *Телицын* (1693 г., Бер., РГАДА. Ф. 214. Кн. 1069. Л. 12 об.); Петрушка *Тупица*, крестьянин (1665 г., Верх., РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Ч. 1. Ст. 126. Л. 3). Формант *-иц(а)* был продуктивным в именах женского рода. Использование прозвищ, мотивированных апеллиативами женского рода по отношению к мужчинам, вносит сниженную субъективно-оценочную окрашенность. Ср.: Якунька *Поварница* (1624 г., РГАДА. Ф. 214. Кн. 1207. Л. 115); «Мит(ь)ка Степанов сын *Пономарицын*» (1691 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Кн. 988. Л. 424 об.). Прозвища и возникшие на их основе фамилии в мужских антропонимах часто носят матронимический характер. Ср.: Андрей *Дунюшкин* (1765 г., Тюм., РГАДА. Ф. И 47. Кн. 4020. Л. 10). Антропонимический суффикс *-иц(а)* употребителен в русском языке XVI—XVII вв. Ср.: *Беляница* Александрович Безобразов, начало XVI в.; у него брат *Черница* [5. С. 36];

-иш(а): *Раздериша*, *Ступиша*. Ср.: Василий *Раздеришин*, сын боярский (1741 г., Тоб., РГАДА. Ф. 1446. Д. 11. Л. 8); Меньшик *Ступишин* (1604 г., ОР РГБ. Ф. 256. К. 47. Д. 65. Л. 2);

-ищ(е): *Конище*. Ср.: «Прон(ь)ка *Конищев*» (1691 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Кн. 988. Л. 422 об.);

-ол(я): *Бузоля* (от *бузовать* — «скандалить»). Ср.: Ивашко *Бузолин* (1630 г., Тюм., РГАДА. Ф. 214. Кн. 21. Л. 16);

-он(я) в канонических именах: *Мехоня*. Ср.: «Мурзинские слободы Ондрюшка Васильевъ *Мехонинъ*» (1689 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Кн. 918. Л. 101 об.);

-он(я) в неканонических именах и прозвищах: *Бахоня*, *Махоня*, *Сухоня*, *Шихоня*. Ср.: Мишка *Шихонин* (1633 г., Верх., РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Ст. 144. Ч. 1). Антропоним *Ших* был распространен среди князей XVI в. [5. С. 370];

-ох(а) в канонических именах: *Митроха*. Ср.: «в(о) д(воре) конной казакъ Ивашко Петров с(ы)нъ *Митрохин*» (1680 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Кн. 261. Л. 10); «*Митрохин* дворъ <...> Якова Петрова с(ы)на *Митрохина*» (1710 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Кн. 1317. Л. 674);

-ох(а) в неканонических именах и прозвищах: *Видоха*, *Завароха*, *Козоха*, *Лутоха* (от *лутошливый* — «не по годам смышленный ребенок» [12. С. 225]), *Чистоха*. Ср.: Данило *Козохин* (1760 г., Тюм., ГАТО. Ф. И 47. Кн. 1721. Л. 12 об.); «Михѣйко Григорьевъ *Лутохин*» (1689 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Кн. 918. Л. 101 об.);

-ош(а): *Бобоша*, *Провидоша*, *Пройдоша*, *Торгоша*. Ср.: Михайло *Провидошин* (1721 г., Тюм., ГАТО. Ф. И 47. Кн. 520. Л. 13);

-юг(а)(-юг(а)) в канонических именах: *Евтюга*. Ср.: «во дворе с(ы)нъ боярской Григорей Борисов с(ы)нъ *Евтюгин*» (1719 г., РГАДА. Ф. И 47. Кн. 2034а. Л. 96);

-юг(а)(-юг(а)) в неканонических именах и прозвищах: *Бердюга*, *Малюга*, *Пилюга*, *Сычуга*, *Харапуга*. Ср.: «Александрикъ *Бердюгинъ*» (1668 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Ст. 100. Л. 219); «Максимко Микитин *Пилюгин*» (1683 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Кн. 261. Л. 71); «Красномыской слободы крестьянин Фома Иванов *Сычюгин*» (1727 г., ФГАКО. Ф. 224. Кн. 65. Л. 70 об.); «Вахромѣйко Иванов *Харапугинъ*» (1668 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Ст. 100. Л. 247);

-ул(я): *Городуля*, *Живуля*, *Пискуля*. Ср.: Василий *Городулин* (1760 г., Тюм., ГАТО. Ф. И 47. Кн. 1721. Л. 11 об.); Осип *Пискулин* (1760 г., Тюм., ГАТО. Ф. И 47. Кн. 1721. Л. 14);

-ун(я)(-юн(я)) в канонических именах: *Карпуня*, *Петруня*, *Федюня*, *Якуня*;

-ун(я)(-юн(я)) в неканонических именах и прозвищах: *Годуня*, *Дедюня*, *Дуруня*, *Первуня*, *Почекуня*, *Пятуня*, *Сесюня*, *Таратуня*, *Шебуня*. Ср.: «Петръ Лукин с(ы)нъ *Петунин*» (1719 г., Тюм., ГАТО. Ф. И 47. Кн. 2034. Л. 226); «Ивань *Сесюнинъ*» (1763 г., Тюм., ГАТО. Ф. И 47. Кн. 2055. Л. 164); Тимошка *Шебунин* (1676 г., Верх., РГАДА. Ф. 214. Кн. 605. Л. 6);

-ур(а)(-юр(а)): Бачура, Дедюра, Кондюра (от *кондорить* — «хитрить, злословить»), Кочура, Пентюра. Ср.: «Малаѳѣйко Иванов *Дѣдюрин*» (1691 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Кн. 988. Л. 491); «Андрюшка *Кондюрин*» (1673 г., Верх., ОР РГБ. Ф. 256. К. 47. Д. 149. Л. 1); «Мирон Ивановъ с(ы)нъ *Пентюра*» (1728 г., ФГАКО. Ф. 224. Кн. 140. Л. 1). Формант *-ур(а)* малопродуктивен. С середины XV в. отмечено несколько квалитативов: *Костюра* < Костя, *Митура* < Дмитрий, *Мишура* < Миша, *Степура* < Стёпа [15. С. 123]. Отметим также: Семен Обрютин *Мишурин*, середина XVI в. [5. С. 201]; *Мишурин* < *Мишура* < *Миша* < *Михаил*;

-ут(а)(-ют(а)) в канонических именах: Ванюта, Панюта, Тарута. Ср.: «Иван *Ванютин*, посадский» (1723 г., Тюм., РГАДА. Ф. И 167. Л. 10); «Максим *Панютинъ*» (1598 г., Верх., ОР РГБ. Ф. 256. К. 47. Д. 4. Л. 1 об.); «лав(ка) посатцково ч(е)л(о)в(е)ка Луки *Тарутина*» (1623 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Кн. 1207. Л. 29);

-ут(а)(-ют(а)) в неканонических именах и прозвищах: Лешута, Обрюта. Ср.: «Овдотья Иванова дочь *Лешутина*» (1719 г., Тюм., ГАТО. Ф. И 47. Кн. 2034. Л. 189 об.); Иван *Обрютин*, дьяк (1696 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Ст. 970. Л. 62);

-ух(а)(-юх(а)) в канонических именах: Ортюха, Матюха. Ср.: Исайко *Матюхин* (ОР РГБ. Ф. 256. К. 47. Д. 2. Л. 1);

-ух(а)(-юх(а)) в неканонических именах и прозвищах: Гоголюха (от *гоголь* — «один из видов уток», «щёголь, франт, волокита» [6. Т. I. С. 364]), Голендуха, Громотуха, Грязнуха, Дедюха, Дуруха, Заколюха, Золотуха, Корзуха (от *корзно* (*корзень*) — «верхняя одежда, зипун»), Ладнуха, Лескуха, Ничеуха, Первуха, Потребуха (от *потреблять*, *потребить* — «расходовать» [6. Т. III. С. 358]), Редруха, Рябуха, Стадуха, Теплуха, Шадруха (от *шадрой* — «рябой»). Ср.: «стрелець Афон(ь)ка *Гоголюхинъ*» (1673 г., Верх., ОР РГБ. Ф. 256. К. 47. Д. 169. Л. 15); «кабала на нев(ь)янских на <...> Иване *Голендухине*» (1678 г., Верх., РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Ст. 13. Л. 51); Крысанф *Грязнухин* (1731 г., Тюм., ГАТО. Ф. И 47. Кн. 2035. Л. 17); «Егоръ Петровъ *Грязнухинъ*» (Тюм., ГАТО. Ф. И 177. Д. 11а. Л. 9 об.); «дворъ кр(е)стьянина Ивана Матвѣева с(ы)на *Заколюхиных*» (1731 г., Тюм., ГАТО. Ф. И 47. Кн. 2035. Л. 55 об.); «Обрамко Ѳедоровъ *Корзухин*» (1689 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Кн. 918. Л. 124); «Ларя Андреев сын *Ничеухин*» (1727 г., ФГАКО. Ф. 224. Кн. 65. Л. 76); «жена Иванова сына прозвище *Потребухина* Анна» (1710 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Кн. 1317. Л. 531 об.); «Евсѣй Семеновъ *Редрухинъ*» (1707 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Кн. 1480. Л. 67); «во дворѣ Насон Кондрат(ь)ев с(ы)нъ *Рябухин*» (1719 г., Тюм., ГАТО. Ф. И 47. Кн. 2034а. Л. 405 об.); Яраско *Стадухин* (1691 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Кн. 988. Л. 456); Иван *Шадрухин* (1710 г., Тюм., ГАТО. Ф. И 85. Кн. 153. Л. 55);

-уш(а)(-юш(а)) в канонических именах: Андрюша, Климуша, Меркуша, Петруша, Труша, Фадюша. Ср.: «*Ондрюша* Михайлов» (1598 г., Верх., ОР РГБ. Ф. 256. К. 47. Д. 5. Л. 1); «д(е)р(е)вня Мороскова над рекою Турою в(о) д(воре) Евсучко Ларионов с(ы)нъ *Меркушинъ*» (1680 г., Верх., РГАДА. Ф. 214. Кн. 697. Л. 68 об.); *Петруша* Угренин (1598 г., Верх., ОР РГБ. Ф. 256. К. 47. Д. 5. Л. 1); «во дворѣ крестьянин Иван Дмитриев с(ы)нъ *Петрушин*» (1719 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Кн. 1605. Л. 16 об.); «салдацкая Кирилловска жена *Трушина*» (1719 г., Тюм., ГАТО. Ф. И 47. Кн. 2034. Л. 3);

-уш(а)(-юш(а)) в неканонических именах и прозвищах: Гречуша, Вторуша, Кривуша, Первуша. Ср.: «дочь взята в городѣ Тюмени у мещанина *Гречушина*» (Тюм., ГАТО. Ф. И 47. Д. 4669. Л. 46 об.); Панкратей *Вторушин* (Тюм., ГАТО. Ф. И 47. Кн. 526. Л. 8 об.); Гришка *Кривушин* (1685 г., Тюм., РГАДА. Ф. 214. Кн. 968. Л. 73 об.); «Матюшка Михайловъ с(ы)нъ *Первушин*» (1685 г., Тюм., РГАДА. Ф. 214. Кн. 968. Л. 190 об.). Суффиксы *-уш(а)(-юш(а))* и *-ух(а)(-юх(а))* нередко взаимозаменяемы. Ср.: Первуха — Первуша, Ванюха — Ванюша;

-ыг(а): Булыга, Бурыга, Бусыга, Бутыга, Дурыга, Колотыга, Коротыга, Костыга, Ловыга, Лодыга, Малыга, Мандрыга, Марамыга, Старыга, Толпыга, Толстыга, Торопыга, Фартыга, Фуртыга, Холостыга, Шаншига (от *шамить* — «шамкать, говорить с шипом».

Даль отмечает производные от этой основы: *шама, шамония, шамша, шамшура, шамкала* [6. Т. IV. С. 620]), *Шарыга*. Ср.: Алешка *Бутыгин*, староста ямских охотников (1699 г., Верх., РГАДА. Ф. 214. Кн. 1231. Л. 66); Петр *Дурыгин* (1726 г., Тюм., ГАТО. Ф. И 167. Д. 11. Л. 4 об.); «Петръ Ивановъ *Костыгинъ*» (ГАТО. Ф. И 100. Кн. 2. Л. 6 об.); «Степан Козминъ сынъ *Мандрыгинъ*» (1719 г., Тюм., ГАТО. Ф. И 47. Кн. 2034. Л. 63); «конной казакъ Иван *Толстыгинъ*» (1704 г., Тар., РГАДА. Ф. 214. Кн. 1403. Л. 611); «Стен(ь)ка *Оуртыгинъ*» (1668 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Ст. 100. Л. 201); «Еѳимъ *Шанъшигинъ*» (Тюм., ГАТО. Ф. И 47. Кн. 526. Л. 15 об.); «д(вор) с(ы)на боярсково Ондръя *Шарыгина*» (1624 г., Тюм., РГАДА. Ф. 214. Кн. 5. Л. 551);

-ык(а) в канонических именах: *Созыка*. Ср.: «Овдотья Зиновьева дочь *Созыкина*» (1719 г., Тюм., ГАТО. Ф. И 47. Кн. 2034. Л. 4);

-ык(а) в неканонических именах и прозвищах: *Мандрыка, Ходыка*. Ср.: «Ѳекла Иванова дочь *Ходыкина*» (1721 г., Тюм., ГАТО. Ф. И 47. Д. 4395. Л. 13);

-ын(я)(-ин(я)): *Дурыня, Казачиня, Торопыня, Усыня*. Ср.: «конной казакъ Дмитръй *Казачининъ*» (1704 г., Тар., РГАДА. Ф. 214. Кн. 1403. Л. 611);

-ыр(я): *Копыря* («копнуть», «дать пинка», «столкнуть» [6. Т. II. С. 159]). Ср.: «двор посадког(о) ч(е)л(о)в(е)ка Ивашка *Копырина*» (1671 г., Верх., ОР РГБ. Ф. 218. Кн. 547. Л. 51). Имя *Копыря* было известно в XVI в. в княжеском роду [5. С. 154];

-ыш(а): *Добрыша*. Ср.: «Алексѣи *Добрышин* канцелярист» (1721 г., Тюм., ГАТО. Ф. И 47. Д. 3147).

Прозвища этого типа мотивированы существительными общего рода, которые были продуктивны в просторечной и диалектной речи в старорусский период [1. С. 126]. Апеллятивы общего рода возникали главным образом от глаголов (*верещага, клевака, потеряха, ревяка*) и прилагательных (*бедняга, чернава, чистоха*). Исследуемые материалы указывают на отсубстантивные образования (*Ушеня, Дураня*).

• *Основа имени на гласный + формант (гласн. + согл. + гласн.):*

-ул(я): *Вауля, Деуля*. Ср.: «Степан Мамантов с(ы)нъ *Ваулиныхъ*» (ФГАКО. Ф. 224. Кн. 65. Л. 96); *Захарко Деулин* (1679 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Кн. 988. Л. 396 об.).

• *Основа имени на согласный + формант (согл. + гласн. + согл.):*

-кей: *Трушкой*. Ср.: «Онохиной дер(е)вни <...> сын боярской Вячеслав *Трушкѣвъ*» (1703 г., Тюм., РГАДА. Ф. 214. Кн. 1403. Л. 84 об.);

-ник: *Агафонник, Андронник, Калинник, Трушник*. Ср.: «в Невьянской слободѣ <...> *Андронникъ* Зяблово» (1656 г., Верх., РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Ст. 3. Л. 107); «*Агафонникъ*» (ФГАКО. Ф. 224. Кн. 2. Л. 33 об.). В святцах было имя *Агафоник*. В зауральских текстах имя фиксируется как образованное от *Агафон* при помощи суффикса *-ник* *Агафонник*. «Иван *Калинников* с(ы)нъ Неприпасов» (1696 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Ст. 970. Л. 63). В святцах было имя *Калинник*. Поскольку в Зауралье бытовало имя *Калина* (уменьшительная форма от *Калинник* или образованное от апеллятива *Калина*), *Калинник* стало восприниматься как производное имя с суффиксом *-ник*. «Женится <...> с Красной горы жител(ь) Мит(ь)ка Ивановъ в *Трушниковой* д(е)р(е)вни у оброчного кр(е)стьянина Обросимка *Трушников* на дочери ево д(е)в(и)це Тат(ь)янице первым браком» (1697 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Кн. 860. Л. 29 об.).

• *Основа имени на гласный + формант (согл. + согл. + гласн.):*

-ньк(а): *Ганька, Доронька*. Ср.: «В межах та иво земля <...> с *Ган(ь)кою*» (1685 г., Тюм., РГАДА. Ф. 214. Кн. 968. Л. 155); «*Дорон(ь)ка*» (1685 г., Тюм., РГАДА. Ф. 214. Кн. 968. Л. 157 об.);

-шк(о): *Богдашко, Галашко, Ивашко, Игнашко, Обрашко, Онашко, Пашко, Трошко*. Ср.: «*Богдашко* Веселой» (1624 г., Верх., РГАДА. Ф. 214. Кн. 5. Л. 220 об.); *Богдашко* Гаврилов Мочалов (1697 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Кн. 1120. Л. 19); *Галашко* Микитин (1646 г., Тюм.,

РГАДА. Ф. 214. Кн. 956. Л. 123); *Игнашко* (1636 г., РГАДА. Ф. 214. Ст. 55. Л. 11); *Обрашко* (1668 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Ст. 100. Л. 246); *Онашко* (1668 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Ст. 100. Л. 221); *Пашко* (1697 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Кн. 1120. Л. 11); *Трошко* Черного (1676 г., Верх., РГАДА. Ф. 214. Кн. 605. Л. 3 об.). В южнорусских текстах употребительны форманты *-шк(а)*. Ср.: *Ивашка* [10. С. 138]; *Ивашкин* [10. С. 32]; *Ивашкин*, 1550 г., Тула [5. С. 126];

-шк(а) в канонических именах: *Алешка*, *Гришка*, *Игнашка*, *Кондрашка*, *Малашка*, *Мирошка*, *Мишка*, *Панкрашка*, *Пашка*, *Ромашка*, *Тимошка*, *Тишка*. Ср.: «*Алешка Иванов с(ы)нь Кулаков*» (1685 г., Тюм., РГАДА. Ф. 214. Кн. 968. Л. 138 об.); *Гришка* Сибинин (1676 г., Верх., РГАДА. Ф. 214. Кн. 605. Л. 3); «*Кондрашка Старцовъ*» (1685 г., Тюм., РГАДА. Ф. 214. Кн. 968. Л. 80 об.); *Малашка* Митрофанов, верхотурский воротник (1673 г., Верх., ОР РГБ. Ф. 256. К. 47. Д. 138. Л. 2); «*Мирошка Яковлевъ с(ы)нь Торопыгин*» (1685 г., Тюм., РГАДА. Ф. 214. Кн. 968. Л. 155); «*Мишка Пахалуевъ*» (1676 г., Верх., РГАДА. Ф. 214. Кн. 605. Л. 3); *Панкрашка* (1685 г., Тюм., РГАДА. Ф. 214. Кн. 968. Л. 197 об.); *Пашка* (1685 г., Тюм., РГАДА. Ф. 214. Кн. 968. Л. 132 об.); «*Понкрашка*» (1697 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Кн. 1120. Л. 18); *Ромашка* Дьяконов (1676 г., Верх., РГАДА. Ф. 214. Кн. 605. Л. 3); *Тимошка* Осипов (1597 г., ОР РГБ. Ф. 256. К. 47. Д. 1. Л. 10 об.); «денежный мастер *Тишка* Федоров» (1661 г., РГАДА. Ф. 214. Ст. 594. Л. 160);

-шк(а) в неканонических именах и прозвицах: *Пустошка*. Ср.: «во дворъ драгун *Василей Пустошкин*» (1710 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Кн. 1526. Л. 365 об.).

- *Основа имени на согласный + формант (согл. + согл. + гласн.):*

-чк(о): *Мирчко*. Ср.: «староста *Мирчко Ильинъ Бълкинъ*» (1741 г., Тоб., РГАДА. Ф. 1446. Д. 11).

- *Основа имени на согласный + формант (гласн. + согл. + согл. + гласн.):*

-анк(о): *Дуранко*, *Лупанко* (от лат. *lupus* — «волк»). Ср.: *Ортюшка Дуранков* (Верх., РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Ст. 3. Л. 113); «*Лупанко Мартемьяновъ Мирского*» (1689 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Кн. 918. Л. 110 об.);

-ейк(а): *Илейка*, *Кузейка*, *Семейка*. Ср.: *Илейка Иванов* (1646 г., Тюм., РГАДА. Ф. 214. Кн. 956. Л. 130); «*деревня Кузейкина*» (1624 г., РГАДА. Ф. 214. Кн. 5. Л. 255); «*зерщикъ Семейка Мостинскова*» (1600 г., Верх., ОР РГБ. Ф. 256. К. 47. Д. 22. Л. 1);

-ейк(о): *Воейко* (от *воя* — «воин»), *Иаковейко*, *Олумпейко*, *Сергейко*, *Хрисанфейко*. Ср.: *Воейков Иван* (1599 г., Верх., РГАДА. Ф. 214. Кн. 2. Л. 157); *Иаковейко Якимов* (1646 г., Тюм., РГАДА. Ф. 214. Кн. 956. Л. 126); *Олумпейко Михайлов Важанин* (1646 г., Тюм., РГАДА. Ф. 214. Кн. 956. Л. 139 об.); «*Сергѣйко Федосѣевъ Судовщиковъ*» (1602 г., Верх., ОР РГБ. Ф. 256. К. 47. Д. 51. Л. 3); «*Хрисанѣйко*» (1646 г., Тюм., РГАДА. Ф. 214. Кн. 956. Л. 152);

-енк(а): *Морденка*. Ср.: «*деревни Морденкиной <...> Ивана Осипова сына Морденкина <...> сын Ефим*» (1748 г., Верх., РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Кн. 583. Л. 76);

-ечк(а): *Кошечка*. Ср.: «*Ивашко Кошечкинъ*» (1683 г., Верх., РГАДА. Ф. 214. Кн. 746. Л. 71 об.);

- **-ишк(о):** *Любишко*. Ср.: *Любишко* (1684 г., Тур., РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Кн. 264. Л. 5);

-очк(а): *Чапочка* (от *чап* (прм.) — «цеп, молотило» [6. Т. IV. С. 586]). Ср.: «во дворе крес(ть)янин Иван *Чапочкин*» (1710 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Кн. 1526. Л. 209 об.);

- **-отк(а):** *Леготка*. Ср.: Иван *Леготкин* (ФГАКО. Ф. 224. Кн. 2. Л. 48 об.);

-ошк(а): *Мирошка*, *Митрошка*, *Пустошка*, *Тимошка*. Ср.: «*Мирошка <...> Тимошка*» (1676 г., Верх., РГАДА. Ф. 214. Кн. 605. Л. 7 об.); *Митрошка Петров* (1646 г., Тюм., РГАДА. Ф. 214. Кн. 956. Л. 122);

-уньк(а)(-юньк(а)): *Карпунька*, *Пятюнька*. Ср.: «*Карпун(ь)ка*» (1636 г., РГАДА. Ф. 214. Ст. 55. Л. 163); «*Пятюн(ь)ка Алвимовъ*» (1646 г., Тюм., РГАДА. Ф. 214. Кн. 956. Л. 135);

-ушк(а)(-юшк(а)) в канонических именах: Кипрюшка, Лаврушка, Матюшка, Ортюшка, Петрушка, Самушка, Сергушка. Ср.: «оброчной крестьянинъ Иванъ Ѳедоровъ с(ы)нъ Кипрюшкинъ» (1681 г., ФГАКО. Ф. 224. Кн. 2. Л. 36); «Лаврушка Юлин» (1656 г., Верх., РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Ч. 4. Ст. 195. Л. 16 об.); «Матюшка Васил(ь)евъ» (1635 г., РГАДА. Ф. 214. Ст. 55. Л. 27); «Ортюшка Дементьев» (1662 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Кн. 434. Л. 105); Ортюшка (1676 г., Верх., РГАДА. Ф. 214. Кн. 605. Л. 7 об.); «Петрушка Скрыпин» (1635 г., РГАДА. Ф. 214. Ст. 55. Л. 27); Самушка Харламов (1646 г., Тюм., РГАДА. Ф. 214. Кн. 956. Л. 122 об.); Сергушка Дрозжин, посадский человек (1661 г., РГАДА. Ф. 214. Ст. 594. Л. 197); Сергушка (1662 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Кн. 434. Л. 104);

-ушк(а)(-юшк(а)) в неканонических именах и прозвищах: Гречушка. Ср.: Федор Гричушкин (1746 г., Тюм., ГАТО. Ф. И 47. Кн. 4264. Л. 1 об.);

-ушк(о)(-юшк(о)): Юшко, Якушко. Ср.: Якушко Михайлов (1635 г., РГАДА. Ф. 214. Ст. 55. Л. 28); «Юшко Жилинской» (1635 г., РГАДА. Ф. 214. Ст. 55. Л. 28);

-ынд(а): Дурында, Шулында (от *шула* — «заборный столб» [6. Т. IV. С. 648]). Ср.: «Бугеовой д(е)р(е)вни крестьянина Степана Шулынду под караулом» (ФГАКО. Ф. 224. Кн. 311. Л. 10);

-ышк(а): Бутышка, Вторышка, Мандрышка, Марамышка. Ср.: «Гришка Бутышкин» (1661 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Ст. 100. Л. 255); «тобол(ь)ские торговые люди Вторышка Тихонов» (1631 г., РГАДА. Ф. 214. Кн. 32. Л. 100); Вторышка (1630 г., Верх., РГАДА. Ф. 214. Кн. 32. Л. 100); «кр(е)стьянин Якимко Яковлев Мандрышка» (1662 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Кн. 434. Л. 163); «Ондрюшка Еремьевъ Марамышка» (1697 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Кн. 1120. Л. 19);

-ышк(о): Вторышко. Ср.: Вторышко (1680 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Кн. 261. Л. 179);

-ютк(а): Евсютка. Ср.: Евсютка (1668 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Ст. 100. Л. 199);

-ючк(о): Ивсючко. Ср.: «Ивсючко» (1662 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Кн. 434. Л. 162 об.);

-яйк(о): Беляйко. Ср.: Ивашко Беляйко (1626 г., Тар., РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Кн. 6. Л. 10).

• *Основа имени на согласный + формант (гласн. + согл. + гласн. + согл.):*

-енок: Дыменок, Куличенок, Спиченок. Ср.: «Ѳед(ь)ка Миронов с(ы)нъ Дыменок» (1683 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Кн. 261. Л. 141 об.); «Ошон(ь)ка да Мит(ь)ка Ивановы дѣти Куличенки» (1691 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Кн. 988. Л. 437); «Тишка Спиченок» (1691 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Кн. 988. Л. 421). Прозвища на *-енок* употребительны в южнорусских говорах. Ср.: «Ѳома АѲремов с(ы)нъ Буловенок» [10. С. 16].

• *Основа имени на гласный + формант (согл.):*

-ј в канонических именах: Маркей. Ср.: «Ѳедор Маркѣв» (1719 г., Тюм., ГАТО. Ф. И 47. Кн. 2034. Л. 190);

-ј в неканонических именах и прозвищах: Вихляй, Гуляй, Докучай, Забегай, Загребай, Заломай, Замарай, Замирай, Замотай, Запрягай, Колупай, Легостай, Ломай, Нелай, Непытай, Неупокрой, Неустрой, Пинай, Погадай, Полетай, Попадай, Порывай, Растегай, Роздуй, Росшептай, Тарарай, Чуй, Шалай («шалопай» [6. Т. IV. С. 620]), Шибай, Шулай. Ср.: «Первушка Вихляй» (1626 г., Тар., РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Кн. 6. Л. 14 об.); «кр(е)стьянин Василей Иванов сын Забегаев» (1719 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Кн. 1605. Л. 108 об.); «Ивашко Федотов Замирай» (1631 г., РГАДА. Ф. 214. Кн. 32. Л. 737); «во дворѣ НикиѲор Иванов с(ы)нъ Заматаевъ» (1719 г., Тюм., ГАТО. Ф. И 47. Кн. 2034. Л. 384 об.); «села Кармацкого Семен Аврамов сынъ Запрегаев» (1735 г., Тюм., ГАТО. Ф. И 47. Кн. 2038. Л. 13 об.); «Тихонко Колупаивъ» (1664 г., Верх., РГАДА. Ф. 214. Кн. 326. Л. 72 об.); «Коз(ь)ма Непытаев» (1715 г., Тюм., ГАТО. Ф. И 47. Кн. 526. Л. 1 об.); Пинай Степанов, верхотурский атаман (1601 г., Верх., ОР РГБ. Ф. 256. К. 47. Д. 29. Л. 1); Попадаевы (1707 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Кн. 1480. Л. 66 об.); «правил Федор Порываев» (1723 г., Тюм., ГАТО. Ф. И 167.

Д. 3. Л. 6); «дворъ <...> Андрѣя Михайлова с(ы)на *Роздужева*» (1710 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Кн. 1317. Л. 640 об.); «кузница посадцких жил(ь)цов Богдашка да Трен(ь)ки *Тараевых*» (1624 г., Тюм., РГАДА. Ф. 214. Кн. 5. Л. 449); «Долматова м(о)н(а)ст(ы)ря д(е)р(е)вни Широковой <...> Василѣй *Шалай*» (1743 г., ФГАКО. Ф. 224. Кн. 274. Л. 24); «Устин(ь)я Алексѣева дочь *Шобаева*» (1719 г., Тюм., ГАТО. Ф. И 47. Кн. 2034. Л. 459). Продуктивность прозвищ с финальным *j* от глаголов, прилагательных, существительных была характерна для старорусского периода [1. С. 87]. В исследуемых источниках XVII—XVIII вв. широко употребительны прозвища и фамилии от них с формантами *-j*, *-aj*, *-ej*, *-uj*. В отглагольных антропонимах наблюдается омонимичное совпадение с формами повелительного наклонения.

- *Основа имени на согласный + флексия -а(-я):*

Народно-разговорные формы имени возникали от усеченной основы личного имени путем присоединения флексии *-а(-я)*: Гавря, Дема, Костя, Купря, Ларя, Мина, Офоня, Патря, Спиря, Треня, Харя. Ср.: «Гавря Михайло Иванов с(ы)нѣ *Гаврин*» (1748 г., Верх., РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Кн. 583. Л. 81 об.); «жител(ь) Ѳедор Иванов с(ы)нѣ *Демин*» (1697 г., ФГАКО. Ф. 224. Кн. 2. Л. 249); «д(е)р(е)вня *Костина*» (1683 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Кн. 261. Л. 141 об.); *Купря* (1624 г., РГАДА. Ф. 214. Кн. 5. Л. 157); *Ларя* (1624 г., РГАДА. Ф. 214. Кн. 5. Л. 149); «во дворе *Миней* Челпанов <...> *Мина* Челпанов указ <...> слышал» (1710 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Кн. 1526. Л. 209 об.); «подьячей *Офоня* Карпов» (1601 г., Верх., ОР РГБ. Ф. 256. К. 47. Д. 25. Л. 1); «Петрушка *Патря*» (1676 г., Верх., РГАДА. Ф. 214. Кн. 605. Л. 7); *Патрин* (1719 г., Тюм., ГАТО. Ф. И 47. Кн. 2034. Л. 344 об.); «Василѣй Семенов с(ы)нѣ *Спириных*» (1719 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Кн. 1605. Л. 74 об.); *Треня* (1624 г., РГАДА. Ф. 214. Кн. 5. Л. 160); «крестьянин Ѳедор Васил(ь)евъ *Хариных*» (ФГАКО. Ф. 224. Кн. 65. Л. 28). Флексия *-а(-я)* в личных именах в Зауралье присоединяется и к полной основе. Ср.: *Артема*, *Максима*, *Олега*. С помощью флексии *-а(-я)* активно образуются отапеллятивные прозвища. Ср.: Василий *Букса*, сын боярский (1678 г., Верх., РГАДА. Ф. 1111. Ст. 52. Л. 53); *Букса* < *букситься* (сиб.) — «дичиться, коситься» [6. Т. I. С. 138]; «Ивашко Кондрат(ь)евъ *Варнака*» (1697 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Кн. 1120. Л. 25); *Варнака* < *варнак* (сиб.) — «каторжный» [6. Т. I. С. 168]; *Федька Загваздин* (1679 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Кн. 232. Л. 24); *Загваздин* < *Загвазда* < *загваздать* (пск., кстр.) — «запачкать, загрязнить» [6. Т. I. С. 567]; «Прохорко Исаковъ *Зарубин*» (1664 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Кн. 326. Л. 56 об.); «Ивашко Ѳодановъ *Нагиба*» (1636 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Кн. 74. Л. 179 об.); *Нагиба* < *нагибать* — «наклонять, сгибая» [6. Т. II. С. 392]; Степанко *Оболтин*, казак (1626 г., Бер., РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Кн. 6. Л. 42 об.); *Оболтин* < *Оболта* < *оболтать* — «оклеветать» [6. Т. II. С. 566]; «Веденихтко Амосовъ сынѣ *Прилипинъ*» (1698 г., Тюм., РГАДА. Ф. 214. Кн. 1173. Л. 8 об.); *Прилипин* < *Прилипа* < *прилипать* (арх.) — «приставать» [6. Т. III. С. 423]; «жена *Розмазина* Овдот(ь)я» (1719 г., Тюм., ГАТО. Ф. И 47. Кн. 2034. Л. 567).

Прозвища, включающие в свой состав префикс *не-*, выполняли охранную функцию.

Префикс *не-* мог образовывать прозвища от апеллятивов или имен (*Недьяк*, *Нецветай*, *Нефедор*). В массе своей *не-* входило в структуру апеллятива, в результате антропонимизации которого возникало прозвище (бытовое имя):

Невежа, *Невежка*, *Невер*, *Невзор*, *Неворот*, *Негодяй*, *Недобрей*, *Неело*, *Неждан*, *Незговор*, *Незлоба*, *Незнай*, *Некрас*, *Нелай*, *Нелюба*, *Немир*, *Немятой*, *Ненаш*, *Неплой*, *Неприпас*, *Непряха*, *Непытай*, *Нерад*, *Несвой*, *Несговор*, *Несмеян*, *Несмеянко*, *Нетеско*, *Неудодник*, *Неудача*, *Неудачка*, *Неупокой*, *Неустрой*, *Неустройко*, *Нехорошко*. Ср.: «*Невѣжка* Ѳедоров» (Тар., РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Кн. 6. Л. 109 об.); Сенька *Неворотов*, казак (1661 г., РГАДА. Ф. 214. Ст. 594. Л. 56); Федос *Недобреев* (1763 г., Тюм., ГАТО. Ф. И 47. Кн. 2055. Л. 10); «голова Иван *Неѣлов*» (1598 г., Верх., ОР РГБ. Ф. 256. К. 47. Д. 3. Л. 5); «Савелий

Нелаевъ» (1765 г., Тюм., ГАТО. Ф. И 47. Кн. 4020. Л. 10); «*Оилать Микитинъ Нелюбинъ*» (1707 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Кн. 1480. Л. 67 об.); «*тобол(ь)ской с(ы)нъ боярской Бориско Неприпасов*» (1696 г., Тоб., РГАДА. Ф. 214. Ст. 970. Л. 63); «*Сибирской губернии города Тюмени Тихонъ Непряхин*» (1720 г., Тюм., ГАТО. Ф. И 47. Кн. 1567. Л. 2 об.); «*Иванъ Непытаевъ*» (1719 г., Тюм., ГАТО. Ф. И 47. Кн. 2034а. Л. 384 об.); *Несмеянко* Насонов (1646 г., Тюм., РГАДА. Ф. 214. Кн. 956. Л. 146); Семен *Неугодников* (1724 г., ФГАКО. Ф. 224. Кн. 260. Л. 40); *Неудачка* Иванов (1623 г., Тюм., РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Кн. 6. Л. 23 об.); *Неустройко* (1623 г., Тюм., РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Кн. 6. Л. 24 об.). Имена этого типа представлены в древненовгородском диалекте: *Невид*, *Недан*, *Некрас*, *Несул*, *Нетребуй* [7. С. 637—638].

В зауральской антропонимии XVI—XVIII вв. широко отразились словообразовательные модели существительных общего рода с формантами *-аг(а)*, *-ак(а)*, *-ах(а)*, *-уг(а)*, *-ыг(а)*, *-ык(а)*, *-ох(а)*, *-их(а)*, *-ух(а)*, *-иц(а)*, *-иш(а)*, *-уш(а)*, *-ош(а)*, *-он(я)*, *-ул(я)*, *-ун(я)*, *-ур(а)*, *-ын(я)*, *-ыр(я)*. Продуктивными антропоформантами в исследуемый период были *-к(о)*, *-к(а)*, *-л(о)*, *-j*. Активно функционировали сложные суффиксы: *-шк(о)*, *-шк(а)*, *-ушк(а)*, *-ышк(о)*, *-ейк(о)*, *-еньк(а)*, *-ечк(а)*. Региональные особенности представлены формантами *-к(о)*, *-л(о)*, которым в южнорусских говорах соответствуют *-к(а)*, *-л(а)*.

В письменных памятниках, созданных на территории Зауралья в период его первоначального освоения русскими, зафиксирована антропонимическая система словообразовательных формантов, способных быть средством идентификации личности, передавать коннотативную окрашенность имени.

В текстах официально-делового стиля XVI—XVIII вв. многообразные суффиксальные образования антропонимов приобретали окраску социальной сниженности. В сфере общения эти суффиксы передают богатейшие оттенки эмоциональных отношений. В каждом языке словообразовательная система уникальна. Ср.: «В семантике имён отражается степень, в которой принято проявлять свои чувства в человеческих отношениях вообще, а также конкретный характер этих чувств. Известно, что разные культуры существенно различаются в этом отношении <...> в культуре, представленной английским языком, проявление эмоций в личных отношениях не поощряется, а в культурах, представленных русским или польским языком, наоборот, поощряется открытое проявление сильных эмоций» [4. С. 194]. В языке вообще, а в формах личных имен и прозвищ в частности, отражается «своеобразие национального характера его носителей» [4. С. 21].

В семантике словообразовательных единиц опосредованно отражен культурный компонент личного имени, закодирована связь с ценностными установками носителей языка. В этой связи исследуемая словообразовательная структура антропоксем — богатейший и неисчерпаемый источник для изучения взаимосвязи языка и русской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азарх Ю.С. Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка. М., 1984.
2. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1.
3. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М., 1999.
4. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1997.
5. Веселовский С.Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1978—1980.
7. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 1995.
8. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004.
9. Котков С.И., Панкратова Н.П. Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII — начала XVIII века. М., 1964.

10. Памятники южновеликорусского наречия. Конец XVI — начало XVII вв. / Изд. подг. С.И.Котков, Н.С.Коткова; Под ред. С.И.Коткова. М., 1990.
11. Памятники южновеликорусского наречия. Челобитья и расспросные речи. / Изд. подг. С.И.Котков, Н.С.Коткова, Т.Ф.Ващенко, В.Г.Демьянов; Отв. ред. В.П.Вомперский. М., 1993.
12. Суперанская А.В. Словарь русских личных имен. М., 1998.
13. Толкачев А.И. К истории словообразования форм со значением субъективной оценки (квалитативов) личных собственных имен греческого происхождения в древнерусском языке XI—XV вв. // Историческая ономастика. М., 1977.
14. Толкачев А.И. К истории словообразования форм со значением субъективной оценки (квалитативов) личных собственных имен греческого происхождения в древнерусском языке XI—XV вв. II. // Этимология 1975. М., 1977.
15. Толкачев А.И. К истории словообразования форм со значением субъективной оценки (квалитативов) личных собственных имен греческого происхождения в древнерусском языке XI—XV вв. III. // Этимология 1976. М., 1978.
16. Толкачев А.И. Основные факторы фонетических изменений в заимствованных греко-христианских именах в древнерусском языке // Славянское языкознание. VII международный съезд славянистов. Варшава, 1973 г. М., 1973.
17. Трубочев О.Н. Из материалов для этимологического словаря фамилий России (русские фамилии и фамилии, бытующие в России) // Этимология 1966. М., 1968.

Принятые сокращения:

Архивы

ГАТО — Государственный архив Тюменской области в Тюмени
РГАДА — Российский государственный архив древних актов в Москве
ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки в Москве
ФГАКО — Филиал государственного архива Курганской области в Шадринске

д. — дело
к. — картон
л. — лист
ст. — столбец
ф. — фонд
ч. — часть

Населенные пункты

Бер. — Березово
Верх. — Верхотурье
Тар. — Тара
Тоб. — Тобольск
Тур. — Туринск
Тюм. — Тюмень

*Н.М.Перельгут
Е.Б.Сухоцкая
Нижевартовск, Россия*

*N.M.Perelgut
E.B.Sukhotskaya
Nizhnevartovsk, Russia*

О СТРУКТУРЕ ПОНЯТИЯ «ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС»

ON THE STRUCTURE OF POLITICAL DISCOURSE

Аннотация. В статье уточняется объем понятия «политический дискурс» и его структура, анализируются основные подходы и место среди других типов дискурса.

Ключевые слова: политика; политический дискурс; принципы классификации; масс-медийный дискурс.

Сведения об авторе: Перельгут Надежда Майеровна¹, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой лингвистики и перевода, Сухоцкая Екатерина Борисовна², аспирант кафедры лингвистики и перевода.

Место работы: Нижевартовский государственный гуманитарный университет¹, «Школа английского языка CET», г. Нижевартовск²

Abstract. The article aims to clarify the extension of the concept «political discourse» and its structure; it analyzes its main approaches the place among other discourse types.

Key words: politics; political discourse; classification principles; mass media discourse.

About the author: Nadezhda Mayerovna Perelgut¹, Candidate of Philological Sciences, Head of the Department of Linguistics and Translation; Ekaterina Borisovna Sukhotskaya², postgraduate student at the Department of Linguistics and Translation.

Place of employment: Nizhnevartovsk State University of Humanities¹; CET English language school, Nizhnevartovsk²

Контактная информация: 628609, Нижевартовск, ул. Мира, д. 3 Б, каб. 213; тел. 8(3466)273577, 89090343731 E-mail: nggu_eld@mail.ru¹; snakinakate@gmail.com²

Количество дискурсивных исследований убеждает в том, что феномен дискурса приобрел парадигмальный характер, во многом определив антропоцентрическое направление в лингвистике второй половины прошлого и начала нового столетия. Приведем в связи с этим высказывание В.З.Демьянкова: «... дискурс стал специальным термином наук о человеческой духовности» [5; 6. С. 5]. Под дискурсом, как правило, понимается язык в «многочисленном пространстве», «погруженный в жизнь», контекст, или ситуация общения; язык, организованный в соответствии со структурами, присущими высказываниям в *различных сферах социальной жизни* (курсив наш. — Н.П.) [1. С. 136—137; 12. С. 29; 10. С. 5—10; 17; 21. С. 15]. Исходя из подобных определений, закономерным является выделение таких типов дискурса как юридический, медицинский, политический и т.д. Вместе с тем основания классификаций и разграничение различных типов дискурса, равно как и разграничение внутри определенного типа, остаются наиболее дискуссионными вопросами в дискурсивной теории [21].

Очевидно, что при выделении типов дискурса необходимо иметь представление о том, где пролегает граница между разными дискурсами. Этим вопросом задавались исследователи многих типов дискурса. Так, в исследовании Л.Филлипс рассматривался дискурс о проблемах окружающей среды и политической акции в Дании по этому поводу на материале интервью отдельных людей и социальных групп [31]. Перед автором встала дилемма: считать данный дискурс политическим или научно-популярным, посвященным вопросам экологии. Подобные сложности возникали и при анализе медицинского дискурса: выделять ли дискурс об альтернативных методах лечения в рамках медицинского или рассматривать его в качестве самостоятельного типа, учитывая тот факт, что первый имеет своеобразную лексику, отражающую отличные от традиционных способы оздоровления организма [21. С. 220]. Столкнувшись с такого рода проблемой при изучении военного дискурса, Н.Фэркло выделил не только военный дискурс, но и дискурс военного нападения, а внутри последнего предложил рассматривать официальный дискурс военного нападения и фиктивный дискурс военного нападения [27. С. 95]. Таким образом получается, что дискурсивный материал можно разделить на бесчисленное множество типов дискурса.

В попытке найти ключ к решению проблемы типологии дискурса Л.Филлипс и М.Йоргенсен советуют относиться к дискурсу в значительной степени как к «аналитической концепции» и определять его границы «стратегически по отношению к целям исследования»: цели исследования определяют позицию, «которую исследователь занимает относительно материала и, следовательно, то, что можно рассматривать как отдельный дискурс». При этом, однако, они подчеркивают необходимость учитывать социальные институты и организации, поскольку речь идет об анализе языка, используемого в различных сферах социальной жизни [21. С. 219—224].

Целью данной статьи является уточнение объема понятия «политический дискурс» и рассмотрение принципов его структурирования. В связи с этим целесообразным представляется проанализировать дефиниции слова «политика», что, на наш взгляд, может помочь определить границы интересующего нас явления. Анализ толковых словарей, как русскоязычных, так и англоязычных, свидетельствует, что это понятие весьма многозначно и может использоваться в узком и широком смысле. Этимологически лексема восходит к древнегреческому слову *πολιτική* — «государственная деятельность», образованному от *πόλις* — «город, государство», и означает искусство управления государством, деятельность органов государственной власти, которая зависит от общественного строя и экономических отношений [11; 33]. Это определенным образом направленная деятельность государства или социальных групп в различных сферах: экономике, социальных и национальных отношениях, демографии, безопасности и т.д. Кроме того, слово «политика» может означать вопросы и события общественной, государственной жизни [13]. Это — узкое значение, связанное с понятием и функциями государства.

В широком смысле слово «политика» используется для обозначения программы действий, различных видов деятельности человека, общественного института по руководству кем или чем-либо. В таком случае можно говорить о политике организации, об образовательной политике на уровне городского муниципалитета, о семейной политике и т.п. Данная лексема может использоваться также для обозначения совокупности действий и мер, направленных на достижение определенных целей.

Заметим, что в английском языке существует несколько однокорневых лексем, близких по значению — *policy*, *politics*, *polity*. Слово *policy* используется в значении «политика, линия поведения, установка, стратегия, а также политический курс». Семантическую структуру лексемы *politics* составляют следующие компоненты: политика, искусство управления, стиль и принципы поведения; политическая жизнь, деятельность, события, взгляды, убеждения; политическая линия, т.е. идеи и деятельность, осуществляемые с целью получения власти в стране или за ее пределами [29]. Данная лексема означает также искусство или науку о том, как влиять на идеи и убеждения отдельных личностей или общества в целом. И, наконец, *polity* обозначает форму правления, общественный или государственный строй, устройство [25; 29; 33].

Следует отметить, что понятие «политика» составляет единицу описания в различных специальных словарях, таких как социологический, философский, политологический, в которых акцентируются различные аспекты его значения. Так, в социологическом словаре делается акцент на социальной стороне понятия: «сфера деятельности, связанная с отношениями между классами, нациями и другими социальными группами, основным содержанием которых является завоевание, удержание и пользование властью; деятельность общества как целого в определенном направлении, осуществляемая с помощью соответствующих обществ, организаций (политических партий), а также деятельность классов и иных социальных групп, связанная с определением содержания и форм, задач и функций государства, а также его взаимоотношений с другими государствами» [18].

Философская интерпретация понятия близка к социологической, однако в ней делается акцент на власти и государстве. В своей статье в «Новейшем философском словаре

«Словopedia» В.С.Тарасов дает следующее определение этому понятию: «политика — сфера деятельности человека, связанная с распределением и осуществлением власти внутри государства и между государствами. Политика как особая форма социальной деятельности возникает вместе с государством и той иерархической системой власти, которая призвана обеспечить в обществе гражданский порядок на основе четкого разграничения отношений господства и подчинения» [19]. Возникновение термина «политика» связывают с одноименным трактатом Аристотеля о государстве, правлении и правительстве [32].

Полититологическое толкование термина включает три компонента: 1) определенная сфера общественной жизни, которая служит для согласования общих и частных интересов, осуществления господства и поддержания порядка, реализации общезначимых целей и руководства людьми, а также регулирования ресурсами и управления общественными делами; 2) способ совместной и индивидуальной активности социальных субъектов, вид деятельности и социального поведения; 3) тип социальных отношений (между индивидами, группами и т.д.), вид человеческого общения. Политологи при описании феномена «политика» прибегают к понятиям *polity*, *policy*, *politics*, используемым в английском языке. Так, с понятием *polity* связывают институциональную политику, определяемую конституцией, парламентами, системой специализированных органов государственной власти (судебной системой) и т.д. Понятие *policy* представляет политический курс, стратегию поведения. И, наконец, *politics* передает процессный характер политического термина, политическое волеизъявление, которое может приобретать интеллектуальные, оценочные и социально-психологические формы [3].

Политика, как деятельность в сфере институциональной общественной жизни, может осуществляться на разных уровнях: 1) на низшем уровне, который включает решение местных вопросов: жилищные условия, муниципальное образование, общественный транспорт и т.п.; 2) на локальном, или региональном уровне, который предполагает государственное вмешательство; политика на этом уровне осуществляется группами и институтами, заинтересованными в развитии своего региона; 3) на национальном уровне, который занимает центральное место в теории политики, что определяется положением государства как основного института распределения ресурсов; 4) на международном уровне, на котором основными субъектами политической деятельности выступают суверенные государства [3]. Соответственно, выделяют мировую, внешнюю, внутреннюю, региональную, военную, экономическую, демографическую, правовую, экологическую и др. виды политики.

Для определения объема понятия «политика» важно замечание политологов, что ее роль как особой сферы общественной жизни обусловлена тремя свойствами: универсальностью, т.е. ее всеобъемлющим характером, способностью воздействовать на любые стороны жизни, элементы общества, отношения, события; включенностью, или проникающей способностью, т.е. возможностью безграничного проникновения во все области и, как следствие, атрибутивностью, т.е. способностью сочетаться с неполитическими общественными явлениями, отношениями и сферами [3].

На основе семантической структуры понятия «политика» можно определить объем феномена «политический дискурс»: узкое понимание политики предполагает институциональный дискурс, в то время как дискурсивная реализация политики в широком смысле реализуется в неинституциональном дискурсе.

Узкого определения политического дискурса придерживается Т.А. ван Дейк, по мнению которого политический дискурс — это дискурс политиков, реализуемый в виде правительственных документов, парламентских дебатов, партийных программ, речей политиков. Ограничивая политический дискурс деятельностью политиков, т.е. профессиональными рамками, ученый подчеркивает его институциональный характер [4; 26].

Е.И.Шейгал в своем исследовании предлагает полевой подход к анализу структуры дискурса политики и считает дискурс политическим, если к сфере политики относится хотя

бы одна из трех составляющих: субъект, адресат или содержание речевого произведения. В центре поля находятся первичные жанры (программные документы, заявления, речи, дебаты и т.д.), а на периферии — вторичные, или маргинальные жанры, сочетающие в себе элементы политического и других видов дискурса (например, аналитические статьи, бытовые разговоры, письма в редакцию, карикатуры, пародии и т.д.) [23. С. 244—245]. Таким образом, полевой подход, по мнению автора, позволяет выявить сферы соприкосновения политического дискурса с другими разновидностями институционального дискурса (научным, педагогическим, юридическим, религиозным и др.), а также с неинституциональными формами общения (художественный и бытовой дискурсы). По сути, это содержательно-тематический принцип, основанный на характере референции текста. Отмечая особую роль СМИ в реализации политического дискурса, благодаря которым он становится публичным, адресованным широкой аудитории, исследователи говорят о тенденции к сращиванию политического дискурса с дискурсом масс-медиа [15. С. 90; 23].

Рассмотрение дискурса с позиции авторства также позволяет очертить объем понятия *политический дискурс*. Так, с точки зрения субъекта речи С.Н.Плотникова предлагает разделить политический дискурс на дискурс политиков и дискурс реагирования. Термин «дискурс реагирования» означает любой дискурс, произведенный в качестве реакции на дискурс политика [14]. Дискурс реагирования вторичен по отношению к политическому дискурсу в том смысле, что реагирующий всегда выступает в роли человека отвечающего. И если дискурс политика является институциональным, то дискурс реагирования носит неинституциональный характер [7; 14].

В целом, широкое рассмотрение политического дискурса на основе содержательно-тематического принципа и адресанта¹ может варьироваться и включать следующие его разновидности [см., напр.: 2; 9; 16; 22; 23]:

— институциональный политический дискурс, в рамках которого используются тексты, непосредственно созданные политиками и используемые в политической коммуникации (политические документы, парламентские речи и дебаты, публичные выступления и интервью политических лидеров и т.д.). Сюда же можно отнести официальный политический дискурс, связанный с аппаратной коммуникацией, в рамках которой создаются тексты, предназначенные для сотрудников государственного аппарата;

— масс-медийный (медийный) политический дискурс, в рамках которого используются тексты политической тематики, созданные журналистами и распространяемые посредством прессы, телевидения, радио, интернета;

— тексты, созданные «рядовыми гражданами», которые, не являясь профессиональными политиками или журналистами, эпизодически участвуют в политической коммуникации. Это могут быть разного рода письма и обращения, адресованные политикам или государственным учреждениям, письма в СМИ, связанные с политическими событиями и др.;

— политические детективы, политическая поэзия, а также тексты политических мемуаров;

— посвященные политике тексты научной коммуникации.

Безусловно, упомянутые речевые произведения можно считать политическим дискурсом. Вызывает сомнение, однако, правомерность включения в структуру политического дискурса таких жанров как политический детектив и политическая поэзия. Скорее это область беллетристики, которая основана на художественном вымысле и, если и отражает реальные события, то сквозь призму художественного осмысления действительности. Вместе с тем в число системообразующих признаков политического дискурса, наряду с такими, как институциональность, информативность, смысловая неопределенность, фатомность,

¹ Адресант — отправитель, который в процессе социального общения посредством сообщения стремится вызвать определенную реакцию у адресата, партнера по коммуникации [24].

федеистичность, эзотеричность, дистанцированность и авторитарность, театральность, динамичность и т.д. [см.: 23. С. 57—91], целесообразно, на наш взгляд, включить параметр «реалистичность», или жизненность (отражение жизненной ситуации, злободневность, насущность), который характеризует политический дискурс как актуальный. Кроме того, этим жанрам не свойственны важные черты, которые приписываются политике и, соответственно, политическому дискурсу — универсальность и включенность (т.е. способность проникать во все сферы жизни).

Что касается политических мемуаров, то они, как правило, описывают реальные события и могут быть отнесены к институциональному или неинституциональному дискурсу в зависимости от того, созданы ли они действующим или бывшим политиком. Это относится и к научному политическому дискурсу: политолог, создавший текст, может представлять определенный институт, а может выражать собственное мнение, не совпадающее с мнением организации или редакции.

Представим разграничение различных видов политического дискурса в соответствии с содержательными характеристиками и адресантом в следующей таблице:

ВИДЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

	Институциональный		Неинституциональный
Дискурс политика	аппаратный (служебный, внутренний); политический дискурс, ориентированный на общение внутри государственных или общественных структур; политический дискурс в публичной политической деятельности (политические документы, парламентские речи и дебаты, публичные выступления и интервью политических лидеров и т.д.); политические мемуары (действующего политика)	Дискурс политика	политические мемуары (бывшего политика)
Дискурс реагирования	политический дискурс, осуществляемый журналистами и распространяемый посредством прессы, телевидения, радио, интернета; научный дискурс (политолога), посвященный вопросам политики	Дискурс реагирования	научный дискурс (политолога), посвященный вопросам политики; политический дискурс рядовых граждан, не являющихся профессионалами в данной области; письма в СМИ, связанные с политическими событиями

В данной работе не затрагиваются свойства, выделяемые разными авторами в политическом дискурсе, которые также могут рассматриваться как его индикаторы, например: полемичность, пропагандистская лозунговость, идеологизация, претензия на абсолютную истину, метафоричность и др. [22; 23; 28].

Таким образом, анализ семантической структуры понятия «политика», равно как и различные ракурсы рассмотрения — содержательно-тематический на основе лингвистических параметров (анализа лексики, грамматических структур, метафор) и коммуникативно-прагматический, т.е. с точки зрения субъекта речи, или адресанта — позволяют применить широкий подход к определению политического дискурса и включать в него как институциональный, так и неинституциональный виды дискурса, автором которого является политик или который адресован политику как дискурс реагирования на политические события.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1998.
2. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Зарубежная политическая лингвистика: Учеб. пособие. М., 2008.
3. Василик М.А., Вершинин М.С. и др. Политология: Словарь-справочник. М., 2001. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Dict/15.php
4. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Пер. с англ. М., 1989.
5. Демьянков В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // Язык и наука конца XX века. М., 1995.
6. Демьянков В.З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка // Язык. Личность: Сб. статей к 70-летию Т.М.Николаевой / Отв. ред. В.Н.Топоров. М., 2005.
7. Домышева С.А. Политический дискурс vs дискурс реагирования: оценка политика как «человека неискреннего» в средствах массовой информации // Вестник Челябинского гос. ун-та. Челябинск, 2007. № 22. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=15529456>
8. Ефремов Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. URL: <http://www.onlinedics.ru/slovar/fil/p/politika.html>
9. Карасик В.И. Этнокультурные типы институционального дискурса // Этнокультурная специфика речевой деятельности: Сб. обзоров; ИНИОН РАН. М., 2000.
10. Караулов Ю.Н., Петров В.В. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса // Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
11. Крысин Л.П. Политика // Толковый словарь иноязычных слов. М., 2008. URL: <http://slovari.yandex.ru>
12. Кубрякова Е.С. О термине «дискурс» и стоящей за ним структуре знания // Язык. Личность. Текст: Сб. ст. к 70-летию Т.М.Николаевой. М., 2005.
13. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. URL: <http://www.onlinedics.ru/slovar/fil/p/politika.html>
14. Плотникова С.Н. Политик как конструктор дискурса реагирования // Политический дискурс в России: Материалы постоянно действующего семинара / Под ред. В.Н.Базылева, В.Г.Красильниковой. Вып. 8. М., 2005.
15. Ровинская Т.Л. Роль СМИ в деятельности «зеленых» партий (опыт США и ФРГ) // Вестник Московского ун-та. Серия 12. Политические науки. 2002. № 6.
16. Рыбакина А.В. Проблемы политического дискурса. URL: http://www.pglu/lib/publications/University_Reading
17. Серю П. Русский язык и анализ советского политического дискурса: анализ номинализации // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса / Пер. с фр. и португ. М., 1999.
18. Социологический словарь. URL: <http://www.onlinedics.ru/slovar/soc/p/politika.html>
19. Тарасов В.С. Новейший философский словарь. «Словопедия». 2007. URL: <http://www.slovopectia.com/6/207/770965.html>
20. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н.Ушакова. Т. 1. М., 1935; Т. 2. М., 1938; Т. 3. М., 1939; Т. 4. М., 1940. (Переизд. в 1947—1948 гг.); Репринт. изд. М., 1995; М., 2000. URL: <http://ushdict.narod.ru>
21. Филлипс Л., Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ: теория и метод / Пер. с англ. Харьков, 2004.
22. Чудинов А.П. Политическая лингвистика: Учеб. пособие. 2-е изд., испр. М., 2007.
23. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М., 2004.
24. Энциклопедия социологии. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/econ_dict/2610#sel=21:8,21:29
25. Dictionary of the English Language. Fourth Edition copyright 2000 by Houghton Mifflin Company. Updated in 2009. Published by Houghton Mifflin Company. URL: <http://www.thefreedictionary.com/politics>
26. Dijk Т.А. van. What is political discourse analysis? // Political linguistics / Blommaert J., Bulcaen Ch. (eds.). Amsterdam, 1998.

27. Fairclough N. Media discourse. L., 1995.
28. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago; L., 2003.
29. Lingvo.Pro. URL: <http://lingvopro.abbyyonline.com/ru/Translate/en-ru>
30. Macmillan English On-line Dictionary. Macmillan Publishers Limited 2009—2013. URL: <http://www.macmillandictionary.com/dictionary/british>
31. Phillips L. Mediated communication and the privatization of public problems: discourse on ecological risks and political action // European Journal of Communication. 2000. 15(2).
32. Politika // Философский словарь. URL: <http://www.onlinedics.ru/slovar/fil/p/politika.html>
33. Webster's On-line Dictionary. URL: <http://www.websters-online-dictionary.org/definition>

**ФЕНОМЕН ХРОНОТОПА
 КАК МЕТОД ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО
 АНАЛИЗА ТЕКСТА**

**PHENOMENON OF CHRONOTOPE
 USED AS A METHOD OF PHILOLOGICAL
 ANALYSIS OF TEXTS**

Аннотация. Данная статья рассматривает феномен хронотопа как метод филологического анализа текста. В статье дается краткий обзор существующей философской и лингвистической концепций хронотопа, рассматривается эволюция хронотопа и появление таких категорий как ноохронотоп.

Ключевые слова: хронотоп; пространство; время; ноохронотоп.

Abstract. The article considers the phenomenon of chronotope employed as a method of philological analysis of texts. It briefly reviews the concepts of philosophical and linguistic conceptions of chronotopes, evolution of chronotopes and emergence of new categories, such as noochronotope.

Key words: chronotope; space; time; noochronotope.

Сведения об авторе: Пластинина Нина Анатольевна, доцент кафедры лингвистики и перевода.

Место работы: Нижневартровский государственный гуманитарный университет.

About the author: Nina Anatolievna Plastinina, Associate Professor at the Department of Linguistics and Translation.

Place of employment: Nizhnevartovsk State University of Humanities.

Контактная информация: 628615, г. Нижневартовск, Северная, д. 50, кв. 10; тел. 8 (3466) 268610.
 E-mail: nina_plastinina@yahoo.com

С древних времен люди, принадлежащие к той или иной этнической группе и культуре, определяют себя, воспринимают и осознают окружающий мир, создают его ментальный образ-концепт через взаимосвязь категорий времени и пространства. Время наряду с пространством является одной из основных форм существования нашего мира, оно определяет все этапы бытия, последовательную смену жизненных циклов природы и человека. Относительно времени мы определяем себя в прошлом, настоящем и будущем в том пространстве, где мы находились, находимся сейчас или можем быть в будущем. Время и пространство переплетаются в сознании человека с его субъективными переживаниями и его интерпретацией причин и следствий тех или иных событий. Языковая картина мира человека выстраивается в определенной сетке координат, где время и пространство являются центральными осями, присутствует вектор движения во времени и пространстве и есть точка, в которой находится человек, или точка, относительно которой он воспринимает круговорот бытия во времени и пространстве [28. С. 81—82].

В современной лингвистике и литературоведении уже классической является точка зрения на художественный текст как на отражение знаний о мире говорящего (пишущего) субъекта, отражение событий реального мира в художественном. В основе практически всех исследований концептосферы художественного текста, языковой картины мира и категорий времени и пространства в языкознании лежит идея о том, что точкой отсчета в системе пространственно-временных координат является человек [1—5].

Для обозначения неразрывной связи времени и пространства в художественном тексте М.Бахтиным был предложен термин «хронотоп»: «Существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе, мы будем называть *хронотопом* (что значит в дословном переводе — «времяпространство»)» [4]. Он также предложил рассматривать время и пространство в их взаимодействии, что соответствует тенденции современной когнитивистики к целостному рассмотрению картины мира в сознании человека. М.Бахтин определил время и пространство в художественном мире как две стороны хронотопа, в котором происходит «слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом. Время здесь сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается

в движение времени, сюжета, истории. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем» [4]. Хронотоп, перефразируя метафору М.Бахтина, можно охарактеризовать как художественный образ места и времени.

Хронотоп является универсальной категорией, которая определяет художественное единство литературного произведения в его отношении к реальной действительности. Именно хронотоп как особенность созданной автором и обусловленной его мировоззрением и творческим замыслом модели воображаемого мира, в разной степени приближенной к реальному миру, является основным объектом нашего анализа.

Основой созданной автором модели мира будут являться человек и окружающая его среда в их взаимодействии со всеми пространственно-временными характеристиками. Текст, как и реальность, порождает нерасторжимое единство пространства и времени, обозначаемых категориями хронотопа (преимущественно в литературоведении) и континуума (преимущественно в лингвистике). Именно единство этих категорий, по мнению И.Р.Гальперина, обеспечивает достоверность и конкретность описания [9. С. 89]

Однако в настоящее время отношение к тексту как одному из ключевых понятий наук гуманитарного цикла [17; 12; 19 и др.] и исчерпанность существующей лингвистической и стилистической парадигм [26] привело к переосмыслению его традиционного определения и, соответственно, к переосмыслению и развитию категории хронотопа.

Лингвисты, исследуя языковую картину мира, развивают в последних работах термин М.М.Бахтина, включая в него такие составляющие как «хронотоп наблюдателя», «точка зрения интерпретатора-наблюдателя», «перспектива», «ментальная функция наблюдения» [18], «ментальные миры» [23], «минус-пространство» [25] и др.

Н.Д.Марова в своей работе «Парадигмы интерпретации текста» расширяет понятие М.М.Бахтина и вводит категорию «ноохронотоп», в которой «упорядоченный в соответствии с требованиями и условиями точки зрения наблюдателя-интерпретатора мир» обладает в одном направлении признаками классического хронотопа М.М.Бахтина, а в другом направлении приобретает духовные параметры, специфичность которых зависит от некоторой ментальной точки зрения, от менталитета интерпретатора [18. Ч. 1. С. 69]. По мнению ученого, необходимо принять во внимание, что «перспективированный мир знака неизбежным образом обогащается духовным измерением» [18. Ч. 1. С. 69], поэтому, кроме традиционных параметров времени и пространства, ноохронотоп должен включать в себя понятие ментальности, т.е. духовности и разумности. С учетом этого ментальная картина видения, являясь следствием выражения определенной точки зрения интерпретатора, запечатлевает его манеру видения текста, выражает комплекс условий видения рассматриваемого текста и манифестируется в тексте через пространственную, временную и духовную точки зрения, образуя перспективу текстоментальной действительности.

Л.В.Кушникова, основываясь на теории гармонизации перевода, вводит понятие «переводческий хронотоп», включающее в себя переводческое пространство и переводческое время — новую переводческую реалию, отражающую особое переводческое видение, своего рода переводческую картину мира [14].

Суть переводческого пространства, как указывает Л.В.Кушникова, сводится к представлению процесса перевода как сложной системы гетерогенных смыслов, которые транспонирует переводчик. В теории гармонизации перевода она выделяет шесть полей переводческого пространства: содержательное поле, которое отражает эксплицитный текст, заключая в себе фактуальную информацию, что позволило определить формируемый в нем смысл как фактуальный; поля трех взаимодействующих субъектов: автора, переводчика, реципиента, отражающих различные точки зрения на одно и то же содержание. Формируемые в этих полях смыслы имплицитны: модальный смысл поля автора как отражение интенциональности текста; рефлексивный смысл поля реципиента как отражение восприимчивости текста; индивидуально-образный смысл поля переводчика как отражение образа-гештальта

текста в сознании переводчика. И, наконец, два текстовых поля: энергетическое с иррадирующим смыслом как отражение текстовой энергии, напряженности, эмотивности, эмпатийности и пр.; фатическое (культурологическое) с ассоциативно-семиологическим смыслом как отражение неразрывной связи текста с культурой, его интертекстуальности, прецедентности и пр. [13. С. 54].

Кроме того, Н.Д.Марова создает текстоментальную концепцию перевода, которая привлекает внимание лингвистов, размышляющих над проблемами транспонирования смыслов текста из одного языка в другой, из одной культуры в другую. Согласно утверждению ученого, «перевод текста на другой язык есть перевод его интерпретационной картины видения на уровень ее воссоздания средствами иного языка» [18. Ч. 2. С. 316].

Американский культурантрополог Э.Холл считал, что время «культурно окрашено». Структурные особенности и принципы языка являются тем, что во многом предreshает, как его носители воспринимают окружающий мир и, в конечном счете, суть всей культуры народа. Известный в Америке теоретик лингвистики Б.Уорф писал, что «носители разных языков по-разному воспринимают факты и явления, поскольку эти явления по-разному выражены и сформулированы на их языках» [7]. Это означает, что представители монохронных и полихронных культур по-разному воспринимают время, и, как указывает в своем исследовании И.Н.Хайдарова, «их ментальные темпоральные пространства не совпадают полностью, их отношение ко времени различается, формируя собственную точку зрения, уникальный темпоральный смысл» [27]. Это означает, что смысл фатического поля подвергается изменениям, обусловленным темпоральными смыслами. Если переводчик не учитывает фактор времени, текст перевода теряет темпоральные смыслы. И наоборот, совокупное рассмотрение переводческого времени и переводческого пространства порождает переводческий хронотоп и приводит к гармоничному переводу.

Однако в свете концепции Н.Д.Маровой, стремясь к созданию гармоничного текста перевода, мы должны учитывать категорию духовности — ментальной точки зрения не только автора, но и переводчика и реципиента, «ибо измерить силу перевода можно только на основе читательского восприятия на том языке, на котором он сделан» [24].

Согласно Н.Д.Маровой, объект перевода, сохраняя целостность и самоценность оригинала, отражая смыслы исходного текста, но не копируя их; преломляя эти смыслы в сознании всех субъектов перевода, должен обладать собственным индивидуальным языком и стилем выражения ментальной картины видения.

Н.Д.Марова и Л.В.Кушнина солидарны в том, что в рамках целого текста процесс гармонизации смыслов совершается сложными путями, по мере того, как переводчик преодолевает все препятствия, возникающие при постижении каждого поля переводческого пространства [13]. И если категории пространства и времени находят свое выражение в семантической категории пространства посредством предикативности, синкретических лексических и грамматических единиц, функционирования глагольных форм, таксиса и дейксиса, то, по нашему мнению, категория духовности ноохронотопа находит свое выражение и обретает осязаемую и видимую форму при принятии переводческого решения в переводческом пространстве.

Переводческое пространство включает «дифференциальные смыслы, обусловленные взаимодействием гетерогенных полей и интегральным смыслом целого текста» [15. С. 94]. С одной стороны, оно уникально, т.к. является результатом уникальной конфигурации для каждого текста и каждого переводчика, с другой — поливариантно, поскольку может генерировать разнообразные смысловые модели. Переводческое решение же выполняет в переводческом пространстве упорядочивающую функцию [10].

Т.А.Казакова, анализируя явление «информационного шума», присущее теории информации, говорит о стремлении человека так или иначе структурировать получаемую информацию, т.е. придавать ей упорядоченность. Рассматривая в качестве объектов, вступающих

в информационное взаимодействие, человека и художественный текст, она полагает, что можно прогнозировать восприятие в качестве хаоса или «информационного шума» авангардных текстов, разрушающих привычную информационную инерцию, и текстов, построенных по канонам архаических языков и культур, или включающих информационные компоненты, превышающие уровень эрудиции читателя [11. С. 27—28]. Мы солидарны с этой точкой зрения и считаем, что упорядочивание информационного содержания переводческого пространства происходит посредством комплекса переводческих решений [10].

По свидетельствам и высказываниям писателей-переводчиков, по сторонним воспоминаниям об их работе можно судить, что именно категория реализации духовности и разумности способствует принятию верного переводческого решения, которое есть результат осмысленного упорядочивания интерпретации оригинала, отражение интенциональности текста, его текстовой энергии и эстетического воздействия на переводчика, отражение переводческой ментальной точки зрения.

Многие известные переводчики в своих мемуарах описывали процесс принятия переводческого решения как процесс подчас мучительного духовного сопереживания автору и персонажам, признания необходимости сохранения цельности произведения и соразмерности образов. Б.Пастернак считал, что, «каждодневное продвижение по тексту ставит переводчика в былые положения автора. Он день за днем воспроизводит движения, однажды проделанные великим прообразом» [21. С. 316].

Р.Райт-Ковалева, в свою очередь, вспоминая совместную с С.Я.Маршаком правку переводов сонетов У.Шекспира, пишет: «Сначала я читала вслух каждый сонет по-английски, потом — перевод. Потом — все варианты, сравнивая строку за строкой, выбирая лучшую по звучанию, по близости к тексту... впоследствии, уже в Москве, работая над Бернсом, я прочла ему все переводы, наверно, раз пять-шесть, причем при каждом варианте хотя бы одного слова, одной строки он требовал, чтобы ему читали все стихотворение с начала до конца» [22]. Канадская исследовательница Дж. Вудсворт всегда считала, что «переводить трудно». [16. С. 396].

Писатель-переводчик, как носитель языка, предлагает нам свое понимание оригинального текста, т.е. осмысленную ментальную картину видения оригинального текста. «Подобно оригиналу, перевод должен производить впечатление жизни, а не словесности», — пишет Пастернак в своих «Замечаниях к переводам Шекспира» [20].

Для предложенной нами методики анализа хронотопа и ноохронотопа в переводе важна мысль Бахтина о «внезаходимости» воспринимающего, т.е. определенной отстраненности ментальной точки зрения переводчика-интерпретатора. Перевод не может и не должен стремиться к полному устранению различий между оригиналом и переводом, ведь иноязычная культура может полностью раскрыться перед реципиентом только посредством знакомства с незнакомыми ему реалиями и объектами. С другой стороны, столь же важным для нас является предложенное Гадамером сравнение перевода с диалогом, в котором переводчик сам инициирует разговор с оригиналом, превращая перспективированный мир знака в смысл, при этом остается лишь партнером в обсуждении, причастным к этому смыслу наравне с самим текстом [8].

Таким образом, развивая идеи Н.Д.Маровой относительно ноохронотопа и Л.В.Енбаевой относительно принятия гармоничного переводческого решения на высоком профессиональном уровне, мы можем утверждать, что все категории ноохронотопа, т.е. единства времени и пространства, обогащенных духовностью и разумностью, манифестируются в тексте перевода в зависимости от общей концепции переводчика относительно эстетического воздействия произведения, замысла автора, всей системы образов, авторского стиля, а также согласованности всех принятых переводческих решений, т.е. в зависимости от переводческой ментальной картины видения произведения автора, степени духовного сопереживания ему и принятия в расчет реципиента конечного результата перевода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды: В 2 т. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. Изд. 2-е. М., 1999.
3. Бахтин М.М. Время и пространство в романе // Вопросы литературы. 1974. № 3.
4. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. М., 1986.
5. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996.
6. Виноградов В.В. Стиль «Пиковой дамы» // Виноградов В.В. Избр. тр. О языке художественной прозы. М., 1980.
7. Виссон Л. Синхронный перевод с русского на английский. М., 1999.
8. Гадамер Г.Г. Актуальность прекрасного / Пер. с нем. А.В.Михайлова, В.С.Малахова, В.В.Бибихина, М.К.Рыклина, А.Я.Ярина, С.А.Ромашко, М.П.Стафетской. М., 1991.
9. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
10. Енбаева Л.В. Переводческое решение речевой многозначности (на материале литературы нонсенса): Дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2009.
11. Казакова Т.А. Художественный перевод: в поисках истины. СПб., 2006.
12. Колодина Н.И. Теоретические аспекты понимания и интерпретации художественного текста: На материале русского и английского языков. Тамбов, 2002.
13. Кушнина Л.В. Гармонизация смыслов текста при переводе как отражение точек зрения автора, переводчика и реципиента // Интерпретация текста: ментальное зеркало видения: Сб. науч. тр. Екатеринбург, 2008.
14. Кушнина Л.В. Теория гармонизации: опыт когнитивного анализа переводческого пространства. Пермь, 2009.
15. Кушнина Л.В. Языки и культуры в переводческом пространстве. Пермь, 2004.
16. Литература и перевод: Проблемы теории. М., 1992.
17. Лукина Н.В. Смысловая структура метатекста. Астрахань, 2011.
18. Марова Н.Д. Парадигмы интерпретации текста. Екатеринбург, 2006.
19. Новикова А.В., Лошаков А.Г. Пространственно-временной континуум как фактор внутренней целостности сверткста «Последние стихи. 1914—1918» З.Гиппиус // Русский язык и проблемы современного образования: Сб. науч. ст. / Отв. ред. А.Т.Ашхарава. Архангельск, 2009.
20. Пастернак Б. Замечания к переводам Шекспира // Пастернак Б. Об искусстве. М., 1990.
21. Пастернак Б.Л. Избранное: В 2 т. М., 1985. Т. 2.
22. Райт-Ковалева Р.Я. Я думал, я чувствовал, я жил. М., 1971.
23. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2001.
24. Топер П.М. Перевод и литература: творческая личность переводчика // Вопросы литературы. 1998. № 6.
25. Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983.
26. Хазагеров Г.Г. Перспективы экологической лингвистики и исчерпанность стилистической парадигмы. URL: <http://www.khazagerov.com/pragmatica/122-ecolinguistics.html>
27. Хайдарова И.Н. Исследование категории переводческого времени в сопоставительном аспекте (на материале русского и немецкого языков): Дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2008.
28. Художественно-педагогический словарь / Сост. Н.К.Шабанов и др. М., 2005.
29. Чернухина И.Я. Элементы организации художественного прозаического текста. Воронеж, 1984.

**СПОСОБЫ ЯЗЫКОВОЙ
 РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПРОСПЕКТИВНОЙ
 СИТУАЦИИ БЛИЗОСТИ
 ВСТУПЛЕНИЯ В ДЕЙСТВИЕ**

**PROSPECTIVE SITUATIONS DESCRIBING
 IMMEDIATENESS OF ACTIONS:
 DIFFERENT WAYS OF
 LANGUAGE EXPRESSION**

Аннотация. В статье рассматриваются способы языковой объективации проспективной ситуации близости вступления в действие. Анализ аспектуальных ситуаций проводится на материале русского, английского и французского языков.

Ключевые слова: проспективность; близость к вступлению в действие; пространственно-временные указатели; пространственный образ.

Сведения об авторе: Федорова Римма Владимировна, учитель английского языка.

Место работы: Муниципальное бюджетное образовательное учреждение «Средняя общеобразовательная школа № 34».

Контактная информация: 628600, г. Нижневартовск, ул. Маршала Жукова, д. 16 Б, кв. 37.
 E-mail: f.rim@mail.ru

Abstract. The article dwells upon linguistic objectification of prospective situations describing action immediateness. The analysis of different aspectual situations is carried out by the example of the Russian, English and French languages.

Key words: prospectivity; immediateness of an action; time and space indicators; spatial image.

About the author: Rimma Vladimirovna Fyodorova, English language teacher.

Place of employment: Municipal budgetary educational institution "Secondary comprehensive school № 34".

Постижение сущности проспективной характеристики действия невозможно без оценки языковой объективации компонентов ее понятийного содержания. Одной из фаз проспективности является близость к вступлению в действие, в новую ситуацию.

Выбор термина «близость к вступлению в действие» обусловлен тем, что в дефиниции слова *близость* включен довольно широкий перечень компонентов. Анализ толковых словарей свидетельствует, что это понятие весьма многозначно. *Ближкий* (близкая, близкое, близок, близка и т.д.) — находящийся на небольшом расстоянии, недалеко от чего-нибудь [15. С. 46]. По определению В.И. Даля, *близкий* — недалкий, недалекый, неотдаленный; находящийся в небольшом, в малом расстоянии пространства или времени; *близко* — недалеко, недалече; смежно, около, подле, возле; *близость* — состояние близкого, недалность, неотдаленность; смежность, соседство [9]. В толковом словаре Т.Ф. Ефремовой *близость* интерпретируется как «расположение, нахождение на близком расстоянии от кого-либо, чего-либо; незначительная отдаленность во времени от чего-либо, приближение чего-либо» [10].

Расположение на близком расстоянии — это «рядоположение». В толковом словаре Д.Н. Ушакова *рядом* означает «один подле другого», «по соседству, около чего-нибудь» [20], в словаре русского языка С.И. Ожегова находим схожую интерпретацию данного понятия — «один подле другого», «по соседству, близко», «вблизи, около чего-нибудь» [15. С. 600].

Представление о «близости» («рядоположении») вступления в новую ситуацию является общей понятийной основой, позволяющей установить эквивалентность языковых средств, используемых в английском, французском и русском языках. В отличие от ситуации «приближения», где ближайшее будущее связано с представлениями о движении, данная понятийная ситуация основана на пространственно-временных образах и выражается в основном пространственными или временными указателями. Необходимо обратить внимание на то, что слова с пространственным значением во многих языках являются основными «кандидатами» на метафоризацию, к которой часто прибегают при описании личных представлений о пространстве.

Одним из способов выражения пространственных отношений во временном контексте является передача нужного значения посредством имен существительных. Обратим внимание на то, что английский язык не имеет специальных пространственных морфем. Несмотря на это, лексический потенциал языка для необходимого представления формы объектов и описания пространственно-временных отношений достаточно богат и разнообразен.

Одним из средств пространственно-временных отношений могут служить и глаголы. Так, в семантике английского глагола *to be* отражается такая важная пространственная характеристика, как местоположение объекта. В русском языке, как пишет Ю.Д.Апресян, глагол *быть* характеризуется не иначе как «настоящий вызов лексикографу»: глагол обладает «всем мыслимым диапазоном типов значений — от собственно лексических... до чисто грамматических»; демонстрирует весь набор типов грамматических форм, включая супплетивные и нулевые; имеет огромный размах комбинаторных возможностей; «способен формировать почти все возможные типы глагольных синтаксических конструкций и предложений»; сочетает в своей семантической структуре значения нескольких типов, комбинация которых обнаруживается у десятков и сотен глаголов, благодаря чему *быть* и оказывается «фундаментом глагольной лексики» русского и, по-видимому, других языков [3. С. 511—512]. Таким образом, в перифразах с пространственно-временным значением при помощи глагола *быть* подчеркивается общая идея местоположения, а пространственный компонент уточняет пространственно-временной индекс ситуации.

В рассматриваемой понятийной ситуации можно выделить два компонента, описывающих *близость* как совокупность метафорических образов: неопределенная близость и близость как конкретный пространственный образ.

К ситуации **неопределенной близости** мы относим проспективное действие с оттенками «недальности, неотдаленности», «незначительной отдаленности во времени от вступления в действие или процесс» (*быть / находиться рядом, близко*). В русском языке представление о «близости» вступления в новую ситуацию передается, главным образом, с помощью сочетания *быть близко к тому, чтобы...*, например: *Начался шторм и корабль был близок к тому, чтобы потерпеть крушение; Он был близок к тому, чтобы сделать девушке предложение* [15. С. 772—773].

В английском языке фаза близости к осуществлению действия уточняется с помощью пространственного предлога в конструкции *to be about* + инфинитив — буквально «быть около (о времени)» [19. С. 109; 14. С. 11], т.е. «собираться, собраться сделать что-нибудь» [17. С. 2, 206]. Т.А.Майсак, рассматривая конструкцию *to be about* + инфинитив, пишет: «конструкция с проспективным значением зачастую интерпретируется как *находиться на грани осуществления*» [12. С. 21]. Как нам представляется, такой оттенок возможно выявить в соответствующем контексте. Мы относим такой случай к ситуации «неизбежности». К.Бруннер отмечает, что устойчивое сочетание типа *I am about to do something* с употреблением формы настоящего времени является в современном английском языке описательной конструкцией для выражения непосредственно предстоящего действия [6. С. 277].

Примеры из нашей картотеки свидетельствуют о том, что степень близости осуществления действия или вступления в новую ситуацию не всегда четко определена. Так, например:

I'm awful sick. I'm about to die. (O.Henry. Selected Stories. Jeff Peters as a Personal Magnet. P. 233).

Я ужасно болен. Я скоро умру. (Пер. К.Чуковского).

I heard a rumor during pie, said the artist, that the state is about to pay you two thousand dollars for this picture. (O.Henry. Selected Stories. Art and the Bronco. P. 276).

За десертом кто-то сказал, что штат собирается заплатить вам за нее две тысячи долларов. (Пер. Н.Бать).

В английском языке фаза приближения к осуществлению действия может также передаваться с помощью наречий в сочетаниях *to be near* — «подле; близко, недалеко, около (по месту или времени)» [14. С. 507] и *to be close* — «быть близко» [23. С. 944]. Например: *to be near at hand* — «под рукой; тут, близко; скоро; вскоре после чего-либо» [14. С. 507]; *He came near to punching him* (эквивалентно *almost punched him*) — *Он чуть не ударил его кулаком* [23. С. 944]; *The exams are close!* — *Скоро уже экзамены! Don't worry! The summer is close.* — *Не беспокойся! Лето не за горами* [1. С. 87].

Приведем случаи использования прилагательного *near* — «близкий» [14. С.507] для обозначения нахождения субъекта на близком расстоянии во времени от какого-либо действия, зафиксированные в словарях: *He was near to despair.* — *Он был близок к отчаянию* [17. С. 232]; *I was near to tears* (эквивалентно *almost cried*) *at one point during the film.* — *Он почти плакал...* [23. С. 944].

Схожее использование прилагательного *close* — «близкий (о времени и месте)» [14. С. 140], «близко расположенный», «неотлучный» наблюдается в следующих примерах: *We were close to signing the treaty.* — *Мы уже почти подписали договор*; *They were close to finding the answer.* — *Они почти нашли ответ* [1. С. 87]. Как видно из примеров, *close* оказывается эквивалентом русских наречий степени «почти» и «близко».

Приведем случай, когда прилагательные *close* и *near* употребляются почти синонимично, например: *Спортсмен был очень близок к финишу.* — (1) *The athlete was close to the finish line*; эквивалентно (2) *The athlete was near the finish line* [1. С. 88]. В этих случаях смысловой разницей между *close* и *near* является то, что *close* означает более близкое расстояние, чем *near*.

В следующих примерах описана ситуация неопределенной близости, которая выражена глаголом *near* — «близиться, приближаться» [14. С. 507]: *The building is nearing completion.* — *Строительство приближается к завершению* [17. С. 232]; *The ships were nearing the harbor.* — *Корабли приближались к гавани* [1. С. 313]; *to near the land* — *приближаться к берегу*; *to near one's end* — *умирать* [14. С. 507].

Во французском языке для выражения описываемой ситуации используется конструкция *être près de* + инфинитив [26. С. 192]. Предложное сочетание *près de* означает «близ, вблизи, около, подле, рядом», например: *Il est près de partir* — *он скоро уедет* [22. С. 394]. Словарь французского языка [24. С. 362] указывает на употребление *près de* в значении *sur le point de*, т.е. описываемая конструкция может быть эквивалентна перифразе *être sur le point de* + инфинитив, обозначающей неизбежность вступления в действие. Можно заключить, что в зависимости от контекста данная конструкция способна реализовать ситуации обозначения различной степени близости наступления действия, включая финальную точку.

Приведем ряд примеров из художественных произведений французских авторов, иллюстрирующих ситуацию «рядоположения»:

Eh, bien, monsieur, dit-il en relevant la tête sur moi, en n'essayant même plus de me cacher qu'il avait pleuré et qu'il était près de pleurer encore, tenez-vous beaucoup à ce livre? (A.Dumas. *La Dame aux camellias*. P. 29).

Скажите, пожалуйста, — спросил он, подняв на меня глаза и даже не стараясь скрыть, что он плакал и готов был снова заплакать, — вы очень дорожите этой книгой? (Пер. С.Антик.)

Maintenant que je suis près de mourir, malgré ce que me disent les médecins, car j'en ai plusieurs, ce qui prouve que la maladie augmente, je regrette presque d'avoir écouté votre père; si j'avais su ne prendre qu'une année à votre avenir; je n'aurais pas résisté au désir de passer cette année avec vous, et au moins je mourrais en tenant la main d'un ami. (A.Dumas. *La Dame aux camellias*. P. 258).

Теперь, когда я близка к смерти, что бы там ни говорили доктора, которых у меня много, что доказывает усиление болезни, — теперь я почти жалею, что послушалась вашего отца. (Пер. С.Антик).

Plusieurs fois, dans des circonstances où je fus d'une cruauté infâme, Marguerite leva sur moi des regards si suppliants que je rougissais du rôle que j'avais pris, et que j'étais près de lui en demander pardon. (A.Dumas. La Dame aux camellias. P. 230).

Часто, когда я доходил до постыдной жестокости, Маргарита смотрела на меня таким умоляющим взглядом, что я краснел за свое поведение и был готов просить у неё прощения. (Пер. С.Антик).

В отличие от предыдущей ситуации, когда «близость» наступления действия определена недостаточно четко, описываемые ниже случаи свидетельствуют о восприятии ближайшего вступления в действие в виде **конкретных пространственных образов**. В качестве пространственного указателя отрезка, отделяющего настоящий момент от наступления новой ситуации, могут выступать сочетания, обозначающие такие параметры, как: *рукой подать, над головой, на носу, в шаге, в двух шагах, в двух пальцах от, на ниточке, на волосок от* и др.

Выражение *рукой подать (от чего либо, до чего-либо)* означает «очень близко по расстоянию» и обычно характеризует расположение каких-либо географических объектов по отношению друг к другу или к местонахождению человека. В русском языке данное устойчивое сочетание может использоваться и для обозначения события, близкого по времени. В качестве подлежащего в таких случаях употребляются названия частей суток, месяцев, времен года, а также каких-либо событий, часто желательных [8. С. 341], например:

Сейчас, при солнце, середина сентября казалась совсем близкой — рукой подать, а еще столько всяких забот, столько хлопот по переезду — где взять силы и время? (В.Распутин. Прощание с Матёрой. С. 64).

В качестве английского эквивалента выступает выражение *to be at hand*, буквально означающее «на ладони», а в словаре отмеченное как «не за горами», т.е. событие «наступит, произойдет очень скоро», «очень близко по времени» [8. С. 115, 341]; «под рукой; близкий» (о времени) [14. С. 355].

Ситуация проспективности может выражаться и с помощью такой конструкции как *висеть над головой*. Например: *Конец года, у нашего бухгалтера висит над головой финансовый отчет* [13. С. 83]. В следующем примере выражена ситуация грядущей неприятности (еще немного — и случится): *Чувство тревоги не покидало меня: казалось, какое-то несчастье уже висит над головой* [13. С. 83].

Идею близости определенной ситуации несет в себе устойчивое выражение *висеть (повиснуть, держаться) на волоске (на ниточке)* — «быть под угрозой гибели, разрушения, поражения, срыва» [8. С. 61]. С существительными *здоровье, жизнь* в качестве подлежащего выражение употребляется в ситуации, когда человек тяжело болен или попал в опасное положение. С местоимением *всё* и с абстрактными существительными *счастье, благосостояние, слава* и т.п. употребляется в ситуации, когда неблагоприятный исход грозит какому-либо положению дел. С личными местоимениями и с существительными, называющими лиц, употребляется в обеих ситуациях [8. С. 61]. В качестве иллюстрации к вышесказанному приведем следующие примеры:

Все виденное и передуманное в последнее время вдруг встало предо мною, и я ужаснулся, до чего человек не защищен от случайностей, на каком тонком волоске висит всегда его здоровье. (В.Вересаев. Записки врача).

Иной раз результаты всех трудов вдруг повисали на волоске, и Андрей до боли в голове ощущал свое бессилие найти выход. (Д.Гранин. Искатели).

Серпилин верил словам врача, что, судя по состоянию сердца, жизнь его жены уже давно висела на волоске. (К.Симонов. Солдатами не рождаются).

Рассматриваемое выражение употребляется также с существительным *гибель, смерть, поражение*, чаще при глаголе в прошедшем времени. Употребляется обычно при описании угрозы, которой удалось избежать [8. С. 68]:

Они несколько раз были на волоске от гибели или плена (слышали в двадцати шагах от себя немецкую речь и звон немецкого оружия, рев немецких машин и запах немецкого бензина). (К.Симонов. Живые и мертвые).

И мальчик...столько раз сам находившийся на волосок от гибели, пугливо прижимался к Арсению. (Б.Полевой).

Я легко провел тренировочное соревнование, хотя раза два был на волоске от проигрыша. (М.Ботвинник. К достижению цели).

Обращение к словарям английского языка свидетельствует о наличии эквивалентных конструкций, схожих по значению и по форме с русскими конструкциями. К примеру, конструкция *to hang by a hair / thread* (о чьей-либо жизни, судьбе и т.п.) — «висеть на волоске» [14. С. 356]. Добавим также такие конструкции как *to be within a hair's breadth (within a hair) of smth.* — «на волосок от...» [2. С. 98]; *to be within an ace of smth.*; *to escape smth. by a hair's breadth (by the skin of one's teeth)* — «быть, находиться на волоске (на волосок, на волос) от чего-либо» [8. С. 68]. Иллюстрацией могут служить следующие примеры, заимствованные из словарей:

For three days Tom was so sick that his life hung by a thread [21. С. 78].

В течение трех дней Том был болен настолько, что жизнь его висела на волоске. (Пер. наш. — Р.Ф.).

As Joe got ready to kick a field goal, the result of the game hung by a thread [21. С. 78].

Когда Джо приготовился к голу на поле, исход игры висел на волоске. (Пер. наш. — Р.Ф.).

After the collision with a truck, Gregory's life hung by a thread [21. С. 15].

После столкновения с грузовиком жизнь Григория висела на волоске. (Пер. наш. — Р.Ф.).

Во французском языке эквивалентными описанным конструкциям, согласно словарям, выступают выражения: *ne tenir qu' à un cheveu* — «висеть над головой/держаться на волоске» [5. С. 52], *tenir à un cheveu* [25. С. 173]; *pendre au nez* (буквально — «висеть на носу») — «висеть над головой» [13. С. 83], например: *Cela lui pend au nez. — Это с ним вот-вот случится* [25. С. 707]. Значение близости ситуации отмечено также для выражения *avoir le nez sur quelque chose (être tout près)*, буквально — «приблизить нос к ...» [25. С. 707].

Оттенок проспективного значения присущ и такой английской конструкции как: *hang about / around / round* буквально «висеть над» — «быть близким, ожидать, витать над кем-либо; грозить кому-либо» [11. С. 303], *hang about / around* — «надвигаться» [4. С. 245], *hang over* буквально «висеть над» — «нависать над чем-либо или кем-либо, угрожать чему-либо или кому-либо» [4. С. 245; 11. С. 304], например:

There seems to be danger hanging round those who deal in diamonds [11. С. 303].

Похоже, что опасность подстерегает тех, кто имеет дело с бриллиантами. (Пер. наш. — Р.Ф.).

Рассмотрим отрывок из произведения английского писателя О.Уайлда:

Were we no better than chessmen, moved by an unseen power, vessels the potter fashions at his fancy, for honour or for shame? His reason revolted against it, and yet he felt that some tragedy was hanging over him, and that he had been suddenly called upon to bear an intolerable burden. (O.Wilde. Lord Arthur Savile's Crime. P. 11).

Приведем два варианта литературного перевода данного фрагмента текста:

Неужели мы всего лишь шахматные фигуры, передвигаемые невидимой силой; сосуды, которым гончар придает любую форму по своей прихоти для славы или позора? Его разум

восставал против этого, и все же он чувствовал, что **трагедия нависает над ним**, и что внезапно он был вынужден нести непосильную ношу. (Пер. А.Еремина).

Неужели нет спасения? Или мы, в самом деле, всего лишь шахматные фигуры, которые незримая сила передвигает по своей воле, — пустые сосуды, подвластные рукам гончара, готовые для славы и для позора. Разум восставал против этой мысли, но лорд Артур **чувствовал близость ужасной трагедии**, словно вдруг на него взвалили непосильную ношу. (Пер. А.Демаевой, А.Подругина).

Сравнение двух переводов демонстрирует возможность разных способов интерпретации рассматриваемого выражения, один из которых сохраняет метафорический образ пространственной близости ситуации.

Одним из языковых маркеров пространственно-временной близости является слово *шаг*. В русском языке отмечены выражения *быть, находиться на шаг от* чего-либо; *быть, находиться в двух (в трех, в нескольких) шагах от* чего-либо — «очень близко»; *в двух шагах от истины* [15. С. 772; 16. С. 300; 8. С. 554—555]. Обратимся к примерам:

Быть в двух шагах от научного открытия [13. С. 118].

На конкурсе имени П.И.Чайковского юный пианист **был в двух шагах от** большого успеха [13. С. 118].

Сегодня Арал **находится в двух шагах от** экологической катастрофы [13. С. 118].

— Опять пьян! Одумайся! В таком состоянии ты уже не раз **был на шаг от** преступления. [13. С. 300].

Вот тот же Давид Давидович — сильный и молодой, а я чувствую — у него какое-то страшное горе, точно он каждую минуту **на шаг от** гибели. (А.Н.Толстой. Кукушкины слезы. С. 124).

Ребенок тоже шагнул раза два, **еще шаг** — и он уйдет за гору. Ему хотелось бы к горе, посмотреть, куда делась лошадь. (И.А.Гончаров. Обломов. С. 96).

В английском языке «шаг» — *step* является компонентом выражения *to be only a few steps (by a step) away from something*. В качестве эквивалента может выступать образное выражение *to be within a stone's throw of something*, буквально — «находиться на расстоянии брошенного камня» [8. С. 341, 554].

Во французском языке для языковой репрезентации описываемой ситуации используются конструкции *un pas de plus, et...* — «еще один шаг и...», *encore quelques pas, et...* — «еще несколько шагов, и...» [7. С. 348], *être en passe de* + инфинитив — «быть, находиться в шаге от...» [18. С. 99], *être à deux pas de quelque chose* — «быть, находиться, располагаться в двух шагах от чего-либо / от вступления в новую ситуацию» [5. С. 540; 13. С. 118]. Так, например:

Un pas de plus et vous ne pourrez plus quitter la route où vous êtes, et vous autres, toute votre vie, le remords de votre jeunesse. (A.Dumas. *La Dame aux camellias*. P. 29).

Еще немного, и вы не сможете больше сойти с этого пути, и вы, всю свою жизнь, будете сожалеть о своей молодости. (Пер. С.Антик).

Как поясняют А.И.Молотков и М.-Л.Жост, довольно часто данная конструкция используется с такими существительными как: *гибель, несчастье, катастрофа, трагедия* и подобными им [13. С. 83].

Французский язык обладает многообразием значений простого настоящего времени, которое включает и другие оттенки, к примеру — угрозу, обещание, неизбежное последствие, отнесенные к ближайшему будущему, что проявляется через контекст. Так, например: *Un pas de plus et il tombe.* — **Еще шаг и он упадет** [7. С. 348].

К перечисленным конструкциям можно добавить *être à deux doigts de* + инфинитив (буквально — «в двух пальцах от») — «быть, находиться на шаг от чего-либо» [13. С. 300]; «быть, находиться на волосок от чего-либо» [16. С. 107; 5. С. 52]. На основании обнаруженных примеров можно предположить, что данное выражение имеет негативную коннотацию:

Il est à deux doigts de périr. — Он в шаге от гибели [18. С. 99]. Благодаря свойству фундаментальности глагола *être*, инфинитивные конструкции с его участием способны передавать этап соединения двух ситуаций, а переосмысление пространственных образов («рядом», «в шаге от», «в двух пальцах от», «в точке») позволяет выразить временную стадию реализации «близости к вступлению в действие».

В английском языке примером яркого метафорического образа может служить сочетание *for two pins* (буквально — «через/еще две булавки»), которое позволяет реализовать ситуацию крайней близости предстоящего действия, например:

As she turned to him something in her soft, wondering look made George feel that for two pins he would jump over the table and carry her off. (Honeymoon and Other Stories by English Writers. K. Mansfield. Taking the Veil. P. 82).

Когда она повернулась к нему, что-то в ее мягком, задающемся вопросом взгляде заставило Джорджа почувствовать, что он готов перескочить через стол и унести ее. (Пер. З.Вольской).

Выражение *for two pins* не требует сочетания с четко фиксированной формой смыслового глагола.

Итак, анализ возможностей реализации понятийной ситуации «близости совершения действия» в русском, английском и французском языках показывает, что по некоторым параметрам, в том числе и на понятийном уровне, наблюдается полная или частичная эквивалентность. Рассматриваемые языки имеют сходные способы выражения понятийной ситуации «близости» с помощью пространственных предложных сочетаний или наречий и устойчивых выражений. В данной понятийной ситуации предлоги и наречия участвуют в «опространствлении» времени, выступая средством образной передачи фазы совершаемого действия. Выясняется, что пространственное представление может служить исходной основой для временных или аспектуальных оттенков, составляющих понятийную основу перспективности.

Конкретизация действий (состояний) с точки зрения степени «близости» проявляется на уровне национальной языковой картины мира. Русский, английский и французский языки обладают рядом перспективных конструкций-калек (имеются в виду устойчивые выражения), которые отражают специфику пространственно-временных метафорических образов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аллен Р. The Oxford Illustrated English Dictionary. Оксфордский толковый иллюстрированный словарь английского языка. М., 2001.
2. Амбражейчик А. 2000 русских и 2000 английских идиом, фразеологизмов и устойчивых словосочетаний. Минск, 2003.
3. Апресян Ю.Д. Хотеть и его синонимы: заметки о словах // Филологический сборник (к 100-летию со дня рождения академика В.В.Виноградова) / Отв. ред. д-р филол. наук М.В.Ляпон. М., 1995.
4. Аракин В.Д., Выгодская З.С., Ильина Н.Н. Англо-русский словарь. 14-е изд., стереотип. М., 1997.
5. Большой русско-французский словарь / Л.В.Щерба, М.И.Матусевич, С.А.Никитина и др. 3-е изд., стереотип. М., 2002.
6. Бруннер К. История английского языка / Пер. с нем. Под ред. и с предисл. Б.А.Ильиша. М., 2008.
7. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. М., 2000.
8. Гуревич В.В., Дозорец Ж.А. Краткий русско-английский фразеологический словарь. М., 1995.
9. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 2002.
10. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. М., 2006.
11. Кортни Р. Английские фразовые глаголы. Англо-русский словарь. 2-е изд., стереотип. М., 2000.
12. Майсак Т.А. Грамматикализация глаголов движения: опыт типологии // Вопросы языкознания. 2000. № 1.
13. Молотков А.И. Учебный русско-французский фразеологический словарь / А.И.Молотков, М.Л.Жост. М., 2001.

14. Мюллер В.К. Англо-русский словарь. Полная версия. Более 180 000 слов, выражений и значений. М., 2010.
15. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов. Екатеринбург, 1994.
16. Раевская О.В. Французско-русский словарь. Ок. 14 000 словарных статей. М., 2002.
17. Русско-английский и англо-русский словарь. М., 2002.
18. Рянская Э.М. Способы действия в когнитивном аспекте. СПб., 2002.
19. Талми Л. Отношение грамматики к познанию // Вестник Московского ун-та. Серия 9. Филология. 1999. № 6.
20. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка: 180 тыс. слов и словосочетаний. М., 2009.
21. Шитова Л.Ф., Брускина Т.Л. English Idioms and phrasal Verbs. Англо-русский словарь идиом и фразовых глаголов. СПб., 2003.
22. Щерба Л.В., Матусевич М.И. Русско-французский словарь. 16-е изд. М., 1999.
23. Cambridge International Dictionary of English. Cambridge, 2001.
24. Dictionnaire de la langue française. P., 2002.
25. Micro Robert. Dictionnaire du français primordial. T. 2. P., 1996.
26. Moignet G. Grammaire de l'ancien français. Morphologie. Syntaxe. P., 1973.

УДК 821.161.1Распутин.07: 82.09

Т.Ф.Гришенкова
Сургут, Россия

T.F.Grishenkova
Surgut, Russia

ИЗОБРАЖЕНИЕ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В КОНТЕКСТЕ ХРИСТИАНСКОГО МИРООЩУЩЕНИЯ (ПО ПОВЕСТЯМ В.Г.РАСПУТИНА «ПОСЛЕДНИЙ СРОК» И «ПРОЩАНИЕ С МАТЁРОЙ»)

PORTRAYAL OF RUSSIAN NATIONAL CHARACTER IN TERMS OF CHRISTIAN WORLDVIEW (AS EXEMPLIFIED BY V.G.RASPUTIN'S SHORT NOVELS "THE LAST TERM" AND "FAREWELL TO MATYORA")

Аннотация. В статье рассматривается эсхатологическая традиция при изображении русского народного характера в повестях В.Распутина «Последний срок» и «Прощание с Матёрой». Данная традиция реализуется в представлениях героев о предназначении человека, о бессмертии, которое видится им в преемственности поколений, непрерывности родовой цепи. Писатель осмысляет основные метафизические вопросы — загробного существования души, смысла человеческого бытия — в центральных христианских понятиях.

Ключевые слова: русский национальный характер; эсхатологическая традиция; преемственность поколений; религиозное мироощущение; укорененность в народной жизни, родной земле и природе.

Сведения об авторе: Гришенкова Татьяна Федоровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации.

Место работы: Сургутский государственный университет.

Контактная информация: 628418, г. Сургут, проспект Мира, д. 5, кв. 33; тел. 89222514292.
E-mail: g.t.f.1991@yandex.ru

Abstract. The article explores the eschatological tradition used in portrayal of the Russian national character in V.Rasputin's short novels "The Last Term" and "Farewell to Matyora". This tradition is inherited in the way the characters see the purpose of human life and immortality which they believe is confined in the generational continuity. The writer cogitates on important metaphysical questions — life after death, meaning of human existence — using fundamental Christian definitions.

Key words: Russian national character; eschatological tradition; generation continuity; religious worldview, rootedness in homeland.

About the author: Tatiana Fyodorovna Grishenkova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor at the Department of Linguistics and Cross-cultural Communication.

Place of employment: Surgut State University.

Одной из главных особенностей творчества современного русского писателя В.Распутина является философское осмысление жизни. Писательское представление об идеальной картине мира дается через мировидение главных героев его произведений. Как религиозный художник В.Распутин изображает идеального героя наделенным традиционным религиозным мироощущением, которое разрабатывает в свете эсхатологической традиции. Концепция русского национального характера в творчестве русского прозаика неразрывно связана с такими понятиями, как преемственность поколений, духовная память, укорененность в народной жизни, родной земле и природе.

Художественные открытия В.Распутина в области исследования народного характера связаны с углублением отдельных граней личности соотечественника, целостное видение которой писатель реализовал в «Последнем сроке».

Мы видим старуху Анну в самом начале повести физически немощной: «вся ее жизнь в том, чтобы сесть, посидеть, опустив на пол ноги, а потом опять лечь и лежать» [8. Т. 2. С. 7]. Но даже в таком состоянии героиня способна тонко восчувствовать естественную взаимосвязь земного и небесного: «Солнце по утрам не попадало в избу, но, когда оно взошло, старуха узнала и без окошек: воздух вокруг нее заходил, заиграл, будто на него что дохнуло

со стороны. Она подняла глаза и увидела, что, как лесенки, перекинутые через небо, по которым можно ступать только босиком, поверху бьют суматошные от радости, еще не нашедшие землю солнечные лучи» [8. Т. 2. С. 50].

Впечатляюще и зримо рисуя картины природной жизни, В.Распутин не ограничивается задачей пластического изображения бытовой реальности. Писателю чрезвычайно важно передать за внешними приметами существования природы ощущение сути ее глубинного бытия. При этом он руководствуется принципами русской национально-философской традиции, с точки зрения которой природа никогда не была враждебна человеку.

Вот и распутинская Анна Степановна от рождения и до смерти ощущает свое родство с природой. Теперь, когда старуха «мучалась, чтобы выжить», даже «день выдался с умыслом, ... умысел этот вполне мог касаться старухи — день был мягкий и легкий и ровно сошелся над самой деревней, а то и над самой старухиной избой. Время уже придвигалось к обеду, а он так и не расшумелся, тек тихо и близко, оберегая кого-то от вредного беспокойства. Небо с утра приспустилось ниже и вдруг задумалось, но и не сильно, в ожидании...» [8. Т. 2. С. 26]. В. Распутин сумел выявить и в высшей степени достоверно отобразить в характере русской женщины-крестьянки то, что могло показаться привилегией сознания высоко интеллектуальной личности: способность соотнести самые тонкие, глубинные движения своей души с бытием мироздания.

Сила и стойкость характеров распутинских героев как раз и проистекает из органичной, бесхитростной уверенности, что они нужны жизни, как и она им. (Например, Кузьма из «Денег для Марии» был убежден, что есть дни, которые приходят для него одного и приносят удачу). Но чувство собственной выделенности, осознание своих возможностей являются условиями чуткого восприятия окружающего мира. Они помогают героине проникнуться ощущением тайного движения мироздания. «Старуха лежала, слушала — слушала, с каким вниманием дышит в ночи изба, освещенная колдовским ясным светом звезд, слушала глухие невольные вздохи дремлющей земли, на которой стоит изба, и высокое яркое кружение неба над избой, и шорохи воздуха по сторонам — и все это помогало ей слышать и чувствовать себя, то, что навсегда выходило из нее в ночной простор, оставляя плоть в легкости и пустоте» [8. Т. 2. С. 145]. Ощувив свою продолженность в мире, Анна приходит к заключению, что судьба ее сложилась удачно: вся она была отдана главному — продолжению рода, жизни на земле. Готовность к осуществлению этого «общего дела» (Н.Федоров) является свидетельством личностного потенциала героини В.Распутина, определяет основу ее характера.

Ощущение вечного круговращения жизни, в которое героиня «Последнего срока» погружена, порождает у нее глубокие размышления о бытии. Это закономерно, ибо труд земледельца сосредоточен на главном: кругообороте жизни, происходящем из семени, проросшего, прогнившего и явившегося миру новым ростком, а затем колосом. Но это и один из истоков самобытности характера русского человека. Все это рождало стойкие представления о всеобщности душевных превращений. И вдруг теперь, перед самым концом ей показалось: «Как, чем была, ползала, ходила или летала, она не помнила, не догадывалась, но что-то подсказывало ей, что она видела землю не в первый раз» [8. Т. 2. С. 151]. В ожидании прикосновения смерти Анна подводит итог земного существования: «Вот и побыла она человеком, познала его царство» [8. Т. 2. С. 151].

Вот такая сосредоточенность в себе и одновременно ощущение единокровной слитности с природой, по мысли Распутина, рождены способностью воспринимать мир, жизнь как неразложимую цельность. Анна Степановна всегда ощущала свою причастность к красоте и тайне мира. Перед смертью она вдруг вспомнила себя в самый дивный момент своей жизни. «Только что прошел дождь, короткий, буйный, окатный ... а уже солнце, поляны дымятся, с деревьев и кустов капает набрякшими, тяжелыми каплями, там и там по траве, как жучки, катятся росинки, в реке еще плавают пузыри, ходит пена — все чисто

и азартно блестит, пахнет остро, свежо, звенит от птиц и стекающей воды. Земля, опьяненная дождем, раскрылась, распахнулась догола, дышит утомленно, с наслаждением, ибо над ней снова глубокое, ясное, голубое» [8. Т. 2. С. 149]. Это был миг нравственного переживания красоты, торжественное ощущение собственной нерасторжимости с этим миром: «Она не старуха — нет, она еще в девках, и все вокруг нее молодо, ярко, красиво. Она бредет вдоль берега по теплой, парной после дождя реке, загребая ногами воду и оставляя за собой волну, на которой качаются и лопаются пузырьки... Она все бредет, не спрашивая себя, куда, зачем, для какого удовольствия, потом все-таки выходит на берег, ставит свои упругие босые ноги в песок, выдавливая следы, и долго с удовольствием смотрит на них, уверяя себя, что не знает, откуда они взялись.

Длинная юбка на ней вымокла и липнет к телу, тогда она весело задирает ее, подтыкает низ за пояс и снова лезет в воду, тихонько смеясь и жалея, что никто ее сейчас не видит. И до того хорошо, счастливо ей жить в эту минуту на свете, смотреть своими глазами на его красоту, находиться среди бурного и радостного, согласного во всем действия вечной жизни, что у нее кружится голова и сладко, взволнованно ноет в груди» [8. Т. 2. С. 149]. Свободное сердечное созерцание гармонии мироздания и глубокое осознание себя частью его — одна из ярких черт русского характера. Ибо, как утверждает В.К.Журавлев, «русский менталитет формировался как созерцание Божественной гармонии мироздания, его целостности, предопределяющей частности, детали осязаемой действительности» [3. С. 20]. В этом неустанном искании красоты, тонком и чутком восчувствовании всего земного особый дар русского человека, воспринимающего бессмертие жизни через вечное существование красоты: «... неужели эта красота еще и сейчас является людям ... Столько всяких на земле перемен — неужели одна она осталась прежней?» [8. Т. 2. С. 149].

Если «красота — это единственная духовность материи» (Н.Я.Данилевский), то любимое В.Распутиным высказывание Достоевского — «красота спасет мир» — он как бы стремится дополнить, утверждая: мир спасается благодаря одухотворенной красоте, воплощенной в человеческом мироощущении.

Героиня «Последнего срока» обладает свойством, составляющим силу движения жизни — духовной памятью, которая, по справедливому замечанию исследователя, в творчестве В.Распутина есть «высшая, превосходящая внешнюю целесообразность, привязанность человека к своей земле, природе, родным могилам, к народному прошлому ...» [4. С. 217].

Раздвигая границы проблематики «Прощания с Матёрой», В.Распутин дает возможность высказаться своей любимой героине Анне Степановне из «Последнего срока», только теперь устами ее духовной преемницы Дарьи Пинегиной. Подтверждением тому является признание самого писателя: «Что же касается старухи Дарьи. Она для меня как продолжение Анны... без такого характера, как Дарья, обойтись было невозможно. И еще потому, что старуха Анна в “Последнем сроке” не успела и не сумела в тех обстоятельствах сказать все, что она могла и хотела высказать нам, людям нового поколения» [6. С. 2].

В.Распутин неоднократно подчеркивал жизненную достоверность характеров своих героинь: «В сибирских деревнях постоянно встречаю женщин с сильными характерами. Их знают односельчане, к ним идут советоваться, жаловаться, просить поддержки...» [7. С. 143].

Старуха Дарья, по существу, народный философ, натура исключительная, отличается силой духа, твердостью характера, независимостью: «Дарья имела характер, который с годами не измяк, не повредился, и при случае умела постоять не только за себя. В каждом нашем поселенье всегда были и есть еще одна, а то и две старухи с характером, под защиту которых стягиваются слабые и страдальные...» [8. Т. 2. С. 226].

Но сила характеров Анны Степановны, Дарьи и других героинь В.Распутина определяется отнюдь не их эгоистической отгороженностью от внешнего мира. Напротив, их человеческий потенциал во многом зависит от укорененности в народной жизни. Так, старуха

Дарья выделяется среди материнских старух «своим строгим и справедливым характером» еще и потому, что сумела сохранить в себе те качества, которые были свойственны «прежним людям, полным строем ушедшим на покой» [8. Т. 2. С. 189]. Эта обращенность героини назад, к своим отцам и предкам говорит о том, что героине свойственно драгоценное чувство рода, ощущение того, что сейчас она лишь в малой доле живет на земле, а полная и истинная ее жизнь реализуется в бытии ее рода, в длинной цепочке людей, которые ей предшествовали и тех, кто будет следовать за ней.

Особенно рельефно и ярко представление русской женщины о своем земном предназначении и свойствах характера, способного это предназначение осуществить, воплощается в повестях В.Распутина в сценах воображаемой героинями смерти. Такова, например, полная эмоциональной приподнятости картина собственной кончины, возникающая в сознании Анны Степановны.

Как известно, русским народом выработано особое отношение к смерти. Как свидетельствует В.Белов, «смерть представлялась русскому крестьянину естественным, как рождение, но торжественным и грозным (а для многих верующих и радостным) событием, избавляющим от телесных страданий, связанных со старческой дряхлостью, и от нравственных мучений, вызванных невозможностью продолжать трудиться... У северного русского крестьянина — смерть не вызывала ни ужаса, ни отчаяния, тайна ее была равносильна тайне рождения... Естественная и закономерная последовательность в смене возрастных особенностей приводила к философско-религиозному и душевному равновесию, к спокойному восприятию конца собственного пути... Но встретить ее (смерть. — Г.Т.) спокойно мог только тот, кто достойно жил, стремился не делать зла и кто не был одинок, имел родных. По народному пониманию, чем больше грехов, тем труднее умирать» [2. С. 132].

Встреча со смертью представляется Анне Степановне страшноватой радостью, она подобна театральному действию с колокольным звоном и продуманными декорациями: «Немея от страха и радости, которых она никогда не испытывала, старуха мелкими шажками начнет продвигаться к протянутой руке, и тогда вдруг справа откроется широкий и чистый, как после дождя, простор, залитый ясным небесным светом ... рука свободно, как в рукавичку, входит в другую руку, ударит звон. Сначала он ударит громко, празднично, как в далекую старину, когда народ оповещали о рождении долгожданного наследника, потом лишний гром в нем уберется, и над старухиной головой поплывет, кружась, песенная перезвонница» [8. Т. 2. С. 142]. Такое восприятие собственной кончины свойственно Анне как носительнице народного христианского мироощущения. У главной героини «Последнего срока» проявляется спокойная примиренность с собственным уходом из жизни, как будто она добровольно уступает природному закону бытия — смене одного поколения другим. «Нет, ей не страшно умереть, всему свое место... изжилаась до самого доньшка, выкипела до последней капельки» [9. Т. 2. С. 143].

Лично чувствуемая преемственность родовой цепи, идущая от предков и передаваемая будущим потомкам — основа гармоничного народного мироощущения, но вместе с тем — и морально-психологическая подоплека, определяющая жизненные устои характера человека. Вот и Анне Степановне «есть от кого уходить и есть к кому уходить...». Свои знания, опыт и чувства она передала Михаилу, внучке Нинке, которая займет ее место. «... Нинка любила по утрам прибегать к бабушке, но сейчас старуха готова была плакать, что еще одна радость, которая выпадала ей в жизни, не оставила ее. Нинка все же помнила, где она, потому что сквозь сон пробормотала: «Вот ты умрешь, я всегда буду здесь спать» [8. Т. 2. С. 51]. Ребенок — символ будущего, новый свежий росток, призванный в этот мир для того, чтобы не прервалась родно-человеческая цепь. Смысл жизни открывается героине через призму смерти. Рождение человека и уход его из жизни — две точки отсчета в человеческом существовании и одно звено в цепи существования вечного мира: «Для того и приходит в мир человек, чтобы мир никогда не скудел без людей и не старел без детей» [8. Т. 2. С. 145].

В основе такой житейской философии — глубинные особенности народного мироощущения. В своем духовном проявлении человек в каждый момент своей жизни связан с движением времени: прошлым, настоящим и будущим. Героиня повести «Прощание с Матёрой», Дарья, убеждена в прочности и реальности того, что было в прошлом, и того, что должно произойти в будущем. Данная концепция времени связана с древней формой сознания, общей для всех народов. М.И.Стеблин-Каменский так охарактеризовал эту особенность определенной стадии развития сознания, исследованную на материале древнеисландских саг: «Общее во всех... представлениях о жизни после смерти только одно: для отдельного человека время не кончается со смертью, оно обладает прочностью. И эта прочность времени всего отчетливее в представлении о “живых мертвецах”, то есть о том, что человек остается после смерти, в сущности, таким же, каким он был при жизни. Вера в загробную жизнь не причина, а следствие представления о прочности времени. Не те или иные представления о жизни после смерти определяют отношение человека к смерти, а его представление о времени. Если время едино и прочно и для отдельного человека не кончается со смертью, то она не так уж и опасна. Она гораздо опаснее для человека, если пропасть лежит между временем в природе и временем в индивидуальном опыте, то, что было, и то, что будет, не существует, настоящее — единственная реальность, и оно — лишь миг, и сознание изолировано в нем, и нет у времени никакой прочности» [9. С. 119].

Русской национальной особенностью является сохранение реликтов архаического мировоззрения, что, впрочем, не исключает сосуществование в сознании русского человека совершенно иных черт и представлений. Данный тип мировоззрения привлек внимание В.Распутина и сделался неотъемлемой составной частью сознания героев, олицетворяющих особенности русского народного характера, именно потому, что его носитель ответственен перед памятью об ушедших предках и думами о будущих поколениях. Поколения предков для него не исчезали бесследно, но, переходя в иное бытие, существовали одновременно.

Именно в смене поколений Дарье дано ощущение бессмертия: глядя на своего сына и повзрослевшего внука Андрея, она думает: «Вот она, одна ниточка с узелками. От узелка до узелка столько, кажись, было годов — где оне? Мой-то узелок вот-вот растянут и заглядят, равный конец опустют, чтоб не видать было... чтоб с другого конца новый подвизать...» [8. Т. 2. С. 253]. По мысли писателя, такое спокойное принятие смерти обусловлено богатым жизненным опытом крестьянина-земледельца. Перед его глазами проходили посевы и жатвы, зима сменялась весной, осень роняла листву... И главными составляющими такого целесообразного кругооборота являются рождение и смерть. Ибо как сказано в Евангелии: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» [Евангелие от Иоанна, гл. 12, ст. 24]. То есть живая природа не знает абсолютной смерти, каждая кончина засеивает новую жизнь, значит, не может быть пропасти между живыми и умершими, их связывает прочная «ниточка с узелками». Для Дарьи могилы предков — «животворящая святыня» (Пушкин), прошлое имеет силу настоящего. Души умерших живут как требовательная «правда памяти». На кладбище Дарье открывается эта истина: «Правда в памяти. У кого нет памяти, у того нет жизни» [8. Т. 2. С. 316]. Дарья твердо верит, что духовные энергии, передаваемые последующим поколениям умершими предками, реально существуют. Опору этой мировоззренческой интуиции героини следует искать в ее обращенности к своим корням. Ибо не даст ростков не умирающее, одинокое зерно. Дарья понимает себя ответчицей за непрерывность родовых связей, за часто неосознанно презируемое отношение к священной памяти предков. Мировоззрение материнских старух замешано на идее конкретной ответственности. Это фундаментальное свойство определено глубинными особенностями психологии, специфическим восприятием времени, обусловленными как архаичным мифологическим мышлением, так и христианской религиозной системой.

Для распутинских старух кладбище — «другая, более богатая деревня». Дарья заботится о могилах предков, настойчиво пытается спасти их от затопления. Как формальное соблюдение традиций не могут быть объяснены и внезапная догадка героини о том, что «только щас мамкин страх наверх вышел, что незряшний он был... догонит все ж таки мамку вода» [8. Т. 2. С. 198], и сочувствие к умершему мальчику за то, что ему похороненному отдельно, приходится лежать «в лесу, со зверьем», и вполне серьезная боязнь остаться после смерти без самовара: «А вот догадался бы, правда, что, кто самовар хоть одной в гроб положить. Как мы там без самовара останемся?» [8. Т. 2. С. 223]. Данные представления — слагаемые мифологического мировоззрения героини и других жителей Матёры. Такое сознание фиксирует в первую очередь главные явления космического ритма, природного кругооборота: рождение и смерть. Как было сказано выше, обладающий таким мышлением человек творит обряды, как бы подражая действиям космоса. Некоторые, возникшие в древности, обряды сохраняют свое значение для последующих поколений, потому что с их помощью осуществляется связь времен, в них — нравственная память поколений.

В «Последнем сроке» для спокойного ухода из жизни главной героине — Анне Степановне необходимо быть уверенной, что традиционный народный ритуал похоронного плача над ее гробом будет исполнен. И она терпеливо учит Варвару, свою старшую дочь, вековечному причету: «Ты, лебедушка моя, родимая матушка, куда же ты снарядилася, куда же ты сподобилася? В матушку сырую землю, к своему роду-племени» [8. Т. 2. С. 164]. Надо ей услышать то, что слышала, отлетая, душа-лебедушка ее матери и всех прежних матерей ее рода. И тогда не прервется связь времен, и Анне будет спокойно среди своих.

В «Прощании с Матёрой» торжественный и скорбный ритуал проводов покойника на кладбище становится для Дарьи Пинегиной образом прощания со своей родной избой. «Не обмыв, не обрядив во все лучшее, что только есть у него, покойника в гроб не кладут — так принято. А как можно отдать на смерть родную избу, из которой выносили отца и мать, деда и бабу, в которой сама она прожила всю, без малого, жизнь, отказав ей в том же обряженье?» — размышляет Дарья о своей избе, как о живой. И эта работа для нее — святое, «тут нужны собственные руки, как при похоронах матери облегчение дают собственные, а не заемные слезы». Дарья все делает без остановки, удивляясь, «что двигается, не падает — нет, вышло, значит, к ее собственным слабым силенкам какое-то отдельное и особое дополнение ради этой работы» [8. Т. 2. С. 323].

Она с трудом на полусожженном острове находит пихту и развешивает ее ветки по углам в чистой, выбеленной, прибранной избе: «вся изба сразу приняла скорбный и отрешенный, застывший лик. От пихты тотчас повеяло печальным курением последнего прощания» [8. Т. 2. С. 329]. Воспроизведение обряда помогает зримо выразить национальную самобытность русского народа. Ритуал прощания с родным домом предстает не только символом прощанья с островом, родиной, крестьянским укладом, но и гибелью гармонично устроенной вселенной.

Главные героини повести воспринимают свой остров как центр вселенной. Наделяют его наилучшими качествами: изобилием, красотой, самодостаточностью: «Остров растянулся на пять с лишним верст, и не узенькой лентой, а уютгом, — было, где разместиться и пашне, и лесу, и болоту с лягушкой, а с нижней стороны за мелкой кривой протокой к Матёре близко подчаливал другой остров, который называли то Подмогой, то Подногой. Подмогой — понятно: чего не хватало на своей земле, брали здесь...» [8. Т. 2. С. 172].

Героини повестей В.Распутина не испытывают желаний и потребности освободиться от моральных норм, нравственных принципов народного мира, ведь они — его часть, «капля нации». Так, Анне Степановне из «Последнего срока» «никогда не приходило в голову, что хорошо бы стать на чье-то место, чтобы, как он, больше увидеть или легче, как он делать. Из своей шкуры не выскочишь — не змея. И никогда никому она не завидовала, как бы удачно он ни жил и с каким бы красивым лицом не ходил — для нее это было нисколько

не лучше, чем хотеть себе в матери чужую мать или в дети чужого ребенка. Своя жизнь — своя краса... после каждого несчастья она собирала себя из старых косточек, окропляла живой водой: ступай живи, без тебя никто на твое место не заступит, без тебя никто тобой не станет. Пока не избылась, будь, иначе нельзя» [8. Т. 2. С. 144]. В таком отношении к своей судьбе героинь В.Распутина некоторые критики готовы были увидеть проявления личностной пассивности и фатализма. Между тем, здесь тонко подмечена Распутиным черта психологии русского человека: какая-то безудержность в осуществлении дела, которым он увлечен.

Увлеченность делом, жизненная активность, деятельное начало — черты человеческой личности, в высшей степени свойственные Анне Степановне, старухе Дарье и другим персонажам писателя. На первый взгляд здесь нет чего-то чрезвычайно самобытного. Однако если вспомнить сложившиеся в нашей литературе стереотипы, нельзя будет не отметить новаторский взгляд В.Распутина на характер русского человека. Стало привычным изображать нравственно богатую личность соотечественника в состоянии деловой заторможенности и даже некоего равнодушия к действию, поступку. Достаточно вспомнить Илью Обломова, Платона Каратаева, в литературе XX века — Андрея Старцова, Ивана Вихрова, Юрия Живаго и т.д.

В героине В.Распутина акцентировано иное. В течение всей своей жизни она находится в неустанном движении: «По десять раз на дню старуха задирает в небо голову, чтобы посмотреть, где солнце, и спохватывалась — уже высоко, уже низко, а она все еще не поправилась с делами. Всегда одно и то же: теребили с чем-нибудь ребятишки, кричала скотина, ждал огород, а еще работа в поле, в лесу, в колхозе — вечная круговерть, в которой ей некогда было вздохнуть и оглядеться по сторонам, задержать в глазах и в душе красоту земли и неба» [8. Т. 2. С. 143]. Однако при всей стремительности и непрерывности повседневной деятельности она лишена суетливости и пустоты, ибо всегда освещена высшим смыслом — стремлением подтвердить свое земное предназначение.

Впрочем, тонко подмеченная В.Распутиным черта психологии русского человека, увлеченного делом, его безудержность в работе встречается в произведениях других писателей-современников. В.Белов, например, в повести «Привычное дело» отмечает это качество в своем Иване Африкановиче. «Иван Африканович не замечал, что шел по насту все скорее. Он всегда, когда размышлял, то незаметно для себя ускорял ходьбу. Опомнится — бежит, чуть ли не бегом...» [1. С. 40]. Заблудившись в лесу, главный герой «Привычного дела» «припомнил долгоногого кузнеца Митрошу, умершего лет шесть тому назад и не дожившего до девяноста всего трех с половиной недель. Тот, бывало, рассказывал, как шел однажды домой: «Иду с озера, спереди ноша, пуда два корзина с рыбой, да сзади пуда три. До того мне, парень, хорошо идти, птица по лесу поет всякая, солнышко теплое, садиться начало, а встал еще до зари, а надо было еще в тот день сруб окатать да лопату старухе насадить. Иду ходко вроде, устал, ноша тяжелая, да водяной с ней, все равно иду. Иду да и думаю, больно тихо иду. Дай-ка я побегу» [1. С. 138].

На долю Анны Степановны выпало нелегкое замужество, смерть детей, голод, тяжкая крестьянская участь — но все это не истощило душу, не придавило то неповторимо личное, что и позволяло ей ощущать свою собственную единственность, свою судьбу, как данную только ей меру счастья и горестей. По убеждению героини В.Распутина, недостойно считать своей только светлую половину жизни — это значило бы предать самое себя: «Справлять свою жизнь для нее было то радостью, то мучением — мучительной радостью, она не знала, где они сходились и где расходились, и что из них для нее было полезней, принимала их для себя же, для своего продолжения, для того, чтобы озариться их потайным огнем» [8. Т. 2. С. 144].

С неизбежностью встает вопрос о философском задании, которому подчинен сопоставительный анализ прошлого и настоящего, архаического и современного типов сознания

в «Прощании с Матёрой». Напряженные, подспудные размышления о природе человека и его родовой сущности, предопределяющих характер Анны Степановны — главной героини «Последнего срока», — были как бы растворены в тексте повести, в «Живи и помни» лишь изредка принимали форму открытых монологов или лирико-философских отступлений, а в «Прощании с Матёрой» вышли на передний план. Насыщенно-символическое звучание этой повести, использованные писателем элементы философской притчи расширяют смысл происходящего до общечеловеческого масштаба, судьбы целой земли. Происходит символическое прощание с натурально-природным укладом жизни. Драматическая коллизия расставания с Матёрой говорит о необходимом воссоединении природно-родовой и духовной основы жизни. Прощаться надо любовно-человечески, не отбрасывая все, нетленно-ценное, что было накоплено предыдущими поколениями. И с разумной рачительностью к земле и отчуждению, с совестью, умеряющей потребительский взгляд на жизнь, целесообразно преобразовывать и строить новую жизнь. Взгляд старухи Дарьи и позволяет соизмерить те отдаленные, призрачные цели свершающихся перемен и глубинные, связанные с включенностью человека и в общеприродную и космическую жизнь, во имя которых и совершается смена поколений.

В этом смысле ключевую роль играет философское отступление повествователя, раскрывающее цели, которым подчинен художественно-философский анализ в «Прощании с Матёрой»: «Ты — не только то, что ты носишь в себе, но и то, не всегда замечаемое, что вокруг тебя, ... — вот это все запомнится надолго и останется в душе незакатным светом и радостью. Быть может, лишь это одно и вечно, лишь оно, передаваемое, как дух святой, от человека к человеку, от отцов к детям и от детей к внукам, смущая и оберегая их, направляя и очищая, и вынесет когда-нибудь к чему-то, ради чего жили поколения людей...» [8. Т. 2. С. 262].

В повести Распутина отразился колоссальный по своим масштабам и последствиям качественный сдвиг в общественном сознании человечества, о котором еще в середине 1960-х гг. писал Н.Конрад: «В настоящее время человек подошел к овладению самыми сокровенными, самыми великими силами природы, и это поставило его перед острым вопросом — вопросом о себе самом. Кто он, человек, овладевающий силами природы? Каковы его права и обязанности по отношению к природе и к самому себе? И есть ли предел этих прав? А если есть, то каков он?» [5. С. 510]. Вряд ли сейчас есть возможности для ответов на эти вопросы. Но нет сомнения в том, что всемирно-исторический перелом сказался едва ли не в первую очередь на нравственно-психологическом составе человека, скорректировал его характер.

В.Распутин острее, чем другие ощутил катастрофическую переломность этого времени. И потому с первых страниц повести доминируют мотивы: последнего времени, лета, дней, ночи: «И опять наступила весна... последняя для Матёры» [8. Т. 2. С. 171], «...но теперь оставалось последнее лето: осенью поднимется вода» [8. Т. 2. С. 174], «этот последний, переломный год казался страшным» [8. Т. 2. С. 207], «отошла последняя ночь в Матёре, встало последнее утро», последней песни «прощально-поминальной, которую, оказывается, помнил и знал народ, которую словно для этой поры и хранил в себе...» [8. Т. 2. С. 248]. Дарья, в последний путь обрядив избу, «села на завалинку и, прислоняясь к избе, чувствуя спиной ее изношенное, шершавое, но теплое и живое дерево, вволю во всю свою беду и обиду заплакала — сухими, мучительными слезами: настолько горек и настолько радостен был этот последний, поданный из милости день», «...это были ее последние слезы» [8. Т. 2. С. 326].

Таким образом, эсхатологическая традиция при изображении русского народного характера в повестях В.Распутина «Последний срок» и «Прощание с Матёрой» реализуется в представлениях героев о предназначении человека, о бессмертии, которое видится им в преемственности поколений, непрерывности родовой цепи. Героини В.Распутина ощущают

единокровную слитность с природой, они способны тонко восчувствовать естественную взаимосвязь земного и небесного. Писатель осмысляет основные метафизические вопросы — загробного существования души, смысла человеческого бытия — в центральных христианских понятиях: универсальной человеческой греховности, вины, необходимости страдания в земной жизни, смирения, жертвенности. Ориентация поэтического мира В.Распутина на эсхатологические ценности при изображении русского национального характера чрезвычайно органична мировоззрению писателя как христианского художника.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белов В. Привычное дело. Б.м., 1976.
2. Белов В. Лад: Очерки по народной эстетике. М., 1982.
3. Журавлев В.К. Русский язык и Русский национальный характер: Сб. докл. IV Рождественских чтений. М., 1999.
4. Колобаева Л.А. Распутин — рассказчик // Русская словесность. 2002. № 2.
5. Конрад Н.И. Запад и восток: статьи. М., 1966.
6. Распутин В.Г. Передо мной оживают картины // Советская культура. 1977. 23 декабря.
7. Распутин В.Г. Быть самим собой // Вопросы литературы. 1976. № 9.
8. Распутин В.Г. Собрание сочинений: В 3 т. М., 1994.
9. Стеблин-Каменский М.И. Мир саги: становление литературы. М., 1984.

О.М.Култышева
Нижневартовск, Россия

O.M.Kultysheva
Nizhnevartovsk, Russia

**РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ ДУХА
(А.БЛОК И В.МАЯКОВСКИЙ)**

**SPIRITUAL REVOLUTIONARIES
(A.BLOK AND V.MAYAKOVSKY)**

Аннотация. В статье рассматриваются творческие взаимосвязи В.Маяковского и А.Блока, проводится анализ их поэтических систем, на основе которого делается вывод об их генетическом родстве, наследовании футуристом Маяковским многих творческих традиций младосимволиста Блока; в частности, о роднящем их лирических героев-избранников амбивалентном состоянии отчуждения от мира и стремлении к слиянию с ним, романтическом максимализме в отношении к миру и человеку, о созвучных времени языковых и метрических экспериментах.

Ключевые слова: творческие взаимосвязи; символизм; футуризм; Маяковский; Блок; поэтическая система; избранничество и жертвенный характер лирического героя; романтический максимализм; языковой эксперимент.

Сведения об авторе: Култышева Ольга Михайловна, доктор филологических наук, доцент кафедры филологии и массовых коммуникаций.

Место работы: Нижневартровский государственный гуманитарный университет.

Контактная информация: 628609, г. Нижневартовск, ул. Ленина, д. 9, корп. 3, кв. 82; тел. 41-55-82, 51-04-83. E-mail: kultisheva@inbox.ru

Abstract. The article is devoted to the study of literary interconnections between V.Mayakovsky and A.Blok. The analysis of their poetic languages proves their genetic affinity, in particular the fact that futurist Mayakovsky followed many traditions of younger symbolist A.Blok; in particular, ambivalence of their personas rooted in alienation from the world and desire to merge with it; perception of the world and people with romanticized uncompromisingness, language and verse experiments conforming to the time.

Key words: literary interconnections; symbolism; futurism; Mayakovsky; Blok; poetic system; destiny and sacrifice of a persona; romanticized uncompromisingness; language experiment.

About the author: Olga Mikhailovna Kultysheva, Doctor of Philological Sciences, Associate professor at the Department of Philology and Mass Communication.

Place of employment: Nizhnevartovsk State University of Humanities.

В начале 1910-х гг. критикой и самими поэтами-символистами объявлен кризис символизма как художественного течения. В противоположность и к символизму, и друг к другу встают акмеизм и три основных футуристических подгруппы. Да и в самой среде символистов выявилась несовместимость взглядов на сущность и цели современного искусства. *Старшие символисты* отстаивали «независимость искусства от политических и религиозных идей». Напротив, творчество *младосимволистов* становилось все более «религиозным и общественным» [16. С. 312]. Распад символистского течения его идеологи пытаются выдать за закономерную дифференциацию на отдельные направления, тем не менее, связанные общностью происхождения (см., например, доклад Вяч. Иванова «Заветы символизма» (1910)). Однако попытки символистов заявить о себе как о цельной художественной концепции встречают отпор в критике. Так, марксист А.Горнфельд в «Заметках о современной литературе» отмечает: «Декадентам указали, что их раздоры — их семейные дела, с литературной дифференциацией не имеющие ничего общего. Кривляются ли они под знаменем “крайнего индивидуализма” или берутся в высшем синтезе примирять начало личное и начало общественное, проповедуют ли аскетизм или противоестественные пороки, <...> — до этого поэзии нет дела. Поэзия хочет красоты и правды» [5. С. 48—49]. В итоге на смену признанию символизма как течения приходит признание отдельных — лучших — его представителей — К.Бальмонта, В.Брюсова, А.Блока.

Последний «оплот» символизма пал, когда Блок в 1912 г. определил свой метод как «декадентство». По его словам, он мучительно рвется из «декадентской будки» «на свежий воздух», «из болота — в жизнь», к «здоровью и простоте» [2. Т. 2. С. 596—597]. Ломка устоявшихся принципов творчества ощущается в цикле «Ямбы» и в поэме «Возмездие».

В творчество Блока входят мотивы, которые предшествовали призыву: «Всем телом, всем сердцем, всем сознанием — слушайте революцию» [2. Т. 2. С. 434] («Интеллигенция и революция», 1918). Вёрхом же смущения критиков стало появление поэм «Двенадцать» с фигурой Христа во главе отряда красногвардейцев и «Скифы», пафос которой — призыв к западу прийти на «братский пир труда и мира». Время, на веяния которого откликнулся Блок, подсказывало новые образы, среди них — образы новых варваров, варваров от революции, варваров от поэзии, и ближайшими образцами таковых оказались смутьяны-футуристы (необходимо отметить, что революция во многом определила и эпоху, и мировоззрение ее поэтов, поэтому разговор об отношении каждого из них к этому событию представляется неизбежным. — *О.К.*).

Параллельно процессам, происходившим в творчестве А.Блока, осуществляются литературные искания поэтов-футуристов и молодого В.Маяковского. В декабре 1912 г. Маяковский совместно с Д.Бурлюком, А.Кручёных и В.Хлебниковым участвует в выпуске альманаха «Пощечина общественному вкусу», в который, помимо прочего, вошли его первые стихотворения «Ночь» и «Утро» (1912) и манифест «русских кубофутуристов», как называли себя авторы. Основное положение манифеста — нигилистическое отношение «провозвестников искусства будущего» к русской литературе не только прошлого (Пушкина, Достоевского, Л.Толстого), но и настоящего (Сологуба, Ремизова, Горького и Блока). Декларации манифеста нашли отражение в газетно-журнальной критике, буквально воспринявшей клич кубофутуристов и потому отзывавшейся о них крайне неодобительно. По словам Маяковского, «газеты стали заполняться футуризмом» [11. Т. 1. С. 21] («Я сам», 1922, 1928). Однако вопреки стремлению поэта представить все отклики на творческие опыты футуристов отрицательными — «Тон был не очень вежливый. Так, например, меня просто называли “сукиным сыном”» [11. Т. 1. С. 21] — всё было не столь однозначно.

Среди приветствовавших футуристов и, в их числе, Маяковского, был А.Блок. О.А.Клинг считает, что для осознания «генетического родства футуризма и символизма (даже по отношению к столь <...> по-разному понимаемой <...> традиции)» [9. С. 12] в высшей степени показательна блоковская оценка футуристических исканий. В отношении Блока к футуристам можно проследить эволюцию. Во многом она связана с изменением на отрезке 1912—1913 гг. оценки Блоком акмеизма и, в частности, деятельности Н.Гумилёва. Ситуацию довершили оскорбительные выпады в адрес Блока со стороны С.Городецкого. Блок отстраняется от провозглашенного акмеизма и сближается с Н.Кульбиным, одним из теоретиков русского футуризма, искренне надеясь увидеть смысл в исканиях футуристов.

Поначалу Блоку претит футуристическая «брань во имя нового», демонстративный отход от традиций, однако, как известно, символизм в свое время тоже выступил как оппозиция литературной традиции классической поэзии XIX в., поэтому если не принять, то уж, по крайней мере, понять борьбу футуристов со всяческим «старьём» поэт мог.

Во многом сам Блок был «предтечей» футуристов. В его воздействии на футуристов было два момента: прямое наследование ими блоковских образов и находок и наследование «от противного» — произведения, возникшие как полемические по отношению к Блоку-символисту. Что касается последнего случая, то его примером может служить следующий факт. Городская тема у Блока была навеяна Брюсовым (настоящим событием в жизни Блока было появление книги стихов Брюсова «Urbi et orbi» («Граду и миру» (1903)). Брюсов как бы открыл Блоку тему современности, которая станет одной из основных в творчестве поэта. Он пишет о городском «дне». Таково, например, стихотворение «Фабрика» (1903), которое, в свою очередь, оказало поистине магическое воздействие на футуристов. Они проявляли в своих «городских» творениях просто чудеса полемичности по отношению к Блоку, подчас переходя на скандал (больше других в этом смысле отличились, пожалуй, М.Большаков и М.Ларионов).

Необходимо заметить, что позднее и сам Блок был довольно резок в отношении футуристов. Так, в статье «Без божества, без вдохновенья» (1921) Блок назвал русский футуризм «пророком и предтечей тех страшных карикатур и нелепостей, которые явила нам эпоха войны и революции» [3. Т. 6. С. 181]. Однако — с чувством некоего смутного восхищения — в этой же статье Блок признавал, что футуризм «отразил в своем туманном зеркале своеобразный весёлый ужас, который сидит в русской душе и о котором многие “прозорливые” люди не догадывались» [3. Т. 6. С. 181].

Несмотря на взаимные «уколы», при ближайшем рассмотрении творческое наследие Блока и футуристов обнаруживают много общего. Так, для В.Маяковского Блок во многом был идеалом поэта. В статье, написанной на смерть Блока, поэт признавал: «Славнейший мастер-символист Блок оказал огромное влияние на всю современную поэзию» («Умер Александр Блок») [12. Т. 2. С. 629]. Впоследствии Д.Бурлюк вспоминал, что, несмотря на то, что сам он как идеолог российского футуризма «все усилия свои расходовал на то, чтобы поселить в душе своего талантливого молодого друга высокомерную насмешку над старым творчеством Блока», Блока «Маяковский <...> очень любил и высоко ставил как поэта, ежеминутно декламируя <его> стихи» [15. Л. 9]. По словам Бурлюка, в свою очередь, Блок был «в восторге от Маяковского» и даже «преподнес ему полное собрание своих произведений» [15. Л. 9].

Множественные параллели можно обнаружить между лирическими героями Блока и раннего Маяковского. Для героя Блока (первого периода его творчества — периода так называемой мистической «тезы», и второго — скептической «антитезы») характерно амбивалентное состояние отчуждения от мира и стремление к слиянию с ним. Подобное состояние становится характерным для героя раннего Маяковского, стремящегося к людям, но отчуждаемого от них своим романтическим максимализмом и несоответствием мира, желаемого героем, миру действительному. Подобный максимализм был свойствен поэтам-кубофутуристам, так как они во многом шли вслед за кубистами-живописцами, видевшими реальность как утратившую цельность и стремившимися ее восстановить.

По воспоминаниям М.С.Шагинян («Воспоминания А.Белого о Блоке»), А.Белый отмечал и свойственный А.Блоку максимализм, приведший к разочарованиям, скепсису и, наконец, отчаянию в мироощущении [19. С. 93]. «Будущему русскому сознанию выбирать, за кем идти: за интегрирующим Белым или за дифференцирующим Блоком, — за благополучием преждевременного синтеза или за скорбью мужественного и одинокого разделения» [19. С. 99], — писала Шагинян. Маяковский, лирическому герою которого свойственна многоликость, умудрился сочетать в своем поэтическом «я» черты и Белого, и Блока.

У раннего Блока поэт — это избранный, скорбный инок, к которому «незримый дух слетел, / Открывший полных звуков море» [3. Т. 1. С. 5]; герой раннего Маяковского тоже понимает свое избранничество:

Я сразу смазал карту будня,
плеснувши краску из стакана;
я показал на блюде студня
косые скулы океана.
На чешуе жестяной рыбы
прочел я зовы новых губ.
А вы
ноктюрн сыграть
могли бы
на флейте водосточных труб? [11. Т. 1. С. 40]

(«А вы могли бы?», 1913)

Он ощущает себя бесконечно одиноким в своей противопоставленности людям («Я одинок, как последний глаз / у идущего к слепым человека!» [11. Т. 1. С. 49] — «Я», 1913) и в то же время равным величием всей земле:

Земля!
Дай исцелю твою лысеющую голову
лохмотьями губ моих в пятнах чужих позолот...
Ты! Нас — двое,
ораненных, загнанных ланями...
Сестра моя! [11. Т. 1. С. 51]

(«От усталости», 1913)

Подобно лирическому герою Блока, судьба которого «родственна роковой роли птицы Гамаюн, — крылатой, но не способной летать («не в силах крыл поднять смятенных»), <...> запекшиеся кровью уста обречены предвещать мрачные неизбежности» [1. С. 10], — атрибут лирического героя Маяковского — «окровавленный песнями рог» [11. Т. 1. С. 51] («От усталости», 1913). Герой Маяковского тоже обращается к людям, вещая бесценные истины, но также ими не понят и, более того, иногда не желает быть понятым:

Через час отсюда в чистый переулочек
вытечет по человеку ваш обрюзгший жир,
а я вам открыл столько стихов шкатулочек,
я — бесценных слов мот и транжир [11. Т. 1. С. 56].

(«Нате!», 1913)

Непонимание окружающих, глухих к стараниям героя Блока преодолеть стену одиночества, приобщить их к Знанию поэта-пророка, поэта-избранника, окрашивает лиру Блока в иронические тона. В стихотворении же «Сытые» (1905) наблюдаем, как ирония перерастает в сарказм — едкую насмешку, не оставляющую за осмеиваемыми права на самооправдание:

Они давно меня томили:
В разгаре девственной мечты
Они скучали, и не жили,
И мяли белые цветы.
<...>
Пусть доживут свой век привычно —
Нам жаль их сытость разрушать.
Лишь чистым детям — неприлично
Их старой скуке подражать [3. Т. 2. С. 180].

Над тупым самодовольством сытых издевается поэт-максималист. Он использует в создании образа «пожирателей света» прием грубого выделения физиологической детали, перерастающей в самодовлеющий образ: «важные чрева» уродливо засуетились, лишившись сытой неги существования. Впоследствии Маяковский сходный образ доведет до гротескного, назвав «желудком в панаме» заживевшего буржуа («Гимн обеду», 1915).

Этот образ многими исследователями толкуется как итог влияния на Маяковского сатиры Саши Черного. Действительно, общими для сатириконец Саши Черного и В. Маяковского явились: упомянутый выше прием выделения физиологической детали, перерастающей в самодовлеющий образ (Саша Черный в стихотворении «Мясо» (1909) изображает

обывателей, чьи «щеки, шеи, подбородки, / Водопадом в бюст свергаясь, / Пропадают в животе» [18. С. 49]), а также прием грубого овеществления человека (навстречу одному из героев Черного идет «бифштекс в нарядном женском платье»). Однако не стоит недооценивать возможность влияния на самого Сашу Черного поэзии А.Блока. Д.Бурлюк вспоминал, что Маяковский поражал его знанием А.Блока и Саши Черного. Поэтому вполне закономерно предположить, что образы «сытых» и манера разговора с ними у лирического героя Маяковского — это своего рода синтез влияний Блока и Саши Черного:

Вашу мысль,
мечтающую на размягченном мозгу,
как выжиревший лакей на засаленной кушетке,
буду дразнить об окровавленный сердца лоскут;
досыта изъиздеваюсь, нахальный и едкий [11. Т. 1. С. 175].

(«Облако в штанах», 1914—1915)

Своеобразный «демонизм» Маяковского, по свидетельству В.Пяста, делал его личность в глазах Блока замечательной [3. Т. 6. С. 518]. Тем более его привлекала «варварская дикость», редкая самоуверенность, нагнетаемая осознанием собственной правоты (очищающее начало варварской дикости воспевается Блоком, например, в поэме «Скифы»).

В своей дерзости по отношению к миру сытого самодовольного обывательства герой Маяковского, однако, не переступает той черты, которая сделала бы невозможной его обращенность к современникам, способным его понять и разделить с ним горечь. «Грязных кулачищ замах» не отделяет поэта от основной человеческой «гуши». Причиной тому — подкупающая жертвенность («За всех расплачусь, за всех расплачусь...»), человеколюбие по отношению ко всем обездоленным в этой жизни:

... я каждый день иду к зачумленным
по тысячам русских Яфф! ...
... Люди!
Когда канонизируете имена
погибших,
меня известней, —
помните:
еще одного убила война —
поэта с большой Пресни! [11. Т. 1. С. 73]

(«Я и Наполеон», 1915)

О духовной основе великой жертвенности как пути совершенствования человека размышлял Сергей Булгаков в эссе «Второй Адам»: «Религиозно утверждая свою личность, мы должны ею пожертвовать, потерять свою душу, чтобы спасти ее от самости и непроницаемости. <...> Подвиг юродства, совершенное отвержение своего психологического лика, <...> — таков предел этого пути самоотречения» [4. С. 300]. Думается, герои Блока и Маяковского являют «ту растворенность себя в других субъектах, тот крестный путь самоотречения, черты юродства» [1. С. 103], о которых размышляет отец Сергей.

В качестве альтернативы миру сытого самодовольства Блок и Маяковский строят собственные, гармоничные и космически совершенные поэтические миры (думается, эту, присущую творчеству Блока и Маяковского, «космичность» имеет в виду Д. Бурлюк, говоря, что «Маяковским достигнута абстрактность, о которой “мечтало” творчество Блока»

[15. Л. 8]). У раннего Блока это мир Прекрасной Дамы, воплотившей в себе божественное, идеальное начало, к слиянию с которым стремится лирический герой; у Блока зрелого — творческая личность, призванная сотворить из «хаоса» «космос»:

<...> художник, твердо веруй
В начала и концы. Ты знай,
Где стерегут нас ад и рай.
Тебе дано бесстрастной мерой
Измерить всё, что видишь ты.
Твой взгляд — да будет тверд и ясен.
Сотри случайные черты —
И ты увидишь: мир прекрасен [3. Т. 3. С. 301].

В сентябре 1909 г. Блок отмечает в записной книжке: «Великий хаос я предпочитаю в природе. Хорошим художником я признаю лишь того, кто из данного хаоса (а не в нем и не на нем) творит космос» [6. С. 130—131]. Маяковский, избравший для себя позицию должностования поэта перед эпохой, по словам Ф.Н.Пицкель, как нельзя лучше соответствует блоковскому определению художника, т.к. для него характерно «создание цельного и стройного поэтического мира, органически выражающего сложнейшую область человеческой жизни — мир социальных, общественных отношений» [13. С. 95].

Во многом одинаково — как сотворение космоса из хаоса — восприняли Блок и Маяковский и октябрьскую революцию. Творчество поэтов обретает революционный пафос, по мнению М.Ф.Пьяных, роднящий символиста Блока и футуриста Маяковского даже больше, чем символиста Блока и символиста Белого [14. С. 178]. Исследователь оговаривается, однако, что «Маяковскому, полагавшему, что Блок не выбирал, радоваться ли разрушению старого мира или «стенать над пожарищами», революционная решимость автора «Двенадцати» казалась недостаточно последовательной» [14. С. 178]. Думается, такое мнение Маяковского можно объяснить известной прямолинейностью, требовательностью его к поэтам в решении проблем, которые ставились событиями в стране. Лекция Блока от 5 апреля 1920 г. подтверждает вывод Пьяных о том, что революционный пафос в творчестве поэта явился следствием осознания неотвратимости произошедшего: «Кроме слова искусство, у нас в сознании присутствует, конечно, слово революция. Хотим мы этого или не хотим, уйти от этого слова некуда (курсив мой. — О.К.), потому что в России два года назад окончилась революция. Каждый день истекшего двухлетия — для всех нас есть день изживания последствий <...> революции, каждая бытовая мелочь говорит о ней же, каждый изживал эти дни по-своему: активно, пассивно, сочувственно, с ненавистью, тупо, весело, клонясь к смерти, наполняясь волею к жизни, — <...> но все равно — с чувством ее неотступного присутствия» [3. Т. 6. С. 485].

Мировоззренческие процессы отражались в стиховой системе поэтов, в обновлении поэтического языка. Блок и Маяковский в равной степени понимали, что новая — революционная — действительность не может быть выражена в творчестве старыми языковыми средствами. По мнению С.А.Коваленко, статья Маяковского «Как делать стихи?» (1926) свидетельствует, что поэт ощущал Блока предшественником в области созвучных времени языковых экспериментов («Сразу дать все права гражданства новому языку: выкрику — вместо напева, грохоту барабана — вместо колыбельной песни»), поскольку в качестве иллюстрации к сказанному поэт наряду со своими («Разворачивайтесь в марше!») приводит стихотворные строки Блока: «Революционный держите шаг!» [10. С. 378].

Немало нареканий со стороны критиков было в отношении ритма стихов Маяковского — чеканного, «принудительного <...>, как бы выкручивающего руки фразе» [8. С. 8]. Ритм — один из наиболее значимых и запоминающихся элементов стиха. Блок был одним

из тех современников поэта, которые понимали важность работы над ритмикой: «Многое пройдет, что нам кажется незыблемым, а ритмы не пройдут, ибо они текучи, они, как само время, неизменны в своей текучести» («Юбилейное приветствие М.Кузмину») [3. Т. 6. С. 440]. Поэтому кажется неудивительным сознательное и кропотливое «делание» Маяковским ритма своих стихов. Пожалуй, только М.Цветаева смогла разглядеть за неровным, часто перебиваемым экспрессией однословной строки ритмом суть: «Ритмика Маяковского, — писала она в статье «Эпос и лирика современной России...» (1932), — физическое сердцебиение — удары сердца — застоявшегося коня или связанного человека. <...> Маяковский, даже в своей кажущейся свободе, связан по рукам и ногам» [17. С. 311]. Действительно, «удары» ритма Маяковского (Ю.Иваск называл его «барабанным боем» [7. С. 171]) усиливают чувство напряженности коротких подстрочий, создавая почти реальное ощущение душевной муки героя, «распятого» на стихе.

Таким образом, можно заключить, что, несмотря на взаимные резкости Блока и футуристов, творчество Блока и Маяковского сближает наличие общего. Это и революционные мотивы, носящие константный характер в творчестве поэтов, и характерное для обоих скептическое отношение к литературной традиции, и во многом сходно решаемая городская тема, и образ отчужденных от мира и одновременно стремящихся к слиянию с ним лирических героев-человеколюбцев, и, наконец, осознание важности ритмической стороны стиха, повлекшее за собой смелые эксперименты с метрикой (в данном отношении оба шли за К.Д.Бальмонтом).

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева Л.Ф. А.Блок и русская поэзия 1910—20-х годов: Учеб. пособие. М., 1996.
2. Блок А. Соч.: В 2 т. М., 1955.
3. Блок А. Собр. соч.: В 8 т. / Под общ. ред. В.Н.Орлова. Вступ. ст., подг. текста и примеч. В.Орлова. М.; Л., 1960—1963.
4. Булгаков С.Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. М., 1994.
5. Горнфельд А. Заметки о современной литературе // Куда мы идем? Настоящее и будущее русской интеллигенции, литературы, театра и искусств...: Сб. ст. и ответов. 2-е изд. М., 1910.
6. Записные книжки Ал. Блока. Л., 1930.
7. Иваск Ю. Цветаева — Маяковский — Пастернак // Новый журнал. Нью-Йорк. 1969. № 95.
8. Карабчиевский Ю.А. Воскресение Маяковского. М., 1990.
9. Клинг О.А. Влияние символизма на постсимволистическую поэзию в России 1910-х годов: Проблемы поэтики: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1996.
10. Коваленко С. Крылатые строки русской поэзии. Очерки истории. М., 1989.
11. Маяковский В.В. Полн. собр. соч.: В 13 т. / Подг. текста и примеч. В.А.Катаняна и др. М., 1955—1961.
12. Маяковский В.В. Соч.: В 2 т. М., 1987.
13. Пицкель Ф.Н. Лирический эпос Маяковского. М., 1964.
14. Пьяных М.Ф. Блок и русская советская поэзия // Литературное наследство. А.Блок. Новые материалы и исследования. М., 1980.
15. РГАЛИ. Ф. 2577. Оп. 1. Ед. хр. 1247.
16. Соколов А.Г. История русской литературы конца XIX — начала XX века: Учебник. 4-е изд-е, доп. и перераб. М., 2000.
17. Цветаева М. Об искусстве. М., 1991.
18. Черный Саша. Стихотворения / Сост. и вступ. ст. Ф.Кривина. М., 1991.
19. Шагинян М.С. Литературный дневник: Ст. 1921—1923 гг. Изд-е 2-е, доп. М.; Пб., 1923.

**МОТИВ ЖЕНСКО-МУЖСКОЙ
ТРАВЕСТИИ В ЛИТЕРАТУРНОЙ
ЛЕГЕНДЕ XIX ВЕКА****MOTIVE OF MALE AND
FEMALE TRAVESRY IN XIX CENTURY
LITERARY LEGEND**

Аннотация. В статье анализируется использование традиционного для агиографии мотива женско-мужской травести в светской литературе XIX века. На материале литературных легенд А.И.Герцена, Г.Келлера, А.Франса определяются функции данного мотива в новом жанровом и стилистическом окружении.

Ключевые слова: женско-мужская травестия; мотив; агиография; легенда; А.И.Герцен; Г.Келлер; А.Франс.

Сведения об авторе: Тулякова Наталья Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков.

Место работы: Национальный исследовательский университет — Высшая школа экономики.

Контактная информация: 199034, г. Санкт-Петербург, 18 линия ВО, д. 9, кв. 33; тел. 9626943695.
E-mail: n_tuljakova@mail.ru

Abstract. The present paper analyses the use of traditional hagiographic motive of male-female travesty used in XIX century Soviet literature. Drawing on the example of literary legends by A.Herzen, G.Keller, A.France the functions of the above mentioned motive are defined within new genre and stylistic contexts.

Key words: male-female travesty; motive; hagiography; legend; A.Herzen; G.Keller; A.France.

About the author: Tulyakova Natalia Alexandrovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor at the Department of Foreign Languages.

Place of employment: National Research University — Higher School of Economics.

Термин «травестия» используется в науке о литературе в двух значениях: как тип «литературного текста, представляющего комическую контробработку (инверсию знаков) серьезного предметно-тематического содержания, уже получившего соответствующее стилевое воплощение в текстах как собственно художественных, так и мифологических, исторических, научных, философских» [2], и как сюжетный прием. В настоящей статье рассматривается традиционный сюжет о подвизании женщины в мужском монастыре под видом мужчины, включающий мотив травести, который понимается нами, вслед за Н.В.Пуртовой, как «сюжетообразующий прием переодевания персонажа в чужую одежду, сопровождающийся сменой его ролевой функции в произведении» [4. С. 7]. Мотив женско-мужской травести — сюжетный ход, заключающийся в переодевании женщины в мужские одежды, — часто встречается в мировом фольклоре, культуре, литературе, в том числе в жизнеописаниях святых. В качестве примеров можно привести жития Марии-Марины, Евфросинии, Феодоры Александрийской, Аполлинарии, Анастасии-Патрикия. Исследователи объясняют тот факт, что «в начале VI и середине VII вв. истории такого рода были популярны и пересказывались для массового читателя», распространенностью данного явления в жизни людей того времени [7. С. 29].

Данный сюжет обладает глубоким смысловым потенциалом и изучается историками, культурологами, социологами, но, за несколькими исключениями, не привлекает внимания литературоведов. Функции мотива травести в литературе существенно различаются в зависимости от времени создания текста и от жанра. Предметом настоящей статьи является функционирование мотива женско-мужской травести в литературной легенде. Поскольку претекстом для литературной легенды является легенда агиографическая, необходимо кратко обратиться к этому мотиву в житиях. В агиографии принятие мужского облика нередко рассматривается как единственная возможность для женщины реализоваться в религиозном смысле. «...В отличие от эпических жанров житие использует переодевание женщины в мужские одежды как поэтический прием для описания одного из видов иноческого подвига» [4. С. 10].

Необычность этого подвига состоит в его усложненности по сравнению с привычным отказом от мира и уходом в монастырь. По мнению исследователей, «женское монашество под видом мужчин и среди мужчин — это объединение противоречий мужского и женского. Переодетые монахини — символ двусмысленности, напряжения и враждебности, которая часто отражает отношение к женщинам в раннем христианстве. Переодетые в мужчин подвижницы воспринимались как превосходящие свою низкую женскую натуру, достигая библейского мужества и мужественности» [7. С. 31]. Кроме того, женско-мужская травестия в подобной ситуации требует изменения гендерной идентификации, которое Т.В.Смирницких называет «феноменом отказа от пола» [5. С. 24].

Помимо этого, агиографические легенды с данным мотивом имеют назидательную цель, напоминая инокам, «что им не стоит кичиться своими поступками, ведь многие женщины поступают подобным образом» [7. С. 31]. Для женщин подвижничество представляло большую сложность, чем для мужчин: «Их отказ от тела был более полным, так как умерщвлять плоть им приходилось в чуждой гендерной среде, на виду огромного количества мужчин» [7. С. 29].

Таким образом, авторы житий, вводя данный мотив в жизнеописания святых, преследуют сразу несколько целей, которые соответствуют системе ценностей христианства и утверждают ее. Одной из типичных черт агиографии является повторяемость, так как «цель агиографии как жанра — скрыть индивидуальные детали и подчеркнуть схожесть святых между собой и с Христом (пер. мой. — *Н.Т.*)»¹ [15. С. 3]. Оригинальность сюжета, введение новых элементов поэтому практически несвойственно житиям святых, и мотив женско-мужской травестии во всех случаях трактуется одинаково.

В XIX в. агиографическая легенда получает новую жизнь в рамках художественной, светской литературы, в которой авторы ставят перед собой совершенно иные задачи, чем авторы агиографий и биографий святых. Пересказ благочестивых легенд в эпоху индивидуального творчества, когда высшим мерилом мастерства становится авторская индивидуальность, уже не является самоцелью. Поэтому легенды, появляющиеся в XIX в., существенно отличаются друг от друга, хотя имеют в своей основе схожие претексты. В настоящей статье будут рассмотрены три легенды с похожим сюжетом.

Значительные изменения легендарный сюжет претерпевает в легенде А.И.Герцена, впервые опубликованной лишь в 1881 г. В 1835 г., находясь в Крутицких казармах, Герцен пишет небольшое произведение под названием «Легенда»², основанное на житии святой Феодоры. Герцен наполняет традиционный сюжет несвойственным ему смыслом; более того, он категорически изменяет форму повествования.

Объясняя в раме «Легенды» причины того, что он, по его собственным словам, переписывает легенду из «Житий святых» за сентябрь 1835 г., повествователь цитирует Гете: «Присутствующие принялись рассказывать эту легенду <...>. Стало понятным подлинное существо легенды, которая переходит из уст в уста, от одного к другому. Противоречий не было, зато бесконечные варианты <...>, по-видимому, обязаны своим происхождением тому, что чувство каждого по-разному проявляло свое участие к событию» [1. С. 277]. Пересказ легенды для повествователя, который, очевидно, разделяет выраженное в отрывке отношение к легенде, — способ вспомнить забытую истину, прикоснуться к ней, принять участие в свершившемся событии.

Кроме того, пересказ легенды выполняет компенсаторную функцию. Повествователь вспоминает ее, находясь в тюрьме, будучи выключенным из обычной жизни, лишенным общения и свободы. Тем не менее, именно заключение дает ему шанс прозреть, понять самые основные и простые истины — ценность воздуха, красоту храма, чудо колокольного

¹ «...Hagiography as a genre aimed to suppress individualizing detail and to bring out the saints' resemblance to one another and to Christ».

² Впервые опубликована под названием «Легенда о св. Феодоре».

звона, и в этот момент он записывает легенду: «Забудемте, ради бога забудемте наш век, перенесемтесь в эти времена тихого созерцания, в эти времена неба на земле» [1. С. 278]. Легенда становится воплощением извечной истины, которую можно забыть, но лишь на время.

Фабула «Легенды» взята из византийского жизнеописания святой Феодоры Александрийской Младшей, умершей в 490 г. В этой вариации сюжета о пути от блудницы к святой причина, по которой Феодора покидает мир, — измена мужу, чувство вины и желание скрыться там, где ее никто не будет искать. Проведя в мужском монастыре семь лет под именем брата Феодора, героиня становится объектом страстной любви одной египтянки. Когда отвергнутая женщина из мести клеветает на Феодору, обвиняя ее в насилии, героиню изгоняют из монастыря. После этого святая берет на себя заботу о ребенке оклеветавшей ее женщины — так вводится мотив, который в исследовательской литературе называется мотивом «духовного отцовства/материнства» [4. С. 9]. Поскольку Феодорой движет желание искупить вину страданием, она воспринимает случившееся как испытание, посланное услышавшим наконец ее молитвы Богом. Только после смерти Феодоры тайна ее раскрывается, а святость признается.

В жанровом отношении система персонажей и сюжет «Легенды» связаны с христианской традицией агиографии, что подкрепляется многочисленными высказываниями игумена и Феодора на христианские темы. С другой стороны, в «Легенде» присутствуют новеллистические черты, так как именно на неузнавании, переодевании — традиционном для данного сюжета элементе — основаны ее фабула и конфликт. «Герцен использует драматические черты, заложенные в этой истории, необычным образом (пер. мой. — *Н.Т.*)»¹ [17. С. 87].

Неузнавание в «Легенде» обусловлено особой позицией повествователя. С самого начала героиня описывается как мужчина; повествователь постоянно намекает на некую тайну в «его» прошлом. Некоторые эпизоды остаются загадкой для читателя; сцена соблазна Феодора неожиданно обрывается, и развязка ее читателю не сообщается. Лишь вместе с второстепенным персонажем, игуменом Октодекадского монастыря, читателю сообщается правда. Финал легенды строится на эффекте обманутого ожидания, усиливаемом постоянными перебивками и перерывами в повествовании. Повествователь, в легендах обычно либо всеведущий, либо сторонний, но всегда достоверный, в данном случае заменяется на недостоверного рассказчика. Он располагает всеми фактами, знает истинные мысли и намерения героев, но сообщает не всю информацию, а только ту, которая создает у читателя неверные представления и в некоторой степени роднит его с героями рассказа, осудившими Феодора.

Таким образом, «Легенда» Герцена, используя традиционные для легенды образцы, включает чуждые для себя элементы новеллы, прежде всего посредством мотива травести. Мотив травести, главное в которой — «ее занимательность, проявляющаяся в необычности, сдвинутой ситуации», — в «Легенде» представляет собой пример проникновения беллетристического элемента в фольклор и литературу [4. С. 3].

«Евгения» швейцарского писателя Готфрида Келлера открывает цикл «Семь легенд» (*Sieben Legenden*), впервые опубликованный в 1854 г. В тексте цикла Келлер признается, что позаимствовал сюжеты цикла из двухтомного сборника Людвиг Козегартена «Легенды» (*Legenden*, 1804), в котором автор, немецкий поэт, переводчик и священник, пересказал некоторые жития святых поздней Античности и раннего Средневековья.

За исключением легенды о святом Виталии, весь сборник посвящен женщинам-христианкам. Хотя в ранних работах о Келлере встречается мнение, что целью автора было назидание [11. С. 9], Келлер проявляет себя как противник официальной церкви. Ошибочное восприятие намерений Келлера объясняется искусной стилизацией, к которой он прибегает

¹ «Herzen exploits the dramatic possibilities inherent in the story rather differently».

в своей книге. Через весь сборник проходит идея о том, что обращение в христианство есть не добродетель, но искушение, которое отвращает женщин от естественных ценностей. «Их заставляют путать роли небесного и земного, естественного и неестественного поведения, и они принимают решения, основанные на неверных представлениях (пер. мой. — *Н.Т.*)»¹ [8. С. 129].

В сборнике Козегартена легенда, послужившая претекстом для «Евгении», называется «Легенда о святой Евгении» (*Die Legende von den heilige Eugenia*) и основана на жизнеописании святой Евгении Римской (III в. н.э.). Родившаяся в Риме дочь патриция Евгения была очень умной и образованной девушкой. Прочитав Евангелие от Павла, она решила стать христианкой и, чтобы скрыться от родных и посвятить себя Богу, ушла в мужской монастырь. Как и святую Феодору, ее обвинили в насилии над женщиной; к счастью, отец и жених узнали Евгению. Приняв христианство, вся семья претерпела жестокие гонения, пытки и казнь [12. С. 37—54].

Келлер дополняет биографию святой Евгении, приведенную Козегартеном, различными подробностями, внося в текст совершенно неприсущий ему смысл. Так, главной чертой Евгении он делает гордыню, отсутствующую в тексте Козегартена. Далее Келлер вводит и подробно разрабатывает любовную линию. В «Легенде о святой Евгении» героиня отказывает просящему ее руки Аквилинусу, говоря, что супруги должны быть схожи по образу мыслей, намереваясь уже в это время стать христианкой. Келлер продолжает эту линию, делая ее центральной. Евгения хочет главенствовать в семье, поэтому пытается унижить Аквилинуса; тот оказывается гордым и не поддается. Именно он узнает в иноке Евгении возлюбленную, но делает вид, что не верит ей, чтобы показать свою власть и превосходство. На этот раз ему удается смирить волю Евгении. Далее героиня Келлера возвращается в мир и выходит замуж, чтобы, «на время умерщвив плоть, вернуться к сладкой естественной жизни, предназначенной человеку (пер. мой. — *Н.Т.*)»² [15. С. 169].

В то время как в легенде Козегартена и в классической агиографии большое значение уделяется семье Евгении, Келлер практически опускает этот момент, не называя имен отца, матери и братьев Евгении и даже не упоминая об их существовании. Якобы назидательная легенда приобретает, с одной стороны, мелодраматический, с другой — комический оттенок. Поэтому назидание легенды существенно отличается от религиозного: Келлер проповедует следование законам природы.

Легенда строится на психологическом противостоянии двух сильных личностей. Композиционно две ее «сильные» параллельные сцены — два диалога Евгении и Аквилинуса. В первом случае Евгения одерживает верх, во втором случае Аквилинусу удастся полностью подчинить ее себе. Пребывание в монастыре становится промежуточным этапом на пути Евгении к смирению гордыни и к пониманию истинных ценностей, а также к утверждению патриархального мировосприятия: «Женщине не следует носить то, что пристало мужчине, а также не следует мужчине надевать женскую одежду. Те, кто так поступают, неуютны Господу Богу» [3. С. 11].

Мотив ложного обвинения, источник трагического в легенде Герцена, решается Келлером комически. Комизм ощущается уже в самом начале легенды, когда Келлер объясняет ее сюжет особенностью женской природы, говоря, что «сильное желание подражать мужчине замечалось уже в легендарную и благочестивую эпоху первого христианства» [3. С. 11].

Легенда лишена той пуантированности, которую придает ей русский писатель, благодаря тому, что Келлер выбирает позицию всеведущего повествователя и сообщает читателю все, что ему известно. Повествовательная позиция не только определяет возможность

¹ «They are led to confuse the roles of heavenly and earthly, of unnatural and natural behaviour, and they make decisions based on false appearances».

² «...After having crucified the flesh for a time, return to the sweet natural life intended for man».

психологической мотивировки событий, но и позволяет повествователю задействовать большой корпус претекстов, открыто декларируя свою опору на них.

Более того, мотив преследования и трагической смерти святой Евгении Римской повествователем практически снимается, легенда лишается драматизма: «Дальше в легенде рассказывается еще, как вся семья переселилась в Рим в то время, когда власть перешла в руки гонителя христиан, Валериана, и как при наступивших преследованиях Евгения прославилась как поборница христианства и мученица, и только тогда проявила все величие духа, на которое была способна» [3. С. 29]. Повествователь не только упоминает о судьбе Евгении вскользь, но даже не произносит слово «смерть». Финальное послесловие автора, рассказывающее вкратце о мученичестве Евгении и ее семьи, выглядит как не относящееся к делу. Кроме того, сильная позиция — абсолютный финал — занят рассказом о двух Гиацинтах, товарищах Евгении; Келлер также прибегает к приему батоса в сниженно-комическом замечании: «Ее [святой Евгении] заступничество особенно эффективно для глухих учениц, отстающих в своих занятиях» [3. С. 30].

Итак, легенда Келлера изображает молодую женщину, которая уходит в монастырь под видом юноши. Однако в этом случае христианство помогает ей избавиться от греха гордыни и одновременно заставляет вернуться в мир, выйти замуж и найти свое счастье в семье. Смысл травестийного переодевания, декларируемый повествователем, — проявление гордыни, занятие чужого места.

Совершенно непохожую функцию выполняет данный мотив в легенде Анатоля Франса «Святая Евфросиния». Интерес Франса к житийной литературе не случаен, так как «он был воспитан на Житиях Святых. Он читал их, сидя на коленях у матери, и любовь к этим старым изящным историям никогда не покидала его. Их влияние можно наблюдать во многих его книгах; как истории святых и мучеников сформировали его детскую жизнь, он рассказал в одной из самых восхитительных своих книг, “Книге моего друга” (пер. мой. — *H.T.*)»¹ [14. С. 3]. Автобиографическая «Книга моего друга» (*Le Livre de mon ami*, 1885), предметом которой стало детство Франса, в наивно-трогательной форме описывает опыт знакомства Франса с житиями святых. Кроме того, книга содержит «Диалог о сказках» (*Dialogue sur les contes de fées*), который демонстрирует глубокие познания автора в области фольклора и компаративистики.

«Святая Евфросиния» входит в сборник «Перламутровый ларец» (*L'etui de nacre*, 1892) наряду с другими легендами из раннего Средневековья, а также рассказами из эпохи революции и из современности. Первая часть сборника строится на оппозиции догматичной христианской религии и альтернативных способах выражения любви к Богу. Сюжетом легенд Франса становится игра повествователя с читателем, завуалированный способ высказать свою точку зрения.

В основе «Святой Евфросинии» лежит житие Евфросинии Александрийской (V в. н.э.). Чтобы избежать брака, решившая посвятить себя церкви юная Евфросиния уходит в мужской монастырь под именем брата Смарагда. Отчаявшийся найти ее отец приходит в монастырь, и Евфросинии-Смарагду удается обратить его в христианство.

Франс изменяет фабулу традиционного жития, помещая в центр повествования сюжетную линию, связанную с женихом Евфросинии, графом Лонгином. Лонгин, как и отец Евфросинии Ромул, не в силах забыть свою исчезнувшую невесту, приходит в тот же монастырь и остается там, не догадываясь о ее присутствии.

В начале легенды повествователь инкорпорирует мотивы сказки о мудрой деве: Евфросиния отгадывает трудные загадки, которые решить больше никому не под силу, и получает признание и награду за свою мудрость. Сказочный зачин определяет собой дальнейшее

¹ «He was brought up on the Lives of the Saints. He read them at his mother's knee, and the love of those quaint old stories has never left him. Their influence is to be seen in many of his works; and how the stories of saints and martyrs moulded his child life he has told in one of the most delightful of his books, *Le Livre de Mon Ami*».

развитие событий и жанровую доминанту текста. Именно мудростью объясняется решение Евфросинии уйти в мужской монастырь, где ее не будут искать отец и жених: «И в порыве отчаяния она прибегла к уловке необычной, достойной скорее удивления, нежели подражания» [6. С. 689]. Повествователь подробно описывает, как девушке удалось сшить для себя мужской костюм, проявив также хитроумие и изобретательность, как она сохранила в тайне свои намерения и ввела в заблуждение отца и жениха.

Таким образом, травестия в легенде Франса представляет собой элемент, привнесённый из другого жанра, — сказки о мудрой деве. Уход в мужской монастырь не является в данном случае подвижничеством или притязанием на место мужчины в обществе, но лишь ловким вымыслом, призванным подчеркнуть главное качество героини — ее мудрость. Франс, очевидно, создает фигуру наивного повествователя, который не замечает собственной ограниченности. Поскольку в сюжете практически не выражен конфликт, главным предметом рассказа становится взаимоотношение повествователя со своим текстом, а традиционный мотив служит в легенде Франса одним из способов создания образа недостоверного рассказчика.

Рассказчик ссылается на случайно попавший к нему в руки текст: «Житие святой Евфросинии Александрийской, в монашестве брата Смарагда, как оно было изложено диаконом Георгием, спасавшимся в лавре на горе Афон» [6. С. 685]. Используя в качестве претекста классическое, распространенное житие, рассказчик считает себя первооткрывателем самой старой его версии: «У меня есть все основания полагать, что оно никогда не было напечатано. Мне хотелось бы иметь столь же веские основания думать, что оно достойно печати» [6. С. 695]. Позиционируя свой текст как «научный труд», повествователь не замечает явного несоответствия между целью текста и его стилем.

Якобы благочестивое повествование изменяет свою модальность благодаря второй части рамы, в которой повествователь признается: «Я больше чем уверен, что многое в тексте диаконова сказания я понял превратно, что в моем переводе тьма нелепостей. Быть может, он даже представляет собой сплошную нелепость» [6. С. 695]. Это подчеркивает изменения, вносимые Франсом в стиль агиографического текста. Помимо усиления мелодраматической линии, большое внимание уделяется деталям, сравнениям с драгоценными камнями, цветам, материалам. Благодаря стилистическим приемам автора, которого Rew называет «мастером сравнений»¹ [13. С. 100], в легенде возникает противоречащий ценностям христианства культ красоты, изыска, роскоши. Кроме того, Франс и в этой легенде использует оппозицию христианства и язычества, вводя фигуру язычника, который принимает Евфросинию за прекрасного юного Эрота.

Таким образом, текст легенды строится в поле напряжения между стилистическими приемами, типичными для орнаментальной прозы, и сюжетом духовной литературы. Это делает очевидной разницу между повествователем и рассказчиком, который занимает ограниченную по отношению к тексту позицию. Ограниченность проявляется как в стилистических, так и в сюжетных несоответствиях законам жанра.

Анализ мотива женско-мужской травестии в трех литературных легендах, написанных в XIX в., демонстрирует разнообразие функций, которые он выполняет в художественном тексте. В легенде Герцена он выступает как прием субъектно-объектной организации текста, придающий повествованию интригу и сходство с новеллистическим жанром. Келлер переосмысляет сюжет в рамках светской традиции, трактуя его как противоборство мужчины и женщины в семье. Франс использует травестию, чтобы подчеркнуть в своей героине черты мудрой девы. Агиография в XIX в. обретает «вторую жизнь» и становится полем для экспериментов авторов с традиционным жанром.

¹ «master of the comparison».

ЛИТЕРАТУРА

1. Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1954—1966. Т. 1.
2. Жеребин А.И. Травестия // Новый филологический вестник. 2008. № 2. Т. 7. URL: <http://elibrary.ru/download/54137246.pdf>
3. Келлер Г. Семь легенд. М., 1911.
4. Пуртова Н.В. Травестия в русской житийной литературе и эпосе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002.
5. Смирницких Т.В. Характер и специфика частной жизни женщины в ранней Византии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2009.
6. Франс А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1958. Т. 2.
7. Шилов В.Н., Рышковская А.Ю., Болгова А.М. Особенности реализации христианского девства в миру и иночестве в ранневизантийский период // Научные ведомости. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». 2010. № 13 (84). Вып. 15. С. 28-35.
8. Frank B.R. Irony in Keller's *Sieben Legenden* // *The Germanic Review: Literature, Culture, Theory*. Vol. 49. Issue 2 (1974).
9. Jennings L.B. The Model of the Self in Gottfried Keller's Prose // *The German Quarterly*. Vol. 56. No. 2 (Mar., 1983). URL: <http://www.jstor.org/stable/405677>
10. Mason E. *A Book of Preferences in Literature*. L., 1915.
11. Meyer R.M. Introduction // Keller G. *Seven Legends*. Trans. from German by M. Wyness. Glasgow, 1911.
12. *Quellen zu Gottfried Kellers Legenden* / Hrsg. Albert Leitzman. Halle, 1919.
13. Rew C.L. Imaginative Comparisons in the Fiction of Anatole France: An Attempt at Classification // *The French Review*. Vol. 18. No. 2 (Dec., 1944). URL: <http://www.jstor.org/stable/380679>
14. Stephens W. *French Novelists of To-day*. L., 1908.
15. Wall F.E. Eduard Spranger's "Lebensformen" Applied to the Literary Characters of Gottfried Keller // *The German Quarterly*. Vol. 22. No. 3 (May, 1949). URL: <http://www.jstor.org/stable/401087>
16. Winstead K.A. *Virgin Martyrs: Legends of Sainthood in Late Medieval England*. Ithaca, N.Y., 1997.
17. Ziolkowski M. *Hagiography and Modern Russian Literature*. Princeton, N.J., 1988.

ОБРАЗ «РУССКОГО ФАУСТА»
В РОМАНЕ «ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»
М.Ю.ЛЕРМОНТОВАIMAGE OF “RUSSIAN FAUST” IN
M.Y.LERMONTOV’S NOVEL
“A HERO OF OUR TIME”

Аннотация. Статья посвящена исследованию образа «русского Фауста» в романе «Герой нашего времени» М.Ю.Лермонтова. Образ главного героя — Печорина рассматривается в контексте его сопоставления с одним из ярких персонажей немецкой литературы — доктором Фаустом. На основе сделанных выводов выявляются общие характерные черты, роднящие Печорина с Фаустом.

Ключевые слова: русский Фауст; Печорин; Лермонтов; Гёте; лишние люди; страдающие эгоисты; Мефистофель; рефлексирующий герой.

Сведения об авторе: Шитова Вергиния Валентиновна, аспирантка кафедры русской литературы и фольклора.

Место учебы: Московский городской педагогический университет.

Контактная информация: 628624, г. Нижневартовск, ул. Дружбы Народов, д. 26 Г, кв. 69; тел. 9224003975. E-mail: verginiyashitova@yandex.ru

Abstract. The article analyses the image of “Russian Faust” in M.Y. Lermontov’s “A Hero of Our Time”. The portrayal of the main character Pechorin is compared to one of the most prominent characters in German Literature — doctor Faust. The common features that link both of the characters are outlined in the conclusion.

Key words: “Russian Faust”; Pechorin; Lermontov; Goethe; superfluous man; suffering egoist; Mephistopheles; self-reflexive hero.

About the author: Verginia Valentinovna Shitova, post-graduate student at the Department of Russian literature and Folklore.

Place of study: Moscow City Pedagogical University.

Образ чернокнижника Фауста — героя известной трагедии И.В.Гёте, заключившего сделку с Мефистофелем ради знаний, привлекает многих писателей и литературоведов разных стран. В русской литературе произведение немецкого автора сразу нашло отклик, а образ Фауста стал рассматриваться под призмой национальных особенностей России и явился зеркальным отражением поколения XIX столетия.

«Незадолго до отъезда Лермонтова на Кавказ во вторую ссылку, в середине апреля 1840 года, в Петербурге вышло первое отдельное издание романа “Герой нашего времени”». «Вышли повести Лермонтова, — писал в эти дни Белинский. — Дьявольский талант! Молодо-зелено, но художественный элемент так и пробивается сквозь пену молодой поэзии, сквозь ограниченность субъективно-салонного взгляда на жизнь» [2. С. 5].

В весьма трансформированном варианте предстаёт образ русского Фауста в романе М.Ю.Лермонтова. В данном произведении нет явно выраженных отсылок к «Фаусту» Гёте, не фигурируют очевидные инфернальные образы, нет мотива сделки с потусторонними силами. Но в главном герое — Печорине можно отметить много «фаустианского».

Белинский первым раскрыл типические черты Печорина — «человека с сильной волей, отважного, напрашивающегося на бури и тревоги». Великий критик объяснил причины раздвоенности Печорина и убежденно заявил, что в этом романе Лермонтов является «решителем важных современных вопросов» [2. С. 5].

Печорин относится к типу «странного человека», героя, имеющего «странную» трагическую и роковую судьбу. Читатель может отметить «странности» в описании портрета Печорина: *«Его походка была небрежна и ленива, но я заметил, что он не размахивал руками, — верный признак некоторой скрытности характера... Когда он опустился на скамью, то прямой стан его согнулся, как будто у него в спине не было ни одной косточки; положение всего его тела изобразило какую-то нервическую слабость; он сидел, как сидит балзакова тридцатилетняя кокетка на своих пуховых креслах после утомительного*

бала... Несмотря на светлый цвет его волос, усы его и брови были чёрные, — признак породы в человеке, так, как чёрная грива и чёрный хвост у белой лошади...» [1. С. 89—90].

Перед нами предстает довольно меланхоличный, скучающий и ленивый человек. Все движения его говорят о хандре. Герой кажется бескостным, он бесформен. На аристократическое происхождение указывает несовпадение цвета волос с цветом усов и бровей.

Стоит обратить внимание на описание глаз Печорина: *«Во-первых, они не смеялись, когда он смеялся! — Вам не случалось замечать такой странности у некоторых людей?.. Это признак или злого нрава, или глубокой, постоянной грусти. Из-за полупущенных ресниц сияли каким-то фосфорическим блеском, если можно так выразиться»* [1. С. 90].

Глаза героя являются зеркальным отражением его душевного состояния. Фосфорический блеск указывает на нездоровый характер данного состояния, застой, омертвелость и замкнутость души. Несовпадение между проявлением внешних и внутренних эмоций героя свидетельствует также о черствости, холодности и неотзывчивости Печорина. В его натуре преобладает дьявольское начало, которое поработает душу.

В «Княжне Мери» мы встречаемся с новым персонажем — Вернером, с которым Печорин чрезвычайно сближается: *«Нынче поутру зашёл ко мне доктор; его имя Вернер, но он русский. Что тут удивительного? Я знал одного Иванова, который был немец»* [1. С. 115].

Хоть автор и указывает на национальную принадлежность Вернера, но мы бы хотели обратить внимание на имя героя, которое имеет немецкие корни и скорее всего не случайно.

«Вернер человек замечательный по многим причинам. Он скептик и матерьялист, как все почти медики... Обыкновенно Вернер исподтишка насмеялся над своими больными, но я раз видел, как он плакал над умирающим солдатом. Он был беден, мечтал о миллионах, а для денег не сделал бы лишнего шагу: он мне раз говорил, что скорее сделает одолжение врагу, чем другу, потому что это значило бы продавать свою благотворительность, тогда как ненависть только усилится соразмерно великодушию противника. У него был злой язык: под вывескою его эпиграммы не один добряк прослыл пошлым дураком» [1. С. 115].

Судя по данному описанию, Вернер предстает весьма противоречивым героем. Он может насмеяться над больными, но в то же время способен на сострадание и жалость. Он мечтает о больших деньгах, но для этого не хочет ничего предпринимать. Профессия Вернера — врач, поэтому не странно, что для героя характерны рационализм, приземленность, здравый рассудок и скепсис. Вернер эгоистичен, не дорожит друзьями, предпочитая врагов последним.

«Вернер был мал ростом, и худ, и слаб, как ребёнок; одна нога была у него короче другой, как у Байрона; в сравнении с туловищем голова его казалась огромна: он стриг волосы под гребёнку, и неровности его черепа, обнажённые таким образом поразили бы френолога странным сплетением противоположных наклонностей» [1. С. 116].

В портрете Вернера много странного. Здесь мы встречаемся также с несовпадением внешнего и внутреннего состояния, как у Печорина. Снаружи Вернер хил, болезнен, в какой-то степени даже уродлив, что никоим образом не сочетается с его сильным характером. Интересным кажется описание черепа, имеющего своеобразную форму, неестественную и нечеловеческую.

«Его маленькие чёрные глаза, всегда беспокойные, старались проникнуть в ваши мысли. В его одежде заметны были вкус и опрятность; его худошавые, жилистые и маленькие руки красовались в светло-жёлтых перчатках. Его сюртук, галстук и жилет были постоянно чёрного цвета. Молодёжь прозвала его Мефистофелем; он показывал, будто сердился за это прозвание, но в самом деле оно льстило его самолюбию» [1. С. 116].

Действительно, Вернер имеет сходство с персонажем Гёте. Можно предположить, что герой специально старался походить на Мефистофеля — явное доминирование чёрного цвета, неяркая наружность, худошавость, аккуратность, сила мысли и разума, высокий

уровень интеллектуальных способностей. В Вернере есть что-то завораживающее, манящее, что привлекает к нему внимание даже вопреки отталкивающей внешности.

Мы полагаем, что в контексте романа и, разумеется, повести, уместно провести аналогию Печорина — с Фаустом, а Вернера — с Мефистофелем. Несмотря на трансформированный сюжет, черты данных архетипов можно отметить в обоих лермонтовских героях.

По поводу Вернера также стоит отметить, что он выступил секундантом Печорина в дуэли с Грушницким, всячески содействовал и помогал Печорину скрыть участие в поединке. Во время последней встречи с Вернером главный герой остается невозмутим:

«Он на пороге остановился: ему хотелось пожать мне руку... и если б я показал ему малейшее на это желание, то он бросился бы мне на шею; но я остался холоден, как камень, — и он вышел» [1. С. 179].

Вернер не может больше поддерживать отношения с Печориным, так как постепенно становится ясно, кто лишил жизни Грушницкого. Печорин это осознает, но все-таки осуждает Вернера, такова натура главного героя.

«Я, как матрос, рождённый и выросший на палубе разбойничьего брига; его душа сжилась с бурями и битвами, и, выброшенный на берег, он скучает и томится, как ни мани его тенистая роща, как ни свети ему мирное солнце; он ходит себе целый день по прибрежному песку, прислушивается к однообразному ропоту набегающих волн и всматривается в туманную даль: не мелькнёт ли там на бледной черте, отделяющей синюю пучину от серых тучек, желанный парус...» [1. С. 181].

В вышеизложенном отрывке вся суть главного героя романа. Подобно лирическому герою М.Ю.Лермонтова из стихотворения «Парус», Печорин ищет на своем жизненном пути бури, битвы, баталии — новые ощущения, все непознанное и неизведанное. Точно Фауст, стремящийся познать тайны бытия. Печорин вслед за героем А.С.Пушкина — Фаустом («Сцена из Фауста»), томится и скучает среди монотонности и спокойствия окружающей его действительности. Лермонтовский герой вдоволь пресытился всеми существующими соблазнами, все это ему опостылело и надоело.

«Характер Фауста, по высказыванию Гёте, — это характер человека, который нетерпеливо бьется в рамках земного бытия и считает высшие знания, земные блага и наслаждения недостаточными для удовлетворения своих стремлений, человека, который, метаясь из стороны в сторону, нигде не может найти желанного счастья...» [4].

Подобно Фаусту, герой Лермонтова ищет, жаждет и желает ту самую бурю, доселе неизведанную эмоцию, которую так и не суждено отыскать.

Исследователь Н.Д.Старосельская пишет в своей статье «Русский Фауст»: «Модное в начале XIX века “байроническое” начало трансформировалось в особую жизненную позицию, заклеянную названием “лишние люди” или “страдающие эгоисты”. Именно здесь берет начало тип русского Фауста, претерпевший к концу столетия существенные изменения» [3. С. 92].

Именно Печорин предстает в качестве так называемого «страдающего эгоиста», которому чужды переживания других людей, который легко калечит и ломает судьбы, не задумываясь о последствиях, а думая исключительно о выгоде и удовлетворении своих интересов, желаний, амбиций.

«Рассказывая о судьбе Печорина, Лермонтов вплотную подошел к вопросу, вскоре поставленному Герценом: “кто виноват?”. Кто виноват в том, что умные и жаждущие деятельности люди в условиях самодержавно-крепостнической России обречены на вынужденное бездействие, искалечены воспитанием, оторваны от народа? И читатель убеждается, что Печорин — не только герой, но и жертва своего времени, хотя это не снимает с него его вины» [2. С. 25].

Печорин — типичный представитель своего поколения. Ему свойственны жажда познания, деятельности, участия, волевой характер и рефлексия. Он нуждается в заботе,

любви, понимании, но из-за недоверия к людям чурается и избегает этого. Таким героя Лермонтова сделала страна, в которой он родился, строй, существующий в России, при котором он вырос, в конце концов, общество, окружавшее Печорина.

«Мы понимаем, что Онегин, Печорин, Бельтов, Рудин в свое время были “лишними людьми” для реакционной, николаевской России, для деятелей охранительного направления; в истории же развития русского самосознания передовой России Онегин, Печорин, Бельтов, Рудин — необходимые звенья, без которых наша культура была бы гораздо беднее» [2. С. 31].

Таким образом, проанализировав образ Печорина, сопоставив его с образом гётевского Фауста, можно сделать следующие выводы. Во-первых, Печорин, как и Фауст, жаждет познания чего-то нового, доселе неизвестного. Во-вторых, герой Лермонтова, подобно Фаусту, является рефлексивным, готовым бросить вызов обществу и окружающему миру. В-третьих, Печорин нигде не может найти желанного счастья, истинного знания, идеала, к которому всю свою жизнь стремится. Его душа мечется и бунтует в поисках свободы от каких-либо догм и социально-политической ситуации в стране. Возможно, после смерти душа Печорина, подобно такой же бунтарской душе Фауста, обретет долгожданный покой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени. СПб., 1996.
2. Мануйлов В.А. Роман М.Ю.Лермонтова «Герой нашего времени». СПб., 1996.
3. Старосельская Н.Д. Русский Фауст // Вопросы философии. 1983. № 9.
4. Шор Г.А. «Фауст» И.В.Гёте и русская литература XX века: мотивы, образы, интерпретации: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2009. URL: <http://elar.usu.ru/bitstream/1234.56789/1894/1/urgu0682s.pdf>

МОТИВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕКСТА В ОБУЧЕНИИ ЧТЕНИЮ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ

MOTIVATING POTENTIAL OF TEXTS USED FOR TEACHING READING IN A FOREIGN LANGUAGE

Аннотация. Статья посвящена мотивационному компоненту в процессе обучения чтению текстов на иностранном языке.

Ключевые слова: чтение на иностранном языке; мотивация; текст как дидактическая единица; мотивационные приемы.

Abstract. The article dwells upon motivation — one of the components in the process of teaching students to read in a foreign language.

Key words: reading in a foreign language; motivation; text as a didactic unit; methods to enhance motivation.

Сведения об авторе: Мелехина Евгения Викторовна, доцент кафедры лингвистики и перевода, преподаватель немецкого языка.

Место работы: Нижевартовский государственный гуманитарный университет.

About the author: Eugenia Viktorovna Melekhina, Associate Professor at the Department of Linguistics and Translation, German language teacher.

Place of employment: Nizhnevartovsk State University of Humanities.

Контактная информация: 628605, г. Нижевартовск, ул. Ленина, 56; тел. (3466) 444055.
E-mail: evmelehina@mail.ru

На современном этапе обучения иностранному языку (далее — ИЯ) центральную роль на занятии играет *устное общение на изучаемом языке*. Современное понимание цели обучения ИЯ ведет за собой признание приоритета устной речи. Педагоги стремятся к достижению главной цели обучения — обучению студентов коммуникации на изучаемом языке и достижению ими определенного уровня владения ИЯ. С одной стороны, коммуникативные задачи, речевые ситуации, разучивание и разыгрывание диалогов по ролям, проблемные задания, обучение монологу или диалогу с использованием опор, игровые приемы, упражнения продуктивного характера и другие виды работ, направленные на развитие навыков говорения на ИЯ, служат средством реализации поставленной цели. С другой стороны, появление и широкое распространение аудиовизуальных медиа-средств в открытом доступе Интернет обусловило постепенное вытеснение чтения как вида речевой деятельности. Для более быстрого овладения навыками разговорной речи студенты предпочитают слушать аудиозаписи, подкасты, смотреть видеоролики, активно участвовать в дискуссиях на занятиях по практике речи. При этом чтению, как одной из форм письменного общения, как виду учебной и рецептивной деятельности студентов, на наш взгляд, отводится недостаточно времени. С появлением коммуникативного метода в обучении ИЯ чтению нередко отводится второстепенная роль. Так ли это оправдано?

На занятии ИЯ, как правило, идет работа над всеми видами речевой деятельности: студенты *аудируют* речь преподавателя или аудиозапись, *говорят* (с помощью репродуктивных или продуктивных заданий), *пишут* (на любом уровне владения языком, будь то диктанты, списывание слов с доски или написание творческого сочинения на заданную тему), *читают* учебные или аутентичные (оригинальные) тексты разного характера, жанра, целевой направленности. Соотношение тренируемых видов речевой деятельности на каждом конкретном занятии всегда будет неодинаковым, в зависимости от поставленных перед студентами задач на конкретном занятии. Но на каждом занятии студенты сталкиваются с чтением, выступающим в качестве не только средства обучения, но и цели, поэтому нельзя забывать о тех возможностях и преимуществах, которые дает этот вид деятельности,

как для преподавателя, так и для обучающихся. Если мы говорим о развитии умения общаться на ИЯ, о подготовке студентов к участию в коммуникации в реальных ситуациях, с носителями языка, в стране изучаемого языка, если мы преследуем цель научить обучающихся спонтанному реагированию в ходе общения на фразы собеседника, то нельзя не согласиться с тем фактом, что чтение является *одним из самых распространенных видов человеческой деятельности*. С чтением разных текстов (начиная от прочтения вывесок, заголовков и заканчивая чтением статьи в интернете на ИЯ) студент сталкивается на иноязычных интернет-сайтах или находясь в стране изучаемого языка.

Как известно, чтение как рецептивный вид деятельности является *умением*, сформировать которое является *главной целью обучения чтению* на иностранном языке. В основе такого умения лежат лексические, грамматические и перцептивные навыки чтения. Все указанные навыки обуславливают умение читать, несформированность любой группы навыков отрицательно сказывается на результатах процесса чтения. Сформированные же навыки обладают такими качествами, как автоматизированность, гибкость, устойчивость, и речь здесь идет об операционном уровне умения.

С одной стороны, необходимой предпосылкой и одним из решающих факторов успешного процесса усвоения знаний при обучении иностранному языку служит мотивационный аспект занятия, с другой стороны, во главе угла каждого занятия рано или поздно будет стоять *иноязычный текст*. В тексте представлена реальность происходящих событий, и текст, в свою очередь, сам оказывает влияние на наше восприятие этой реальности. Вместе с тем текст может и не отражать реальных событий. Так, в художественном тексте могут изображаться и вымышленные события, которые являются плодом авторского миропонимания.

В настоящее время в лингвистике насчитывается более трехсот определений текста. По мнению выдающегося российского психолога И.Р.Гальперина, текстом считается *«произведение речворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа и состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную направленность и прагматическую установку...»* [1. С. 18]. Что касается трактовки текста, по мнению современных методистов по иностранным языкам, работающих в этой области, то здесь наблюдается единодушие в определении этого сложного понятия, а именно: *текст есть коммуникативная единица*, имеющая в своем арсенале такую характеристику, как наличие коммуникативной задачи. Как коммуникативной единице «тексту свойственны такие признаки, как целостность, смысловая законченность, завершенность с точки зрения его автора и в соответствии с его коммуникативной задачей» [3. С. 67].

Язык не просто состоит из набора букв, комбинаций слов и свода грамматических правил — язык отражает наше мышление, а мышление вербализируется в текстах. Язык, по мнению многих ученых, рассматривается не как система формально-языковых средств, а как средство общения, средство выражения мыслей. «Язык является коммуникативным процессом в чистом виде в каждом известном нам обществе» [5. С. 211].

Исходя из такого определения роли языка, можно рассматривать *текст как дидактическую единицу* в процессе обучения, а также как объект иноязычного образования и как универсальный мотивационный источник. Вслед за Л.К.Мазуновой мы понимаем текст как «методически целесообразный, аутентичный *фрагмент культурно-языкового пространства*, в рамках которого моделируется взаимодействие обучаемого посредством управляемой текстовой деятельности. Ценность текста как единицы обучения не ограничивается его социокультурным наполнением. Текст дает возможность реализации языковых средств всех уровней для решения комплекса проблем межкультурного взаимодействия» [3. С. 72].

Текст как дидактическая единица:

— отражает ценности, реалии иноязычной культуры и дает материал для формирования социокультурной коммуникации обучающихся;

— является носителем информации по определенным темам и удовлетворяет личным интересам обучающихся;

— является стимулом для говорения на занятии по иностранному языку, выражения собственной точки зрения на описываемые события в прочитанном тексте;

— дает возможность для развития социальных форм взаимодействия на занятии, а именно: групповой работы, проектной, создания различных учебных стратегий;

— представляет языковой коммуникативный образец и поэтому является репродуктивным по своей сути, так как его можно по-разному воспринимать, анализировать и воспроизводить;

— как носитель аутентичного языка не является чем-то застывшим по своей форме, напротив, текст отражает мышление носителя языка и тем самым покрывает потребность нового поколения людей в новых темах и языковых образцах;

— обладает многообразием типов и подтипов, поэтому может применяться на уроке иностранного языка для реализации различных целей коммуникации;

— является языковым примером, образцом и, как следствие этого, материалом для развития лексических, грамматических, фонетических, орфографических навыков и коммуникативных умений (в чтении, говорении, письме и аудировании);

— служит основой для повышения мотивации по причине тематической направленности, презентации языковых образцов в естественной форме, разнообразия видов, интересных презентационных форм и, наконец, из-за возможности построения занятия в увлекательной и интересной форме [2. С. 32].

Тексты как дидактическая единица, несомненно, обладают *большим мотивирующим потенциалом*: они предлагают преподавателю тему для разговора, коммуникации, могут пробудить личные интересы, дают учащимся и студентам образец в языковом плане, а именно правила комбинации различных структур в языке и подсказывают обучающимся, как надо использовать те или иные правила языка. Тексты погружают нас в иноязычную культуру, культуру другого народа, другой ментальности и информируют нас об иноязычных ценностях, зачастую — напрямую. Также тексты демонстрируют нам правила и способы поведения, обогащают наш жизненный опыт.

В российской дидактике работа с текстом всегда играла приоритетную роль, так как в процессе работы с текстом на уроке иностранного языка у обучающихся появляется возможность обмена мнениями. С другой стороны, в тексте представлены сами примеры структурирования, выражения и формулирования мысли. В случае иноязычной изоляции текст дает единственную возможность для симулирования культурной среды, погружения и восприятия социокультурных различий.

Текст в качестве учебного материала может не только способствовать развитию языковых и коммуникативных умений, но и играть интегративную роль на уроке иностранного языка. И не только с точки зрения дидактики. Представим взаимосвязь темы, типа текста с одной стороны и мотивацию и коммуникативную компетенцию — с другой. Текст имеет определенную тему, эта тема должна соответствовать стандартам и ориентироваться на возрастные и личные интересы обучающихся. Содержание текста определяет коммуникативные ситуации и во многом языковые особенности (лексика, грамматика) данного типа текста. От типа текста зависит выбор упражнений и методическое построение урока, а также языковые особенности. Преподаватель может комбинировать и дополнять различные типы текстов, например, при работе с таким типом текста, как сказка, до прочтения самой сказки можно прочитать биографию писателя, подпись к картинке / иллюстрации к сказке. Во время прочтения можно искать ответы на вопросы, совмещать картинки и тексты,

решать кроссворды, отмечать верные или неверные высказывания по содержанию читаемого материала. После прочтения можно составить сценарий прочитанной сказки, написать фиктивные биографии героев, закреплять лексические или грамматические навыки на материале текста с пропусками и т.д.

Таким образом, текст учитывает *все виды мотивов* — и мотивацию обучающихся, и мотивацию учителя (богатый выбор методов и приемов работы с текстом). Поэтому мы рассматриваем дидактически-аутентичный текст как основу для формирования мотивации к прочтению текста.

Работая с текстом на уроке, преподаватель может преследовать различные цели, и от этого также зависит мотивация обучающихся. Собственно говоря, задания могут являться мотивирующими, если они затрагивают мотивы обучающихся. Например, творческое задание по написанию своего текста затрагивает личностно-ориентированные мотивы обучающихся — идеи, чувства, переживания, эмоции, склонности, интересы. Здесь важна комбинация мотивов внутри одного задания или дидактическая последовательность заданий, затрагивающая по возможности несколько мотивов сразу. Если затрагиваются только учебные мотивы, то обучающиеся чувствуют себя загруженными, если преподаватель постоянно требует от обучающихся креативных, новых идей, то в этом случае мы можем демотивировать обучающихся, так как не каждый человек может выдавать только оригинальные идеи.

Необходимо заметить, что во всех случаях самостоятельность обучающихся в процессе овладения материалом играет важную роль. В психологии известно, что мы теряем свою Я-идентичность, когда делаем то, что нам говорят другие, в конце концов, выполняя требования других, мы становимся пассивнее и немотивированнее. Отсутствие мотивации опаснее негативной мотивации. Итак, на уроке иностранного языка фантазия должна иметь место в разумном сочетании с анализом, дрилловыми упражнениями, заданиями соревновательного типа. Последние очень важны для обучающихся, так как в любом возрасте мы спрашиваем себя: «Я это смогу? Я смогу победить? Стать первым?». Банальное на первый взгляд задание может стать мотивирующим, если придать ему характер соревнования, соперничества. При этом важно рассчитать степень трудности (посильности) самого задания — некоторые смогут с ним быстро справиться, а другие потеряют интерес из-за сложности и незнания материала.

При описании мотивационных упражнений мы исходим из традиционной работы над текстом. Все мотивационные упражнения можно условно поделить на те, которые могут быть выполнены *до прочтения текста, во время и после чтения*.

Итак, группа **мотивационных заданий до прочтения текста** включает следующие виды:

- 1) Антиципация по заголовку текста.
- 2) Опрос группы по теме текста.
- 3) Заполнение ассоциогаммы по теме текста.
- 4) Выдвижение гипотез к иллюстрациям из текста.
- 5) Составление возможного диалога к иллюстрации из текста. Проигрывание диалога.
- 6) Составление диаграммы связей (по заданным словам из текста).

Мотивационные задания во время чтения текста могут выглядеть следующим образом:

- 1) Реконструкция текста.
- 2) Визуализация текстовой информации.
- 3) Работа с ключевыми словами.
- 4) Выбор подходящей картинки к фрагменту текста.
- 5) Квиз.

Мотивационные задания после чтения текста:

1) Вариации игры Memory. Эта игра состоит из пары карточек, например, вопросы и ответы, единственное число и множественное число, слова и картинки. Преподаватель закрепляет лексико-грамматические навыки обучающихся, прибегая к игровой технике, тренируя, таким образом, лексику или грамматику текста.

2) Интерактивная работа с карточками в малых группах. Карточки с предложениями из текста разрезаются, и обучающимся предлагается найти окончание фразы или фрагмента текста.

3) Изменение жанра текста.

4) Выбор подходящего заголовка.

5) Изменение перспективы действия.

6) Сочинение предыстории или окончания текста (с заданными словами).

7) Сочинение на тему текста.

8) Составление коллажа или постера к тексту.

9) Написание письма личного характера главному герою.

10) Инсценирование диалогов, фрагментов текста.

11) Собственное сочинение на тему текста или по заголовку прочитанного текста.

Методика использования иноязычного текста как мотивационного компонента занятия, а не только как материала для формирования навыков чтения, позволит эффективно планировать процесс обучения с учетом существующих мотивов. Кроме того, такой подход к тексту поможет преподавателю самостоятельно разрабатывать конкретный учебный материал исходя из субъективных потребностей конкретной учебной группы и факторов мотивации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1980.
2. Зверлова О.Л. Text in der modernen DaF-Didaktik // Deutsch. 2009. № 18.
3. Мазунова Л.К. Текст как культурно-языковое пространство и единица обучения иностранному языку // Вестник Башкирского университета. 2001. № 4.
4. Пассов Е.И. Коммуникативное иноязычное образование. Липецк, 1998.
5. Сепир Э. Коммуникация // Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.

РЕЦЕНЗИИ

УДК 130.2(049.32)

М.А. Степанова
Нижевартовск, Россия

M.A. Stepanova
Nizhnevartovsk, Russia

МИЛЬРУД Р.П. СИМВОЛЫ КУЛЬТУРЫ

MILRUD R.P. SYMBOLS OF CULTURE

Аннотация: Рецензия на монографию: Мильруд Р.П. Символы культуры. Saarbruke: Palmarium Academic Publishing, 2012. 189 с.

Abstract: Review of the book: R.P. Milrud «Symbols of culture». Saarbruke: Palmarium Academic Publishing, 2012. 189 p.

Сведения об авторе: Степанова Марина Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и перевода.

About the author: Marina Alexandrovna Stepanova, Candidate of Philology, Assistant Professor, Head of the Department of Linguistics and Translation.

Место работы: Нижевартовский государственный гуманитарный университет.

Place of employment: Nizhnevartovsk State Humanitarian University.

Контактная информация: 628600, Нижевартовск, ул. Мира, 3Б, ком. 213, тел. (3466)273577.
E-mail: mstepanova2@gmail.com

Монография посвящена комплексному анализу особенностей культурного пространства современного общества. Автор предпринимает вполне успешную, на наш взгляд, попытку показать культуру как «принятый и коллективно разделяемый в обществе способ бытия» [С. 3] сквозь призму определенных культурных символов. Основной задачей своего исследования автор видит «декодирование культурных символов» [С. 179], без которого, по мнению ученого, понимание культуры является принципиально невозможным. Раскрытие сущности культурных символов, в свою очередь, способствует пониманию структуры культурного знания, позволяет «более системно представить культурную среду, проследить за процессами культурного самоопределения человека в поликультурном мире» [С. 179].

Особый интерес, полагает автор, представляют языковые знаки, поскольку именно языковой материал помогает исследовать процесс взаимодействия культур, а уровень усвоения языка в целом адекватно иллюстрирует межкультурную компетенцию его носителей.

В аспекте межкультурного взаимодействия автором отдельно рассматриваются символы деловой и педагогической культуры, религии, искусства и коллективного бессознательного, в частности, такие культурные продукты как мифы, сказки, а также сновидения (в их интерпретации носителями конкретной культуры).

Структурно монография разделена на три части, каждая из которых состоит, в свою очередь, из трех глав.

В первой части — «Символы бытия» — показываются содержательные блоки культуры как социального явления, рассматривается символика векторов и измерений культуры, изучается процесс культурного самоопределения личности в межкультурной среде.

В этой части своей работы автор приводит различные интерпретации понятия «культура», особо акцентируя внимание на различиях между «аутентичной» (той, что подлинным образом характеризует душу и поведение народа) и «искусственной» (лубочной, сувенирной) культурой. При этом исследователь говорит о принципиально поликультурном характере современного общества, выделяя понятия «мезокультура», «мегакультура», «макрокультура» и «микрочкультура».

Рассматривая феномен культурного пространства, исследователь предлагает «сферическую модель культуры», где совершенно четко выделены следующие элементы: пространство, динамика, организация, практики, символы. Под *символом культуры* исследователь

понимает «знак культурного сообщества в форме природного или социального объекта, артефактов (предметов древности), произведений архитектуры и искусства, философских мудростей, известных организаций и учреждений, культурных событий, устойчивых традиций, церемоний и ритуалов, которые служат индикатором культуры и культурной принадлежности носителей этой культуры» [С. 8].

Однако исследователь утверждает, что воспринимается культура вовсе не в символах, а в особых когнитивных структурах, называемых «ментальными моделями», которые собственно и лежат в основе диалога культур. К ментальным моделям культуры автор относит культурные схематы или схемы, фреймы, скрипты, концентры, категории, прототипы, стереотипы и пропозиции.

Говоря о различиях измерений и векторов культур, исследователь высказывает важную мысль о необходимости обучения культуре, подчеркивая при этом значительное отличие разных компонентов культуры в своей очевидности для непосредственного наблюдения, изучения и описания.

В своем исследовании ученый изучает феномен культуры в аспекте его соотнесенности с языковой системой, отмечая их основополагающее сходство: и культура, и язык являются дискретными семиотическими системами, которые служат средством коммуникации. Тем не менее, исследователь считает, что символы культуры и языковые знаки не могут сопоставляться как сходные явления. В подтверждение своей мысли автор приводит целый ряд релевантных различий между понятиями «языковой знак» и «культурный символ».

Особый интерес вызывает идея автора о том, что культура как своего рода код, т.е. система знаков, требует «многоэтапного декодирования с все более глубоким проникновением в сущность скрываемой информации» [С. 25]. Подобное «послойное» снятие культурной информации приводится автором в виде модели пирамиды, где вершиной являются Визуальные признаки, далее следуют Культурные символы, Группы символов, Культурная семиотика и основой пирамиды — Культурный код. И совершенно справедливым представляется мнение исследователя о том, что глубинная расшифровка культурного кода ведет к познанию культуры и накоплению знаний о «душе народа».

Однако автор ставит под вопрос гомогенность культуры как некоего универсального для данного народа способа бытия, обосновывая свои выводы существующими многочисленными примерами «группового и индивидуального разнообразия и своеобразия в нарушение принципа культурной целостности общества» [С. 26]. И, тем не менее, исследователь определяет культуру как реальную и устойчивую характеристику общества.

Отдельное внимание автор уделяет рассмотрению сложных процессов культурного самоопределения и межкультурного самоопределения.

В аспекте поликультурности и межкультурного самоопределения автор работы достаточно подробно рассматривает противопоставление культур в рамках матрицы, где ключевыми элементами называются «слово», «дело», «молчание», «вера», «судьба». Жесткое противопоставление культур и, как следствие, несоответствие индивида требованиям новой культуры вполне очевидно сопровождается культурным шоком. Исследователь в своей работе высматривает схему диалога культур, на основе которой, как нам кажется, можно достаточно эффективно прогнозировать и устранять возможные точки возникновения культурного шока.

Вторая часть монографии — «Символы языка» — посвящена исследованию форм выражения культуры в языке ее носителей. Здесь же автор описывает механизмы взаимовлияния языков в соединении культур и раскрывает основные признаки межкультурной компетенции участников международной деятельности на примерах владения языком и способами взаимодействия с представителями иных культур.

Интересно мнение исследователя о том, что языковые символы могут функционировать как метки, ориентиры и коды культуры, которые различаются между собой глубиной сообщаемой информации и, соответственно, сложностью дешифровки.

К достоинствам этого раздела монографии следует отнести многочисленные яркие примеры межкультурного взаимодействия языков, а также рассуждения о процессе глобализации английского языка, которые будут интересны самой широкой аудитории читателей.

В третьей части — «Символы деятельности» — автором систематизируются некоторые особенности экономической деятельности в зависимости от культуры участников, анализируются культурные символы, отражающие такую область общественной жизни как образование, рассматривается культурная символика религиозных, художественных и психологических символов.

Так, исследователь приводит интересные данные о том, как различные проявления национальной деловой культуры могут схематизироваться в разного рода стереотипы, которые зачастую воспринимаются носителями другой культуры с определенной долей юмора.

В качестве важного аспекта исследования национальной культуры автор монографии видит изучение феномена педагогической культуры: «традиционная национальная педагогика представляет собой тот фундамент и каркас, который обуславливает форму всего здания, какой бы строительный материал не использовался» [С. 133].

В отношении российских национальных педагогических традиций автор высказывает, как нам кажется, абсолютно справедливое мнение о том, что особенную роль в России всегда играли тексты — философские, религиозные, поучительные — как «источники надежных и важных для жизни сведений». По мнению автора, тексты выполняют функцию передачи канонических знаний, что проявляется даже в подходе к обучению иностранным языкам.

Еще одним фактором, обуславливающим специфику российской педагогической культуры, является доминирующая позиция учителя в учебном процессе при строгом соблюдении учебной дисциплины учащимися. Все это, по мнению исследователя, приводит к диссонансу между российским и «западным» подходами в обучении. Однако, заметим, что при всей открытости западной педагогической модели нельзя полностью отрицать многих положительных моментов фундаментальной системы российского образования. Справедливости ради следует отметить, что автор обсуждает в своей работе различные педагогические традиции, в том числе азиатские, африканские.

Заключает работу раздел, посвященный исследованию феномена «духовной жизни» (религия, искусство, коллективное бессознательное).

Относительно религиозного пространства автор публикации делает, как нам кажется, достаточно обоснованный вывод (хотя сам автор говорит, что этот вывод предварительный) о соположенности религии и культуры с точки зрения их единства в их векторах и измерениях (неразрывность и цикличность).

Нельзя не сказать о том, что автор указывает на интересную связь между современным искусством с его тенденцией «соединять несоединяемое» и всеобщей глобализацией. По мнению исследователя, следует отдать должное новым эстетическим стандартам, которые провоцируют острые общественные дискуссии в своей попытке изменить существующую реальность.

Подводя итог обзору основных положений рецензируемой монографии, отметим, что в целом работа представляет собой не просто фундаментальное исследование по выбранной тематике, но и серьезный источник лингвокультурной информации, которая может быть использована как в академических, так и в сугубо прикладных целях.

УДК 81'1

Н.М.Перельгут
Нижевартовск, Россия

N.M.Perelgut
Nizhnevartovsk, Russia

ДИСКУРС КАК СОЦИАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ПРИОРИТЕТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

DISCOURSE AS A SOCIAL ACTIVITY: PRIORITIES AND PROSPECTS

Аннотация: Обзор материалов международной научной конференции «Дискурс как социальная деятельность: приоритеты и перспективы» (г.Москва, 17—18 ноября 2011 г.).

Abstract: Overview of the proceedings of the international science conference «Discourse as a social activity: priorities and prospects» (Moscow, November 17—18, 2011).

Сведения об авторе: Перельгут Надежда Майеровна, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой лингвистики и перевода.

About the author: Perelgut Nadezhda Mayerovna, Candidate of Philology, Assistant Professor, Head of the Department of Linguistics and Translation.

Место работы: Нижевартовский государственный гуманитарный университет.

Place of employment: Nizhnevartovsk State Humanitarian University.

Контактная информация: 628609, Нижевартовск, ул. Мира, 3Б, ком. 213, тел. (3466)273577.
E-mail: nggu_eld@mail.ru

Со времени, когда понятие «дискурс» вошло в научное употребление как лингвистический термин (после публикации работ З.Харриса (Zellig Sabbetai Harris) в 1952 г.) и стало объектом активного изучения, прошло более полсотни лет. Необходимость взглянуть на язык как динамическое и социальное явление, как процесс взаимодействия между говорящим / пишущим или слушающим / читающим (адресантом и адресатом) с учетом контекста (в широком смысле) стимулировало множество исследований и способствовало формированию новой научной парадигмы в лингвистике — антропоцентрической. В связи с этим проведение научной конференции ведущим лингвистическим вузом страны — МГЛУ — с формулировкой «Дискурс как социальная деятельность: приоритеты и перспективы» стало знаменательным событием, целью которого было подвести некоторые итоги более чем полувекового изучения данного явления, определить тенденции и наметить пути его дальнейшего исследования. Конференция привлекла представителей не только российского, но и мирового лингвистического сообщества из Великобритании, Германии, Швеции, Белоруссии, Казахстана, Литвы, Украины.

Обсуждение актуальных и наиболее дискуссионных вопросов на конференции проходило в рамках следующих шести секций: «Дискурс и социальные институты: разнообразие дискурсивных практик», «Методология и методы исследования дискурса», «Дискурс и информационно-медийные технологии»; «Социокультурная идентичность и дискурс. Стратегии профессиональной коммуникации», «Когнитивные исследования дискурса», «Дискурс как полилог социокультурных кодов».

В кратком обзоре трудно перечислить все заслуживающие внимания доклады. Остановимся на некоторых из них, на наш взгляд, наиболее актуальных, интересных и дискуссионных.

Особое внимание в материалах конференции уделяется институциональным видам дискурса: научному (Карасик В.И., Новодранова В.Ф., Маслова Л.Н., Томская М.В.), политическому (Водак Р., Агафонова О.И., Забело Т.В., Каспарова А.Ю., Мурай Е.В., Федорюк А.В., Ибрагимова А.Б.), учебному, масс-медийному, юридическому, экономическому, рекламно-

му, религиозному (Калмыкова Е.И., Куницина О.М., Потапенко С.И. и др.), равно как и разнообразию дискурсивных практик и стратегий, характерных для деятельности различных социальных институтов. Так, в докладе «Organizational Decision-Making, Discourse, and Power: The Influence of Leadership, Context, and Genre on Consensus Building» (доктора филологических наук, профессора Рут Эмили Водак (Ruth Wodak), университет Ланкастера, Великобритания) на примере заседаний Европейского Парламента рассматривается актуальный вопрос о дискурсивной роли председателя собрания в принятии решений и стратегиях дискурсивного поведения для достижения консенсуса (С. 15—18).

После краткого обзора основных направлений в изучении дискурса (в терминологии автора «ситуативно-обусловленного» и «текстуально-обусловленного») в рамках социолингвистического подхода В.И.Карасик (ВГПУ, г. Волгоград) на примере академического дискурса выделяет различные режимы институционального общения, или модусы, такие как учебно-научный (преподаватель — студент), профессиональный (преподаватель — преподаватель, студент — студент) и организационный, связанный с поддержанием статуса учебного заведения как социального института. Однако, как справедливо замечает автор, предлагаемый подход к моделированию институционального дискурса носит междисциплинарный характер и применим при изучении общения в различных социальных учреждениях (С. 24).

В докладе О.К.Ирисхановой (МГЛУ, г. Москва) в фокусе внимания находится соотношение важных социокультурных понятий «стереотип», «эталон», «имидж» и «прототип», которые рассматриваются как модели, или структуры знаний, обобщающие типизированные представления о социальных группах или их представителях. Автор анализирует их сущностные характеристики и приходит к выводу, что они не тождественны друг другу, хотя и имеют определенные сходные черты. Сходство моделей, по мнению автора, заключается в их знаковой сущности, избирательности, компрессивности, оценочности, в создании и поддержании социальной идентичности и др. Однако они различаются по ряду признаков, в частности, стереотип и эталон — по признаку обобщенность / уникальность, по степени объективности (большей / меньшей), преднамеренности и контролируемости действий с данными моделями, по оценочности и т.д. На примере инструктивного дискурса автор замечает, что указанные модели могут взаимодействовать друг с другом: стереотип может служить основой для построения имиджа, который в свою очередь опирается на принятый эталон (С. 28—30).

Интересной представляется интерпретация традиционных и существенных для лингвистики понятий: функциональный стиль, жанр и регистр, которые с позиции дискурса как социальной деятельности рассматриваются в качестве ступеней программы его построения: первая ступень — функциональный стиль, оказывающий влияние на отбор языковых средств для достижения коммуникативной цели, вторая — жанр, задающий более строгие ограничения на структуру речевого произведения в зависимости от конкретных коммуникативных целей и определенного социального и институционального контекста, и третья — регистр, определяющий использование языковых средств и их организацию в конкретной ситуации общения с учетом канала связи, статуса партнеров по коммуникации и т.д. (К.М.Ирисханова, МГЛУ, г. Москва. С. 44—46).

Значительная часть докладов посвящена методологии и методам исследования дискурса (Секция 2). Речь идет о когнитивных, линвопрагматических, социолингвистических, психолингвистических методах, а также корпусной лингвистике и др. Так, когнитивный подход позволяет рассматривать дискурс как программу (модель) формирования речевого сообщения, в которой учитывается не только смысловое наполнение высказывания, но и способы передачи информации, а также конкретные условия коммуникации (ситуация общения, характеристики участников и канал коммуникации). Когнитивными признаками дискурса являются модели адресата и адресанта, функция и характер речевого произведения,

задаваемая автором прагматическая установка, способы передачи послания (логико-аргументативные, образные, фактографические), соотносимость информации с внеязыковой реальностью. Стилль же рассматривается как более частная когнитивная структура, определяющая принципы и закономерности выбора языковых средств разных уровней (Е.Г.Беляевская, МГЛУ, г. Москва. С. 181—182). Важной в отношении методологии представляется мысль о необходимости комплексного применения современных и иных конкретных методик, которые являются достижениями предшествующих научных школ и направлений (М.А.Салькова, О.А.Мачина, МГЛУ, г. Москва. С. 93).

В круг интересов ученых входят, кроме того, виды дискурса, которые возникли благодаря новым информационно-медийным технологиям (Секция 3). При этом в докладах нередко отмечается аксиологическая значимость новых коммуникационных возможностей. Так, в докладе Т.А.Болдовой (МПГУ, г. Москва) положительно расценивается обучающий потенциал Интернета, который позволяет вовлечь студента в процесс межкультурной коммуникации (С. 100—101). В то время как другие исследования отмечают негативную роль новых информационных технологий, например, процесс англизации российских СМИ не только на лексическом, но и синтаксическом уровне (О.А.Бурукина, МГЛУ, г. Москва. С. 102—103).

Интерес представляют доклады, связанные с изучением особенностей дискурса при общении в пространстве глобальной Сети: институционального академического, политического, экономического (банковского) и др. (Е.А.Быстрова, П.М.Дайнеко, Т.В.Забело, Н.С.Каленик). Тематика докладов свидетельствует, что диапазон различных типов дискурса, изучаемых в рамках интернет-коммуникации, достаточно широк: от чатов, интернет-форумов, конференций, персональных страниц, до блогов и порталов. Судя по количеству и разнообразию докладов, посвященных виртуальному общению, кажется правомерным предположение о формировании отдельной дисциплины — интернет-лингвистики (П.М.Дайнеко, МГЛУ, г. Москва. С. 109).

Сборник содержит также доклады, посвященные исследованию социокультурной идентичности коммуникантов, дискурсивных стратегий профессиональной коммуникации и изучению дискурса как полилога социокультурных кодов (Секции 4—6). В работах рассматриваются различные стратегии дискурсивного поведения, речевые акты — извинение, комплимент и др. (см. доклады С.С.Авакимян, НГГУ, г. Нижневартовск; А.В.Руденко, МГЛУ, г. Москва), при этом акцент делается не только на говорящем, но и на слушающем, т.е. на восприятии, которое признается исходным моментом в когнитивной деятельности человека. Не остаются без внимания невербальные компоненты общения и способы их языкового представления в художественном дискурсе, при этом подчеркивается их метафоричный характер (О.В.Климашева, МГВМИ, г. Москва. С. 227—228).

Тематика докладов свидетельствует, что внимание лингвистов по-прежнему привлекают гендерные аспекты, когнитивная метафора и ее роль в различных видах дискурса; проблемы дискурса в аспекте межкультурного взаимодействия. Важно, на наш взгляд, отметить возрождение интереса к диахроническому изучению дискурсивных явлений, в частности, в рамках диахронической концептологии, которая представлена как новое направление когнитивных исследований (Н.Ю.Субиркина, МГЛУ, г. Москва. С. 210—211); изучение дискурса рекламы в диахронии с целью определения динамики и тенденций развития (Л.А.Кочетова, ВолГУ, г. Волгоград. С. 118—120).

Таковы приоритетные направления исследований в области дискурса. Относительно перспектив его изучения, намеченных в материалах конференции, можно привести высказывание профессора Т.Н.Маляр (МГЛУ, г. Москва) о том, что ключевой проблемой остается когнитивное основание построения речи, в частности, выбор информации для эксплицитного или имплицитного представления в речевом произведении с учетом тех факторов, которые определяют этот выбор в разных языках: и это не только интенция говорящего

и конкретные условия коммуникации, но и правила построения речи, принятые в конкретном языковом сообществе (С. 238). Это позволяет говорить о дальнейшем развитии когнитивно-дискурсивного направления в лингвистике. Кроме того, интернет-пространство постоянно предлагает новые способы и формы коммуникации, которые открывают неизученные сферы исследования.

Несомненно, материалы конференции представляют интерес для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов и всех тех, кого интересуют вопросы дискурса и языка в действии.

**27—28 марта 2014 года ФГБОУ ВПО «Нижевартовский государственный университет» проводит
Всероссийскую научно-практическую конференцию
«Традиции и инновации в образовательном пространстве России, ХМАО—Югры и НГГУ»**

Приглашаем преподавателей, студентов, аспирантов, соискателей, органы управления образованием, учителей, социальных педагогов, психологов, воспитателей и методистов образовательных учреждений принять активное участие в конференции, целью которой является обобщение и исследование основных направлений инновационной образовательной деятельности в России и регионе, расширение ее научно-методической базы.

Основные направления работы конференции:

- научно-исследовательская деятельность в современных образовательных учреждениях.
- опыт, проблемы и перспективы реализации ФГОС.
- о проблемах и перспективах реализации ФГТ.
- психолого-педагогическое сопровождение участников образовательного процесса.
- компетентностный подход в образовании: опыт, проблемы и перспективы.
- культура и образование: актуальные проблемы взаимодействия.
- социально-воспитательная деятельность в образовательных учреждениях.
- технологии управления качеством в образовательном учреждении.
- развитие дополнительного профессионального образования в вузе в контексте модернизации экономической системы.
- информационно-образовательная среда современного образовательного учреждения.
- идентификация российского высшего профессионального образования с европейской образовательной моделью.

По итогам конференции планируется издание электронного сборника материалов. Материалы публикуются при условии соответствия их теме конференции, соблюдения сроков представления и требований к оформлению. За содержание публикуемых материалов ответственность несут авторы. К опубликованию принимаются статьи и тезисы в бумажном и электронном вариантах.

Требования к оформлению материалов: регистрационная форма представляется в Оргкомитет **до 10 марта 2014 г.**, текст статьи, тезисов представляется в Оргкомитет **до 18 марта 2014 г.** В электронном виде должно быть отправлено 2 файла: 1) регистрационная форма; 2) текст статьи или тезисов. Файлы должны содержать в названии фамилию автора и назначение файла (Пример: Иванов-рег-форма; Иванов-статья или Иванов-тезисы).

Оформление текста: размер бумаги А5 (148x210); поля: слева, справа и сверху — 1,9 см, снизу — 2,1 см; гарнитура Times New Roman; размер шрифта: для текста — 11 пт, для таблиц — 10 пт, для сносок — 9 пт; междустрочный интервал — одинарный; без переносов; абзацный отступ — 0,5 см.

Структура текста: по центру прописными буквами печатается название доклада; через один интервал по правому краю строчными буквами — инициалы и фамилия автора (авторов), город и организация; через 1 интервал с красной строки печатается текст доклада; сноски к цитатам размещают в квадратных скобках в конце предложения, указывая первым номер источника по списку литературы, затем, через запятую, номер страницы, точка в конце предложения ставится после квадратных скобок; список литературы размещают в строгом алфавитном порядке в конце статьи.

Объем материалов: тезисы до 3 страниц, статья до 6 страниц.

РЕГИСТРАЦИОННАЯ ФОРМА УЧАСТНИКА КОНФЕРЕНЦИИ

Ф.И.О. (полностью)
Ученая степень, уч. звание, должность
Организация
Структурное подразделение
Почтовый адрес с индексом
Факс
E-mail
Телефон (раб./ дом. /моб.)
Форма участия (нужное подчеркнуть) • личное участие с публикацией материалов и устным докладом • личное участие и устный доклад • личное участие с публикацией материалов • личное участие без публикации и доклада
Название статьи (тезисов)
Потребность в технических средствах для презентации доклада: да/нет
Потребность в гостинице*: да/нет

* Оплата проживания в гостинице за счет направляющей организации.

Адрес оргкомитета конференции: 628605, г. Нижневартовск, ул. Ленина, 56, ауд. 207, деканат факультета культуры и сервиса. Телефон/факс: (3466) 44-40-55. **E-mail:** nggufkis@bk.ru

**6—7 февраля 2014 года в Нижневартковском государственном гуманитарном университете состоится
III Всероссийская научно-практическая конференция
«КУЛЬТУРА, НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ»**

Приглашаем аспирантов, молодых ученых, преподавателей и сотрудников образовательных учреждений, специалистов-практиков принять участие в конференции, целью которой является обсуждение актуальных проблем и перспектив развития культуры, науки и образования.

Основные направления работы конференции:

- Гуманитарное направление;
- Естественнонаучное направление;
- Психолого-педагогическое направление;
- Физико-математическое направление;
- Информационные технологии и вычислительные системы;
- Экономика и менеджмент;
- Физическая культура и спорт;
- Философия и культурология;
- Культура и искусство;
- Электроэнергетика и электротехника.

По итогам конференции планируется издание сборника статей. Оргкомитет оставляет за собой право отбора материалов и их редактирования.

Требования к оформлению материалов: регистрационная форма и текст статьи представляется в Оргкомитет **до 28 января 2014 г.** В электронном виде должно быть отправлено 2 файла: 1) регистрационная форма; 2) текст статьи. Файлы должны содержать в названии фамилию автора и назначение файла (Пример: Иванов-рег-форма; Иванов-статья).

Оформление текста: размер бумаги А5 (148x210); поля: слева, справа и сверху — 1,9 см, снизу — 2,1 см; гарнитура Times New Roman; размер шрифта: для текста — 11 пт, для таблиц — 10 пт, для сносок — 9 пт; междустрочный интервал — одинарный; без переносов; абзацный отступ — 0,5 см.

Структура текста: по правому краю строчными буквами — инициалы и фамилия автора (авторов), город и организация; через один интервал по центру прописными буквами печатается название доклада; через один интервал с красной строки печатается текст доклада; сноски к цитатам размещают в квадратных скобках в конце предложения, указывая первым номер источника по списку литературы, затем, через запятую, номер страницы, точка в конце предложения ставится после квадратных скобок; список литературы размещают в строгом алфавитном порядке в конце статьи.

Объем материалов: 4—6 страниц.

Участие в конференции — бесплатное. Оплачивается только публикация и услуги по рассылке. Размер оплаты зависит от того, какой вид сборника (CD-диск или книга) желает получить автор:

- 1) Сборник материалов (печатный) + рассылка: 300 руб.+130 руб. К оплате: 430 руб.
- 2) Сборник материалов на CD + рассылка: 180 руб.+130 руб. К оплате: 310 руб.
- 3) Сборник материалов с рассылкой по электронной почте: 150 руб. К оплате: 150 руб.

Реквизиты для оплаты публикации материалов будут высланы после просмотра материалов.

Регистрационная форма участника конференции

Ф.И.О. (полностью)
Ученая степень, уч. звание, должность
Организация
Структурное подразделение
Почтовый адрес с индексом
E-mail
Контактный телефон
Форма участия (очное, заочное)
Название статьи
УДК
Потребность в технических средствах для презентации доклада: да/нет
Потребность в гостинице: да/нет

Командировочные расходы — за счёт направляющей стороны.

Адрес оргкомитета конференции: 628605, г. Нижневартковск, ул. Ленина, д. 56, каб. 219.

Телефон: (3466) 45-18-20. **E-mail:** uni@nggu.ru. **Web:** www.nggu.ru, ngtu.pф

Уважаемые коллеги!

Издательство Нижневартковского государственного гуманитарного университета приглашает ученых, преподавателей, сотрудников научно-исследовательских институтов и лабораторий, аспирантов, соискателей опубликовать результаты своих исследований в области гуманитарных, естественных и технических наук.

«Вестник Нижневартковского государственного гуманитарного университета» — периодическое научное издание. Журнал выходит ежеквартально.

Тематические выпуски издания:

- «Исторические науки»
- «Филологические науки»
- «Естественные науки и науки о Земле»
- «Культурология. Философия. Социология»
- «Психологические и педагогические науки»
- «Физико-математические и технические науки»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия; свидетельство о регистрации № ФС77-26062 от 25.10.2006 г.

«Вестник Нижневартковского государственного гуманитарного университета» зарегистрирован в ISSN реестре:

ISSN 2070-7274 (печатная версия журнала);

ISSN 2304-0440 (электронная версия журнала).

Журнал включен в Каталог российской прессы «Почта России» (подписной индекс: 24943) и в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Публикация в журнале бесплатная.

Как опубликовать статью?

1. Вы отправляете нам статью и сведения об авторе по адресу e-mail: uni@nggu.ru.

Оформление статьи: формат листа — А4, поля вокруг текста — 2 см, гарнитура шрифта — Times New Roman, размер шрифта — 12 пт, межстрочный интервал — одинарный, абзацный отступ — 1 см, список литературы — по ГОСТ 7.0.5.2008. Статья помимо основного текста должна содержать аннотацию и ключевые слова (на русском и английском языках), код УДК. Сведения об авторе: Ф.И.О. полностью, ученая степень, ученое звание; аспиранты, соискатели — указать вуз и кафедру; место работы (город, организация, подразделение), должность; корреспондентский почтовый адрес; контактный телефон; контактный e-mail.

Аспиранты и соискатели дополнительно предоставляют отзыв научного руководителя на статью.

2. Статья направляется на рецензирование (7—14 рабочих дней). При положительной рецензии работа публикуется в ближайшем выпуске, соответствующем тематике Вашей статьи; один экземпляр издания направляется Вам.

3. В случае отказа в публикации автору направляется мотивированный отказ.

Контактная информация

Адрес: 628600, Россия, г. Нижневартковск, ул. Ленина, д. 56, Нижневартковский государственный гуманитарный университет, управление научных исследований и международной деятельности (каб. 219).

Телефон: (3466) 451820

E-mail: uni@nggu.ru

Web: www.nggu.ru или нггу.рф

Куратор: Овечкина Елена Сергеевна, начальник управления научных исследований и международной деятельности